This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

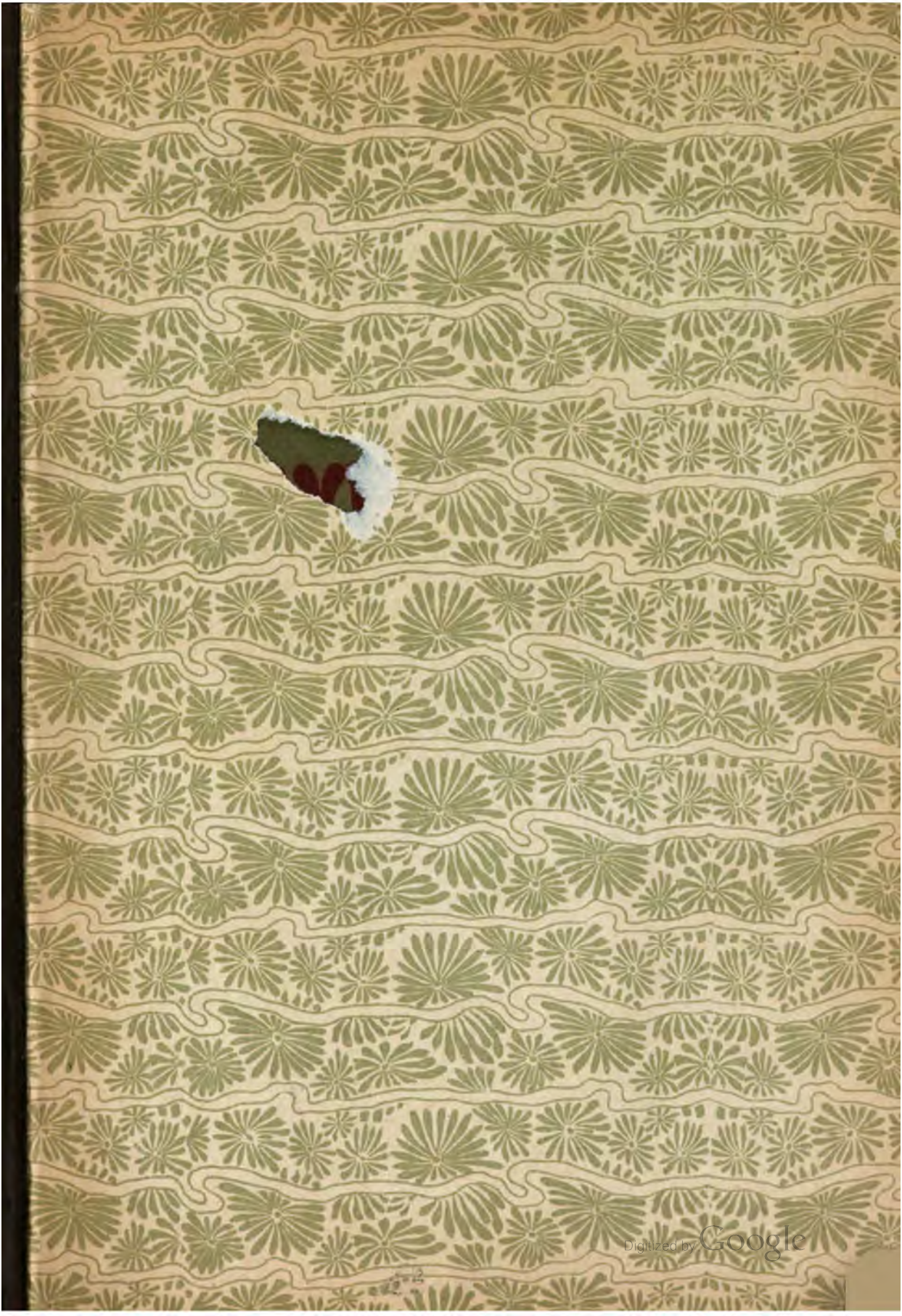
О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

VE RI TAS

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

Digitized by Google


Digitized by Google

Digitized by Google

Книга X. 1904 г.

Научное Слово.

Москва.

Digitized by Google

Digitized by Google

Книга X. **1904 г.**

Въ 1905 году въ «Научномъ Словѣ» будетъ отдѣльными главами печататься новая книга профессора И. И. Мечникова, составляющая продолженіе и комментарій къ его «Этюдамъ о природѣ человѣка». Первая глава называется «Естественная смерть въ животномъ мірѣ».

Саратов. Областная БИБЛИОТЕКА Периодика.

Москва.

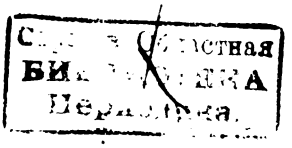
Digitized by Google

Digitized by Google

Книга X. 1904 г.

032696

Научное Слово.



Москва.

Digitized by Google

PSlav 481.18 (1904, no-10)

Дозволено цензурою. Москва, 1 декабря 1904 г.

884377
ГОСУДАРСТВЕННАЯ
Кирг. ССР им.
HARVARD UNIVERSITY LIBRARY 13 IUN 1971
7142

ТИПО-ЛИТ. ТВА И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К° МОСКВА

Digitized by Google

СОДЕРЖАНІЕ.

Стр.

I. НАУКА И ИСТИНА. **Проф. Д. А. Гольдгаммера.** *(Окончаніе.)* . . 5

II. НЕДОРАЗУМѢНІЯ ВЪ ПОНИМАНІИ ПРИРОДЫ. **Проф. Н. А. Умова.** 21

III. ЭТЮДЫ ПО ИСТОРІИ ГРЕЧЕСКОЙ РЕЛИГІИ. **Проф. кн. С. Н. Трубецкого.** *(Окончаніе.)*. 31

IV. КАТОЛИЧЕСКІЙ УНИВЕРСИТЕТЪ ВЪ ЛУВЕНѢ. **Прив.-доц. С. А. Котляревскаго.** 47

V. В. С. ПЕЧЕРИНЪ. **М. О. Гершензона.** *(Окончаніе.)* 63

VI. ДВА ПРАВОВЫХЪ ИДЕАЛА. **Проф. П. И. Новгородцева.** 112

VII. ХРОНИКА НАУКИ, ИСКУССТВА И ЛИТЕРАТУРЫ. („Излученіе въ солнечной системѣ". **А. І. Бачинскаго.**—„Свѣтящіяся растенія". **Г. Э. Риттера.**—„Къ шестидесятилѣтію кончины Крылова". **Ю. А.**). . 128

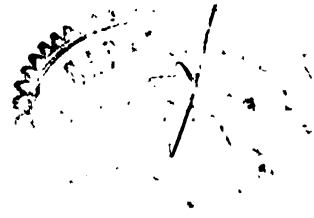
VIII. ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ. **М. О. Гершензона** 136

IX. ОБЗОРЪ ТЕАТРА. **М. О. Гершензона** 145

X. БИБЛІОГРАФІЯ. (Куно Франке: „Исторія нѣмецкой литературы". **Ю. А. Веселовскаго.**—Н. Энгельгардтъ: „Очеркъ исторіи русской цензуры". М. Лемке: „Очерки по исторіи русской цензуры". Проф. Овсянико-Куликовскій: „Этюды о творчествѣ Тургенева". **В. В. Каллаша.** — Ц. Балталонъ: „Пособіе для литературныхъ бесѣдъ". **Ю. А. Веселовскаго.**—„Труды Юридическаго Общества при Харьковскомъ университетѣ".—А. Я. Шпаковъ: „Государство и церковь". **С. А. Шумакова.**). 149

XI. ЗАСѢДАНІЯ УЧЕНЫХЪ ОБЩЕСТВЪ ПРИ МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ. 158

XII. ОБЪЯВЛЕНІЕ.



Digitized by Google

Digitized by Google

Наука и истина.

(*Окончаніе*) [1]).

Можно сказать про эѳиръ и молекулы, что они раздѣлили между собою власть надъ физическими явленіями; но съ точки зрѣнія единства природы, очевидно, должно существовать между ними и связующее звено. Такое звено, или по крайней мѣрѣ намекъ на него, мы и имѣемъ на самомъ дѣлѣ—это теорія вихрей-атомовъ, созданная В. Томсономъ ранѣе, чѣмъ выяснилась окончательно роль эѳира въ электромагнитныхъ явленіяхъ. Идеальная несжимаемая жидкость, относящаяся къ дѣйствительнымъ жидкостямъ (съ которыми мы обычно имѣемъ дѣло), «какъ кругъ Эвклида къ нашимъ реальнымъ кругамъ», и вихри въ этой жидкости—вотъ основаніе теоріи, въ которой нѣтъ ничего произвольнаго, нѣтъ ничего, кромѣ матеріи и ея движенія. Здѣсь не мѣсто излагать эту замѣчательную теорію, гдѣ молекулы и атомы не вещество, а состояніе вещества, гдѣ всѣ силы оказываются кажущимся явленіемъ, простымъ слѣдствіемъ движенія, а вся такъ называемая потенціальная энергія (напр. энергія тѣла, поднятаго надъ землей, энергія наэлектризованнаго тѣла и т. п.), является энергіей движенія. Мы не сомнѣваемся, что эта теорія — теорія будущаго, и только математическія трудности служатъ пока преградой для ея развитія, но если эта трудность и велика, то и «слава ее преодолѣть будетъ единственная».

Математическія трудности задержали, какъ извѣстно, и развитіе кинетической теоріи тѣлъ въ широкомъ смыслѣ этого слова: въ этомъ обстоятельствѣ мы видимъ одинъ изъ поводовъ происшедшей не такъ давно реакціи противъ всего направленія классической физики, выразившейся особенно рѣзко въ такъ называемомъ *энергетизмѣ*.

Дѣло въ томъ, что, какъ будто предвидя будущія затрудненія,

---

[1]) „Научное Слово“ 1904, IX.

Digitized by Google

съ которыми встрѣтится человѣчество на пути изученія свойствъ эѳира и молекулъ, нѣкоторые геніальные умы заранѣе озаботились созданіемъ новаго могучаго орудія изслѣдованія, независимо отъ строенія и свойствъ матеріи. Этотъ новый методъ дали такъ называемые два закона [1]) термодинамики (механической теоріи теплоты).

Правда, вскорѣ обнаружилось, что второй законъ имѣетъ совсѣмъ особое положеніе среди другихъ законовъ природы; было доказано, что это, такъ сказать, законъ кажущійся, своего рода теорема теоріи вѣроятностей, т.-е. истина статистическаго характера, являющаяся для насъ истиной постольку, поскольку не достаточно тонки наши органы чувствъ и орудія изслѣдованія. Въ природѣ этотъ законъ весьма тѣсно связанъ съ такими скрытыми движеніями, которыя *неправильны* (irregular по Максвеллю) или *нестройны* (ungeordnet по Гельмгольтцу) въ отличіе отъ правильныхъ или стройныхъ движеній, какія мы имѣемъ, напримѣръ, въ волнѣ и т. п. Величина, играющая главную роль въ аналитическомъ выраженіи второго закона термодинамики, — энтропія — это именно мѣра нестройности, безпорядочности движеній. Такимъ образомъ, по существу дѣла, смыслъ второго закона—молекулярный.

Тѣмъ не менѣе, съ одной стороны, это не сразу стало ясно, съ другой—несомнѣнная возможность приложенія закона къ цѣлому ряду самыхъ разнообразныхъ явленій безъ необходимости имѣть при этомъ спеціальныя молекулярно-эѳирныя представленія — все это вмѣстѣ взятое въ связи съ удивительнымъ успѣхомъ такого рода приложенія и привело энергетиковъ къ смѣшенію метода изученія природы съ ея цѣлью.

Это «декадентское», по выраженію покойнаго А. Г. Столѣтова, направленіе повторяетъ ошибку, въ которой когда-то упрекали атомистовъ; какъ тѣ за атомами, такъ энергетики за символомъ «энергіи» не хотятъ видѣть реальной природы. Энергетики отказываются отъ молекулъ, эѳира, матеріи и механики не только какъ отъ фактовъ, но не желаютъ пользоваться ими и какъ методомъ. Все естествознаніе энергетиковъ — это естественная исторія энергіи, при чемъ энергія перестаетъ быть механическимъ представленіемъ, подобно скорости, ускоренію, силѣ и др., а становится какимъ-то туманнымъ метафизическимъ понятіемъ.

Сила есть понятіе производное отъ массы, длины и времени,

---

1) *Первый законъ.* Теплота есть видъ энергіи и какъ энергія подчинена закону сохраненія энергіи. *Второй законъ.* Хотя превращенія разныхъ видовъ энергіи въ теплоту и обратно происходятъ въ эквивалентныхъ количествахъ, но теплота можетъ быть превращена въ механическую работу только одновременно съ переходомъ ея съ болѣе теплаго тѣла на болѣе холодное, и то не полностью.

Digitized by Google

точно такъ же и энергія. Само собой понятно, что нѣтъ необходимости все сводить къ массѣ, длинѣ и времени. Любыя три механическія понятія можно взять за исходныя; тогда масса, длина и время явятся производными. Но, конечно, ничего новаго по существу этимъ путемъ мы не получимъ; правда, въ нѣкоторыхъ случаяхъ это можетъ помочь намъ подмѣтить соотношенія, которыя въ такихъ «координатахъ» выражаются просто, а въ другихъ—сложно, но это успѣхъ второстепеннаго характера. Мы имѣемъ аналогію сказанному въ термодинамикѣ: состояніе тѣла обычно опредѣляется его объемомъ, давленіемъ и температурой. Тогда энергія и энтропія тѣла будутъ извѣстны, если дана связь между объемомъ, давленіемъ и температурой—так. наз. уравненіе состоянія тѣла (напр., законъ Маріотта—Гей-Люссака (Gay-Lussac), у газовъ).

Но можно, какъ это предложилъ Гиббсъ (Gibbs), характеризовать состояніе тѣла именно энергіей, энтроніей и, напр., объемомъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ это выгодно, но, наоборотъ, тамъ, гдѣ соотношеніе между объемомъ, давленіемъ и температурой просто, тамъ то же соотношеніе въ новыхъ координатахъ сложно (напр., тотъ же законъ Маріотта).

Противъ энергетизма, какъ метода, трудно что-либо возразить, кромѣ того, что ни второй законъ термодинамики, ни аналогичные принципы механики—наименьшаго дѣйствія и Гамильтона (Hamilton)—не приложимы ко всѣмъ явленіямъ природы. Но любопытнѣе всего то, что термодинамика дала больше всего результатовъ въ рукахъ тѣхъ, кто не былъ энергетикомъ въ собственномъ смыслѣ этого слова и кто вовсе не отказывался отъ молекулярныхъ представленій,—въ рукахъ Гельмгольтца, Гиббса, Планка (Planck) и др.

Энергетизмъ, какъ и аналитическое направленіе, о которомъ была рѣчь выше, дѣлаетъ изъ человѣка простую счетную машину. Но Максвелль вѣрно сказалъ: «Человѣческій умъ бываетъ рѣдко удовлетворенъ и навѣрно никогда не упражняетъ свои высшія способности, исполняя трудъ счетной машины. Человѣкъ науки, будетъ ли онъ математикомъ или изслѣдователемъ физическихъ явленій, стремится пріобрѣсти и развить ясныя идеи о вещахъ, съ которыми онъ имѣетъ дѣло. Съ этой цѣлью онъ охотно принимается за длинныя вычисленія и становится на время счетной машиной, но только если онъ можетъ этимъ по крайней мѣрѣ сдѣлать свои идеи яснѣе».

Такимъ образомъ, не въ метафизическихъ тонкостяхъ крайняго энергетизма, не въ пользованіи дифференціальными уравненіями безъ вывода ихъ, а въ качествѣ рецептовъ, какъ это однажды предложилъ Гертцъ, не въ каталогахъ фактовъ и законовъ лежитъ залогъ бу-

Digitized by Google

дущаго прогресса физики и съ нею всего естествознанія. Существованіе эѳира, существованіе молекулъ и ихъ движенія для насъ, несмотря на весь безотрадный скептицизмъ послѣднихъ лѣтъ, есть несомнѣнное слѣдствіе законовъ механики. Ну что же, скажутъ намъ, пусть такъ; но вѣдь и вѣрность законовъ механики не неоспорима.

Конечно, эти законы, какъ и геометрическія аксіомы, не апріорны, какъ бы ни стояли за эту апріорность метафизики; если мы что-либо знаемъ, то знаемъ благодаря опыту и наблюденію. Поэтому «могло бы казаться, быть можетъ, очень дерзкимъ, что мы, будучи столь ограничены въ кругу нашихъ наблюденій—пространственно,—нашимъ положеніемъ на маленькой землѣ—лишь пылинкѣ нашего млечнаго пути,—во времени,—продолжительностью краткой исторіи человѣка,—что мы все же рѣшаемся прилагать ко всему протяженію неизмѣримаго пространства и времени отъ вѣчности къ вѣчности законы, которые мы вычитали изъ небольшой области доступныхъ намъ фактовъ. Но все наше мышленіе и всѣ наши дѣйствія, какъ въ величайшемъ, такъ и въ ничтожнѣйшемъ, основаны на довѣріи къ неизмѣнной закономѣрности природы, и это довѣріе до сихъ поръ оправдывалось тѣмъ сильнѣе, чѣмъ глубже мы вникали въ связь явленій». Это сказалъ Гельмгольтцъ болѣе 30 лѣтъ тому назадъ. Какъ измѣнилось все естествознаніе за истекшія три десятилѣтія, мы хорошо знаемъ; всѣ вновь открытые факты только подтвердили ту нашу вѣру, о которой говорилъ великій естествоиспытатель; остались живы, выросли и принесли плодъ лишь тѣ теоріи и идеи, которыя подошли подъ эту вѣру. Нарушалась ли гдѣ-либо эта закономѣрность въ природѣ? Мы знаемъ, что нѣтъ.

Вообразимъ себѣ человѣка, не имѣющаго представленія о томъ, какъ выточить шаръ; въ механической мастерской ему указываютъ на токарный станокъ и инструменты и говорятъ, что въ этомъ все нужное для выполненія работы. Нашъ экспериментаторъ пробуетъ точить, но, конечно, у него ничего не выходитъ. Какимъ наивнымъ мы бы его сочли, если бы онъ на основаніи своего неудачнаго опыта рѣшилъ, что его обманули, что шары никогда не вытачиваются, а всегда, напр., отливаются. Между тѣмъ въ этомъ родѣ поступаютъ тѣ, кто пытается отвергнуть законы механики безъ достаточнаго къ тому основанія.

У насъ нѣтъ простой механической схемы для явленій электромагнитизма—сложныхъ моделей и механизмовъ сколько угодно; мы не знаемъ свойствъ эѳира, его структуры; мы не знаемъ, что такое атомы и молекулы. Насъ поражаетъ аналогія электромагнитныхъ явленій съ нѣкоторыми движеніями въ жидкостяхъ (гидродинами-

Digitized by Google

ческими явленіями), но случайная ли это аналогія, или она обусловлена существомъ дѣла, мы не знаемъ, ибо здѣсь наши обычныя орудія изслѣдованія оказываются черезчуръ слабыми. Но вся гидродинамика — твореніе нашихъ дней: Гельмгольтцъ и Стоксъ (Stokes), Кельвинъ и Бельтрами (Beltrami)—это наши современники; все ученіе объ электричествѣ и свѣтѣ дѣло нашего времени, нашего вѣка. Все это ново, все это юно. Между тѣмъ мы оказываемся столь избалованными прогрессомъ знанія, что всякое встрѣченное затрудненіе, всякая остановка въ развитіи нашихъ теорій, созданныхъ едва ли не вчера,—все это возбуждаетъ въ насъ отчаяніе своего рода, вызываетъ не стремленіе усовершенствовать наши методы обработки научныхъ данныхъ, нашу «счетную машину», а сомнѣніе въ незыблемости тѣхъ законовъ, которые еще никогда намъ не измѣняли!

При разработкѣ теоріи электромагнитныхъ и свѣтовыхъ явленій въ *движущихся средахъ* приходится рѣшать вопросъ о томъ, какая связь между молекулами и эѳиромъ, какъ отражается движеніе молекулъ на движеніи эѳира, и мы не имѣемъ пока достаточно опытнаго матеріала, чтобы на основаніи его сдѣлать какія-либо опредѣленныя заключенія. Съ другой стороны, и математическая разработка теоріи съ принятіемъ въ расчетъ отдѣльно явленій въ молекулахъ и въ эѳирѣ представляетъ крайне большія затрудненія. Естественно поэтому, что Максвелль и Гертцъ остановились на простѣйшемъ, провизорномъ предположеніи, что движущееся тѣло увлекаетъ съ собой эѳиръ полностью. Однако оказалось, что такое предположеніе не объясняетъ нѣкоторыхъ явленій въ движущихся средахъ.

Правда, и дисперсія свѣта Максвелль-Гертцовскими уравненіями не объясняется; поэтому, казалось, естественно было бы думать, что такъ же, какъ для объясненія дисперсіи пришлось первоначальныя уравненія обобщить, слѣдуетъ сдѣлать то же, а если будетъ нужно, то и исправить, и для явленій въ движущихся средахъ. Однако, въ 90-хъ годахъ прошлаго вѣка новое теченіе въ физикѣ уже было настолько сильно, что вмѣсто такого исправленія и обобщенія имѣющихся уже уравненій, очень выдающійся голландскій физикъ, уже упомянутый выше, Лорентцъ, выступилъ со своей теоріей, въ которой эѳиръ принимается *не участвующимъ вовсе* въ движеніи обычныхъ тѣлъ, такъ что въ интересующей насъ области явленій оказывается не соблюденнымъ третій законъ движенія Ньютона: по Лорентцу есть дѣйствіе, но нѣтъ противодѣйствія.

И, что любопытнѣе всего, эта жертва законами механики оказалась недостигающей цѣли: и для теоріи неподвижнаго эѳира на-

Digitized by Google

шлись явленія, съ которыми и она справиться не могла. Автору пришлось прибѣгнуть къ допущенію, что *размѣры тѣлъ зависятъ отъ движенія*; это явленіе однако до сихъ поръ несмотря на самые тщательные опыты, съ разныхъ сторонъ, съ очень большими средствами, непосредственно обнаружить не удалось, и мы врядъ ли ошибемся, если скажемъ, что въ настоящее время (1904 г.) уже не такъ много сторонниковъ признанія возможности нарушенія законовъ механики, какъ это было нѣсколько лѣтъ тому назадъ.

Конечно, мы далеки отъ мысли приписывать эмпирическимъ законамъ абсолютное значеніе. Какъ въ геометріи мы не въ состояніи пока опытно рѣшить вопросъ, дѣйствительно ли наше пространство есть пространство Эвклида, а не Римана (Riemann) или Лобачевскаго [1]), какъ въ астрономіи мы пока не можемъ сказать, дѣйствительно ли законъ всемірнаго тяготѣнія имѣетъ абсолютное значеніе или мы знаемъ его лишь приблизительно; такъ, конечно, и въ механикѣ возможно, что наши законы, данные великимъ Ньютономъ, суть лишь первое приближеніе къ истинѣ. Въ этомъ смыслѣ эволюція этихъ законовъ и возможна, и желательна, и когда она станетъ совершившимся фактомъ, это будетъ великое открытіе человѣческаго генія. Но нужно слишкомъ много данныхъ, чтобы обусловить такую эволюцію, и врядъ ли эти данныя накопятся скоро, если только накопятся когда-либо. Намъ представляется болѣе правдоподобной эволюція нашей механики въ иномъ направленіи. Механика Ньютона не въ достаточной мѣрѣ опредѣляетъ понятіе *массы*, инерціи. Не невозможно, что ближайшее изученіе свойствъ эѳира и его движеній дастъ намъ что-либо въ родѣ кинематическаго опредѣленія массы, такъ что инерціей окажется просто видимое проявленіе связи тѣла съ эѳиромъ [2]).

Но теорія Лорентца все же замѣчательна во многихъ отношеніяхъ. Съ одной стороны, она даетъ очень простое механическое объясненіе цѣлому ряду свойствъ тѣлъ, являясь своеобразной *молекулярной* теоріей электричества, магнитизма и свѣта; съ другой стороны, она намѣчаетъ возможность сведенія молекулярныхъ силъ

---

[1]) Въ пространствѣ Эвклида (плоскомъ) всѣ треугольники имѣютъ одну и ту же сумму угловъ (два прямыхъ); въ пространствѣ Римана (сферическомъ) сумма угловъ въ треугольникахъ съ бо́льшей площадью больше, а въ пространствѣ Лобачевскаго (псевдосферическомъ) наоборотъ сумма угловъ у треугольниковъ съ бо́льшей площадью меньше.

[2]) Интересующіеся вопросомъ объ оптическихъ явленіяхъ въ движущихся средахъ и вообще объ эѳирѣ найдутъ нѣкоторыя подробности въ статьѣ „Эѳиръ“ въ Энц. словарѣ Брокгауза и Ефрона.

Digitized by Google

и силъ всемірнаго тяготѣнія къ силамъ притяженія между наэлектризованными тѣльцами, т.-е., иначе говоря, дѣлаетъ всѣ эти силы *кажущимися*, вытекающими изъ нѣкоторыхъ движеній эѳира.

Идея о существованіи связи между электричествомъ и тяготѣніемъ, электричествомъ и молекулярными силами—силами химизма, никогда не покидала Фарадея. «Всѣ факты,—писалъ онъ,—показываютъ намъ, что электрическій токъ только иная форма силъ химическаго сродства... другими словами, что силы, именуемыя химическимъ сродствомъ и электричествомъ, однѣ и тѣ же». Фарадею же, какъ извѣстно, принадлежитъ открытіе такъ называемыхъ *іоновъ* электрохиміи, этихъ отдѣльныхъ индивидуумовъ съ неизмѣнными электрическими зарядами. Эта электризація іоновъ явилась указаніемъ еще на одно общее свойство матеріи, помимо всемірнаго тяготѣнія.

Представленіе объ іонахъ въ связи съ основаніями кинетической теоріи газовъ легли въ основу *теоріи растворовъ*—этой одной изъ наиболѣе разработанныхъ главъ физической химіи.

Почти параллельно съ этимъ Круксъ (Crookes) пытался ввести идею іоновъ въ теорію разрѣженныхъ газовъ, именно для объясненія явленій электрическаго разряда въ нихъ, подъ именемъ четвертаго, лучистаго состоянія вещества. Но идеи эти въ то время (70-ые годы XIX вѣка) частью были не вѣрны, главное же преждевременны. Только въ срединѣ 90-хъ годовъ опыты Ленарда (Lenard) показали, что такъ долго остававшіеся таинственными такъ называемые *катодные* лучи представляютъ собой ничто иное какъ потокъ наэлектризованныхъ тѣлецъ, похожихъ на іоны химіи и Крукса.

Цѣлый рядъ самыхъ разнообразныхъ свойствъ этихъ лучей, проявляющійся то въ ихъ тепловомъ, то въ электризующемъ дѣйствіи, то въ отклоненіи лучей подъ вліяніемъ магнитовъ и т. п.—все это дало возможность не только опредѣлить скорость полета этихъ частицъ, но и найти отношеніе ихъ электрическаго заряда къ ихъ массѣ и притомъ самыми разнообразными и независимыми одинъ отъ другого способами. Оказалось, что скорость полета въ разныхъ условіяхъ опыта разная, колеблясь въ предѣлахъ отъ $^1/_{30}$ до $^1/_2$ *скорости свѣта*, но что отношеніе заряда къ массѣ во много сотъ разъ *болѣе*, чѣмъ подобное отношеніе для химическихъ іоновъ водорода. Съ другой стороны, непосредственное измѣреніе зарядовъ показало, что они тожественны съ зарядами химическихъ іоновъ, т.-е., иначе говоря, что масса этихъ тѣлецъ, названныхъ *электронами*, во много сотенъ разъ менѣе массы атома водорода.

Д. Д. Томсону (J. J. Thomson) вслѣдъ затѣмъ удалось сдѣлать шагъ далѣе: разряжающее дѣйствіе ультрафіолетовыхъ лучей на

Digitized by Google

заряженныя электричествомъ тѣла (такъ назыв. *актиноэлектрическія* явленія), равно какъ и явленія распыленія угольковъ въ электрическихъ лампахъ накаливанія—все это оказалось слѣдствіемъ движенія *отрицательно* наэлектризованныхъ тѣлецъ, тожественныхъ съ электронами. Послѣдніе стали играть крайне важную роль въ физикѣ; они сдѣлали понятнымъ, почему газы подъ дѣйствіемъ нѣкоторыхъ недавно открытыхъ таинственныхъ «лучей»—урана, радія и др., становятся проводниками электричества; оказалось, что эти «лучи» по преимуществу эманаціи все тѣхъ же электроновъ, и въ то самое время, когда гремѣла критика молекулярныхъ представленій, опыты обнаружили молекулярность тѣлъ совсѣмъ съ новой стороны.

Электроны воскресили старую мечту алхимиковъ о превращеніи тѣлъ одно въ другое, о сложности нашихъ химическихъ элементовъ. И, что страннѣе всего, намъ какъ разъ недоставало такихъ мельчайшихъ тѣлецъ. «Наша первая любовь»,—по выраженію лорда Кельвина,—электростатика—первоначально имѣла дѣло именно съ мельчайшими частицами обычной матеріи; лишь позже съ неохотой пришлось отъ нихъ отказаться, замѣнить ихъ символомъ «электрическая масса». Молекулярно-вихревая теорія Максвелля требовала присутствія особыхъ тѣлецъ—кромѣ вихрей,—которыхъ движеніе давало бы то, что мы зовемъ электрическимъ токомъ, и опытъ далъ намъ эти тѣльца въ видѣ электроновъ. Послѣдніе являются какъ бы основаніемъ того моста, который мы стремились перекинуть между молекулами, эѳиромъ и электричествомъ.

Ранѣе чѣмъ были добыты всѣ эти опытные результаты первостепенной важности, Лорентцъ положилъ существованіе подобныхъ наэлектризованныхъ іоновъ въ основаніе новой теоріи свѣта и электромагнитизма. Мы упоминали выше о недостаткахъ этой теоріи: но у нея гораздо болѣе достоинствъ. Теорія является во многихъ отношеніяхъ дополненіемъ къ теоріи Максвелля—Гертца и связующимъ звеномъ между электромагнитными и свѣтовыми явленіями и иными областями физики. Здѣсь не мѣсто входить въ изложеніе этой замѣчательной теоріи: достаточно сказать, что согласно ей электромагнитныя, т.-е. свѣтовыя, волны въ эѳирѣ вызываются колебательнымъ движеніемъ электроновъ, тогда какъ ихъ поступательное движеніе есть электрическій токъ, и т. д.

Открывается надежда создать теорію лучеиспусканія газовъ, которой у насъ пока нѣтъ, объяснить законы распредѣленія цвѣтныхъ линій въ спектрахъ элементовъ. Въ такой системѣ движущихся наэлектризованныхъ тѣлецъ всѣ силы имѣютъ электромагнитный характеръ. Въ извѣстномъ смыслѣ теорія является возвратомъ къ старымъ представленіямъ: покоящіяся частицы подчиняются закону

Digitized by Google

Кулона, движущіяся нѣкоторому болѣе общему, въ родѣ старыхъ законовъ Вебера, Клаузіуса (Clausius) и др.

Теорія праздновала свою побѣду въ открытомъ Зееманомъ (Zeeman) вліяніи намагниченія на лучеиспусканіе газовъ—явленіи, которое сразу вытекало изъ теоріи, по крайней мѣрѣ въ своихъ общихъ чертахъ. Однако это обстоятельство мало доказательно само по себѣ. Упомянутое явленіе еще лучше и полнѣе описывается общей электромагнитной теоріей свѣта при помощи связи между лучеиспускательной и лучепоглощательной способностью тѣлъ (т. наз. законъ Кирхгоффа), не прибѣгая къ теоріи лучеиспусканія. Подъ такое описаніе подойдетъ много молекулярныхъ гипотезъ разнаго рода.

Какъ бы то ни было, теорія Лорентца заслуживаетъ полнаго вниманія. Не даромъ появилось и появляется до сихъ поръ много опытныхъ и теоретическихъ работъ, такъ или иначе затрагивающихъ связанные съ теоріей и съ электронами вопросы. Іоны или электроны вводятъ понятіе о нестройныхъ движеніяхъ туда, гдѣ мы ихъ не подозрѣвали; они дѣлаютъ намъ понятной возможность распространенія второго закона термодинамики на волны, еще не поглощенныя тѣломъ, энергія которыхъ еще не превратилась въ молекулярное движеніе, называемое нами *теплотой* въ тѣлѣ. Въ науку начинаетъ входить понятіе о температурѣ лучей (Планкъ), и новыя открытія ведутъ такимъ образомъ къ новому шагу на пути утвержденія и разъясненія ранѣе установленныхъ истинъ объ эѳирѣ, съ одной стороны, и о молекулахъ и атомахъ—съ другой.

Мы, повидимому, наканунѣ великихъ открытій; но и эти новые, неожиданно явившіеся факты все-таки не потрясаютъ основъ нашей классической механической схемы, не вызываютъ сомнѣній въ общихъ законахъ механики. Послѣдніе и электроны могутъ не только вполнѣ мирно ужиться вмѣстѣ, но этотъ симбіозъ влечетъ за собой наступленіе давно ожидаемаго поглощенія химіи физикой и механикой.

Вопросъ объ электронахъ имѣетъ еще и иной интересъ.

Именно къ этимъ частицамъ, меньшимъ атома, примкнули попытки созданія того, что можетъ быть названо электромагнитнымъ основаніемъ механики и физики,—попытки, такъ сказать, электрологизировать эти науки.

Какъ мы видѣли, до сихъ поръ неудалось создать настоящей механической теоріи свѣта; зато блестящимъ успѣхомъ отмѣчена созданная Максвеллемъ электромагнитная теорія свѣта.

Это дало поводъ утверждать, что и вообще наши стремленія къ механическому объясненію явленій напрасны. Стали говорить,

Digitized by Google

что наши механическіе идеалы создались потому, что механика раньше всего достигла совершенства; что переходъ отъ механической схемы для явленій свѣта къ электромагнитной есть знаменіе начинающейся электрологизаціи и всей механики; что въ будущемъ мы настолько свыкнемся съ электромагнитными символами, что сведемъ на электромагнитныя явленія всю механику и физику. И, какъ бы въ подтвержденіе справедливости этой точки зрѣнія, явилось данное Кауфманномъ (W. Kaufmann) и Абрагамомъ (M. Abraham) доказательство, что массы электроновъ—въ предѣлахъ ошибокъ наблюденія—цѣликомъ обусловлены ихъ электрическими свойствами. Что же это значитъ?

Какъ извѣстно, если мы желаемъ сообщить скорость V тѣлу массы M, мы должны на это затратить работу E, равную такъ называемой кинетической энергіи или живой силѣ тѣла, именно $E = {}^1/_2 MV^2$. Это соотношеніе могло бы служить для опредѣленія массы тѣла. Но пусть теперь наше тѣло наэлектризовано и мы сообщили ему затѣмъ ту же энергію E, заставляя его этимъ двигаться снова прямолинейно и равномѣрно. Наэлектризованное тѣло при своемъ движеніи представляетъ собою электрическій токъ; на созданіе такового надо затратить работу; поэтому на сообщеніе скорости пойдетъ не вся энергія E, а лишь ея часть, скорость станетъ меньше, не V, а v, и намъ будетъ казаться, что тѣло имѣетъ массу не M, а бо́льшую $M+m$, такъ что теперь $E = {}^1/_2 (M+m) v^2$. Здѣсь m и будетъ кажущейся массой электромагнитнаго происхожденія, и вышеупомянутые изслѣдованія Кауфманна и Абрагама обнаружили, что въ предѣлахъ ошибокъ наблюденій у электроновъ $M = 0$, т.-е. *вся* ихъ масса имѣетъ электромагнитное происхожденіе.

Если этотъ результатъ неоспоримъ, онъ, конечно, имѣетъ весьма и весьма важное значеніе, обнаруживая крайне тѣсную связь между инерціей тѣлъ и ихъ электрическими свойствами. Тогда естественно ожидать, что, быть можетъ, и всякая иная масса—тоже электрическаго происхожденія, и это будетъ большимъ шагомъ впередъ на пути изысканія отвѣта на вопросъ, что такое инерція и масса. Но мы считаемъ большимъ увлеченіемъ, когда отсюда заключаютъ о необходимости пренебречь старой механической схемой.

Вѣдь если мы предполагаемъ, что электромагнитныя количества разнаго рода суть функціи массъ, скоростей и т. д. нѣкоторыхъ точекъ, то, конечно, и масса, напр., будетъ функціей разнаго рода электромагнитныхъ величинъ. Здѣсь вѣдь опять простое преобразованіе координатъ, которое само по себѣ ничего новаго дать не можетъ. Разбираемыя изслѣдованія важны поэтому главнымъ образомъ тѣмъ, что они обнаруживаютъ сравнительную простоту иско-

Digitized by Google

мой функціи, а вовсе не тѣмъ, что они будто бы «объясняютъ» что такое масса. Какое же это объясненіе, когда вмѣсто непонятнаго символа *масса* мы введемъ еще менѣе понятный—*электричество*. И какимъ образомъ для человѣчества съ его человѣческими органами чувствъ электричество можетъ быть понятнѣе движенія?

Конечно, было бы очень важно, если бы удалось всѣ физическія явленія *описать* при помощи небольшого числа электромагнитныхъ векторовъ, какъ это сдѣлано уже для явленій свѣта: такая электрологизація физики — и если угодно, и механики — и возможна, и желательна. Но она не можетъ исключить вопроса о томъ, какія именно движенія и какихъ именно массъ мы воспринимаемъ какъ электромагнитныя явленія, потому что эти движенія и эти массы существуютъ и рано или поздно онѣ должны быть открыты и изучены. Но возможно ли это?

Этотъ вопросъ тѣсно связанъ съ другимъ: существуетъ ли вообще научная истина, или же ея практически нѣтъ, если она, какъ утверждаютъ нѣкоторые, на основаніи такъ называемой теоремы Пуанкарэ, многозначна. Но что же такое научная истина? Конечно, это не тѣ формулы и соотношенія, называемыя законами явленій, соотношенія между непосредственно доступными опыту количествами, добытыя эмпирически и служащія рецептомъ, по которому протекаютъ явленія. Научной истиной мы считаемъ то, что кроется подъ этими формулами и соотношеніями, т.-е. истинный механизмъ явленій природы; научная истина—это эѳиръ, это молекулы и атомы, скрытыя отъ насъ массы и ихъ движенія; научная истина—это отвѣты на наши вопросы: что это такое, почему это такъ; и если мы тѣсно связали научную истину въ физикѣ—и естествознаніи вообще—съ вопросомъ о механической схемѣ, то причина этого очевидна: только механическая схема обѣщаетъ дать отвѣты на поставленные вопросы.

Теорема Пуанкарэ, по мнѣнію нѣкоторыхъ, доказываетъ, что отвѣта въ сущности нѣтъ, что онъ неопредѣленъ.

Теорема Пуанкарэ состоитъ вотъ въ чемъ. Пусть мы имѣемъ нѣкоторую механическую систему, т.-е. рядъ матеріальныхъ точекъ, имѣющихъ движеніе. Состояніе такой системы доступно непосредственному опыту при помощи наблюденія и измѣренія нѣкотораго числа физическихъ количествъ (напр., количества электричества и т. п.). Тогда, пользуясь основными принципами механики—закономъ сохраненія энергіи и др.—мы не можемъ, зная эти физическія количества, опредѣлить массы и скорости точекъ *единствен-*

Digitized by Google

нымъ образомъ, такъ какъ уравненій оказывается менѣе, чѣмъ неизвѣстныхъ величинъ. Поэтому возможенъ рядъ совершенно равноправныхъ механическихъ системъ съ совершенно различными структурами и движеніями, но всѣ онѣ будутъ давать одни и тѣ же доступныя опыту явленія; истинный механизмъ остается поэтому неизвѣстенъ,—иначе говоря, научная истина многозначна, стало быть къ ней не стоитъ стремиться.

Никто не будетъ спорить, что теорема Пуанкарэ сама по себѣ вѣрна, но, конечно, лишь *въ тѣхъ границахъ, въ которыхъ она высказана*. Послѣдователи Пуанкарэ однако даютъ этой теоремѣ нерѣдко *расширительное,* если можно такъ выразиться, толкованіе, которое не имѣетъ основаній.

Прежде всего эта теорема основана на условіи, что число доступныхъ опыту измѣримыхъ величинъ мало сравнительно съ числомъ точекъ системы, принимающихъ участіе въ движеніи. Но это условіе соблюдается только тогда, когда мы имѣемъ дѣло съ узкимъ классомъ болѣе или менѣе однородныхъ между собой явленій. Мы имѣемъ, напр., одинъ или нѣсколько электрическихъ токовъ; опыту доступны ихъ силы и направленія, т.-е. небольшое число величинъ, а точекъ, движенія которыхъ мы ищемъ, будетъ множество. То же будетъ при разсмотрѣніи вообще электромагнитныхъ явленій, вообще свѣтовыхъ явленій, даже электромагнитныхъ и свѣтовыхъ явленій вмѣстѣ, такъ какъ свѣтъ есть электромагнитное явленіе.

Но, по мѣрѣ того какъ доступная опыту область явленій расширяется, число доступныхъ опыту физическихъ количествъ растетъ, а движущіяся точки все тѣ же. Поэтому не только, напр., для всей природы, для всей физики, но и для достаточно широкой группы неоднородныхъ явленій какъ всякій элементъ объема среды характеризуется неизвѣстной намъ массой и скоростью, такъ онъ же характеризуется рядомъ доступныхъ опыту физическихъ количествъ (напр., сила тока, количество электричества, температура, энергія, энтропія и т. д., и т. д.) и число какъ данныхъ, такъ и неизвѣстныхъ, въ этомъ случаѣ становится неопредѣленно большимъ, а стало быть, и теорема Пуанкарэ не приложима вообще.

Кромѣ того, теорема Пуанкарэ пользуется небольшимъ числомъ основныхъ механическихъ принциповъ; но явленія природы управляются не только ими. Ища *объясненія* совокупности явленій, мы должны принять въ расчетъ, напр., и второй законъ термодинамики и многое другое, а всякое такое условіе есть новое ограниченіе многозначности рѣшенія задачи. Въ природѣ все какъ-нибудь да [illegible]но, и устроено единственнымъ образомъ: и правильно понятая

Digitized by Google

теорема Пуанкарэ не лишаетъ насъ возможности когда-либо узнать это устройство.

Вѣдь узнали же мы, что свѣтъ есть волны, и врядъ ли кто-нибудь, ссылаясь на теорему Пуанкарэ, рѣшится утверждать, что свѣтъ—не волны (де Геенъ), и такихъ примѣровъ можно привести много.

Какъ примѣръ равноправности двухъ механическихъ объясненій, Паункарэ приводитъ извѣстныя опредѣленія положенія «свѣтового вектора» Френелемъ и Нейманномъ (Neumann). По Френелю свѣтовое колебаніе стояло перпендикулярно къ плоскости поляризаціи [1]); по Нейманну—лежало въ этой плоскости. Долго искали «experimentum crucis» для рѣшенія этого спора и не нашли.

Мы должны сказать, что ни теорія Френеля, ни теорія Неймана не были вовсе механическимъ объясненіемъ, хотя на это и претендовали и многими считались таковыми. Какъ уже сказано выше, первымъ механическимъ объясненіемъ свѣта была теорія Грина; теоріи же Френеля и Неймана были не болѣе какъ математическимъ описаніемъ явленій. То, что эти ученые называли колебаніемъ эѳира, было просто «свѣтовымъ векторомъ», нѣкоторымъ физическимъ количествомъ, опредѣленнымъ образомъ связаннымъ съ энергіей волны (яркостью свѣта). На это количество a priori налагались опредѣленныя свойства такъ, чтобы изъ нихъ вытекали данныя опыта. Дѣло замаскировывалось лишь тѣмъ, что упомянутыя свойства налагались не прямо, а являлись слѣдствіемъ нѣкоторыхъ гипотезъ, которыя по существу дѣла были и не нужны и не вѣрны. Къ тому же типу принадлежала и знаменитая теорія Макъ-Куллаха (Mac-Cullagh), давшая уравненія свѣта, тожественныя съ уравненіями Максвелля, но давшая ихъ въ сущности безъ вывода.

Изъ сказаннаго ясно, что изъ всѣхъ этихъ теорій данныя опыта должны были вытекать одинаково хорошо; такъ и было, и опытъ не могъ рѣшить, чей взглядъ правильнѣе, но опять-таки не потому, что истина научная многозначна или ея нѣтъ, а потому, что оба математическихъ описанія Френеля и Неймана относились *не къ одному и тому же, а къ разнымъ векторамъ*, вза-

[1]) Лучъ обыкновеннаго свѣта при отраженіи отъ стекла подъ опредѣленнымъ угломъ около 56° (т. н. уголъ поляризаціи) пріобрѣтаетъ особыя свойства, благодаря чему и называется плоско или прямолинейно поляризованнымъ. Плоскость отраженія есть плоскость поляризаціи. При новомъ отраженіи въ этой плоскости подъ тѣмъ же угломъ не замѣчается ничего особеннаго, но въ иныхъ плоскостяхъ отраженный лучъ имѣетъ ослабленную яркость; въ плоскости же перпендикулярной къ плоскости поляризаціи отраженія вовсе нѣтъ. Поляризованный свѣтъ получается такъ же и при преломленіи при соблюденіи извѣстныхъ условій.

88437.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ [illegible] БИБЛІОТЕКА Кирг. ССР им. Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО
Digitized by Google

имно перпендикулярнымъ и неразрывно между собою связаннымъ. Дѣйствительно, мы знаемъ теперь, что свѣтовая волна есть одновременно явленіе и электрическое, и магнитное.

Оптическія явленія сами по себѣ и не могутъ намъ сказать, совпадаетъ ли плоскость поляризаціи съ электрическимъ векторомъ или же съ магнитнымъ, и тотъ experimentum crucis, котораго тщетно искали въ оптикѣ, явился самъ собой, когда были получены настоящія электромагнитныя волны. Тогда и оказалось, что плоскость поляризаціи есть плоскость магнитнаго вектора, т.-е. согласно съ мнѣніемъ Неймана, и перпендикулярна къ электрическому вектору, т.-е. согласно съ Френелемъ. Два описанія одного и того же явленія, когда они *одинаково хорошо* проникаютъ вглубь явленій, указываютъ такимъ образомъ на двойственный характеръ самаго явленія; но нужно именно, чтобы описанія проникали вглубь достаточно хорошо.

Пуанкарэ приводитъ и другой примѣръ: для явленій *электростатики* безразлично, будемъ ли мы разсматривать два вида электричества, или только одинъ. Но мы знаемъ, что это не безразлично для другихъ электрическихъ явленій. Изъ этихъ примѣровъ видно, что совсѣмъ напрасно послѣдователи французскаго ученаго придаютъ его теоремѣ такой широкій смыслъ, какого авторъ не имѣлъ вовсе въ виду.

Такимъ образомъ теорема Пуанкарэ есть лишь математическое выраженіе того положенія, которое было высказано выше простыми словами: пока мы беремъ за исходный пунктъ въ теоріи упругости—давленіе; въ теоріи теплопроводности—потокъ теплоты; въ теоріи электромагнитизма — количество электричества, количество магнитизма, силу электрическаго тока; въ явленіяхъ свѣта, такъ наз. «свѣтовой векторъ»,—механическій смыслъ этихъ понятій намъ не доступенъ; мы можемъ по этому поводу фантазировать какъ угодно, въ извѣстныхъ, конечно, предѣлахъ; отъ этого сущность дѣла не измѣнится, и, пожалуй, можно согласиться съ Пуанкарэ, что такое безцѣльное фантазированіе не интересно.

Но совсѣмъ иное дѣло, когда, охватывая взоромъ болѣе широкую совокупность явленій, мы ищемъ отвѣта на вопросы: и что такое давленіе, и что такое теплота, и что электричество, и что свѣтъ. Здѣсь никто не можетъ доказать, что эти отвѣты намъ не доступны и ихъ поэтому не слѣдуетъ добиваться. Совсѣмъ наоборотъ: все наше знаніе эмпирическаго характера; съ этимъ согласны и аналисты (Пуанкарэ) и синтетисты (лордъ Кельвинъ). Но въ такомъ случаѣ, очевидно, лишь опытъ можетъ рѣшить вопросы, связанные съ эѳирно-молекулярными представленіями классической

Digitized by Google

физики: отвергая эѳиръ и молекулы, мы тѣмъ самымъ закрываемъ себѣ громадное поле опытныхъ изслѣдованій и именно то поле, на которомъ въ теченіе XIX вѣка было сдѣлано наибольшее число открытій первостепенной важности, съ какой бы точки зрѣнія мы ни взглянули на эти открытія.

Требованія, предъявленныя къ наукѣ къ концу прошлаго вѣка, были, какъ извѣстно, очень велики; отъ нея ждали не только отвѣтовъ, но и *скорыхъ* отвѣтовъ на всѣ вопросы, мучающіе мыслящее человѣчество. Этихъ вопросовъ наука не рѣшила; даже болѣе того. Общее ея теченіе, смѣна взглядовъ и теорій давали понять, что именно здѣсь скораго-то рѣшенія и ждать нельзя. И вотъ сначала дю Буа Реймонъ выступаетъ съ своимъ знаменитымъ «ignoramus»; позже позитивно-аналитическое направленіе пытается повести физику на путь, указанный ей уже давно О. Контомъ, парируя этимъ обвиненіе науки въ банкротствѣ; наконецъ, идеалисты разныхъ оттѣнковъ стремятся свести науку съ ея пьедестала, отвести ей узкую область интересовъ, заключить ее въ тѣсныя границы.

Но мы знаемъ теперь, что дю Буа Реймонъ ошибался, что его «вѣчныя міровыя загадки» загадки лишь потому, что въ нихъ или вовсе нѣтъ содержанія, или онѣ основаны на неясныхъ и противорѣчивыхъ понятіяхъ, или же на произвольныхъ допущеніяхъ и т. п. (O. Wiener).

Что касается позитивизма, то «къ счастію физика не шла, не должна идти и не пойдетъ по пути, указанному Контомъ. Все великое, что было создано ея мастерами, все то, что, исходя изъ физики, сдѣлалось могучимъ рычагомъ, двинувшимъ культуру, что обогатило человѣчество неоцѣненными орудіями борьбы за существованіе и средствами прогресса,—все это достигнуто путями, прямо противоположными тому, по которому совѣтуетъ идти позитивная философія. И если Контъ (и его послѣдователи нашего времени) «говоритъ, что гипотезы не должны касаться способа возникновенія явленій, то ему отвѣчаетъ физика, что только именно этого рода гипотезы ведутъ къ познанію истины, что только благодаря имъ физика заняла то высокое положеніе *надъ* всѣми науками о природѣ, заставляющее обращаться за ея совѣтами астрономію и химію, технику и медицину, біологическія науки и экспериментальную психологію» (О. Д. Хвольсонъ).

А при такихъ условіяхъ кто можетъ взять на себя смѣлость ставить рамки научной истинѣ? Почему въ самомъ дѣлѣ наука не

Digitized by Google

можетъ стать въ мысляхъ и судьбахъ человѣчества «единственной, все опредѣляющей силой»? Почему не наукѣ подлежитъ рѣшеніе всѣхъ вопросовъ, волнующихъ человѣка, и устраненіе всѣхъ бѣдствій, его гнетущихъ? Пусть до сихъ поръ рушились попытки предъявлять къ научнымъ выводамъ достаточно широкіе запросы; развѣ это обязательно и для всѣхъ будущихъ попытокъ? Если Герону не пришла въ голову мысль построить желѣзную дорогу, значило ли это, что ея никогда не построятъ; если тысячелѣтія люди вѣрили въ неподвижность земли, значило ли это, что Коперника никогда не будетъ?!..

Научное міровоззрѣніе представляется многимъ почему-то безотраднымъ и печальнымъ, какъ будто наука дѣйствительно уже сказала свое послѣднее слово, какъ будто предъ ней уже нѣтъ будущности. Но кто же доказалъ, что методы исканія истины, такъ блестяще оправдавшіе себя въ естествознаніи, не окажутся столь же блестящимъ и мощнымъ орудіемъ въ рукахъ человѣка и тогда, когда онъ приступитъ съ ними къ рѣшенію вопросовъ, касающихся нашихъ высшихъ потребностей и надеждъ?! Или намъ страшна научная истина и мы стремимся закрыть отъ нея глаза, предпочитая «насъ возвышающій обманъ»?

Но вѣдь не можемъ же мы забыть, что только благодаря успѣхамъ чистаго знанія, только благодаря безкорыстному стремленію къ научной истинѣ, запечатлѣнному кровью «мучениковъ науки», человѣчеству удалось освободиться отъ величайшаго зла на землѣ—рабства, въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова. Съ рабствомъ, этой смертью духа, какъ и со смертью тѣла, какъ и вообще съ страданіемъ, мирились всѣ философіи міра; не мирится съ ними только научная философія. И можно только удивляться, какъ еще находятся люди, которые успѣхи знанія видятъ только въ фабрикахъ и желѣзныхъ дорогахъ, телеграфахъ и телефонахъ, а не въ томъ, въ чемъ они выразились наиболѣе рѣзко—въ развитіи любви къ страждущему человѣчеству.

Д. Гольдгаммеръ.

Digitized by Google

Недоразумѣнія въ пониманіи природы.

„Не двѣ ли птицы цѣнятся единымъ ассаріемъ; и ни одна изъ нихъ не падетъ на землю безъ Отца вашего“. *Матѳ. X, 29.*

„Разумъ, которому въ данное мгновеніе были бы извѣстны всѣ силы природы и относительное расположеніе составляющихъ ее вещей, достаточно мощный, чтобы подвергнуть ихъ анализу, могъ бы обнять одною формулою движенія величайшихъ тѣлъ вселенной и мельчайшаго атома; ничто не осталось бы ему неизвѣстнымъ, будущее и прошедшее были бы ему открыты“. *Лапласъ.*

Мыслители разныхъ временъ усматривали въ перемѣнахъ нашего міра, не только крупныхъ, но и самыхъ ничтожныхъ, дѣйствіе одной общей причины, связующей ихъ въ единое цѣлое. Это выражаютъ и выписанные въ заголовкѣ два эпиграфа, взятые изъ эпохъ, отдѣленныхъ одна отъ другой почти двумя тысячами лѣтъ. Въ обоихъ высказывается мысль, что перемѣны, происходящія въ мірѣ, не случайны. Первый утверждаетъ, что теченіе событій опредѣляется причиной лежащей внѣ міра, къ которой, какъ къ источнику всего совершающагося, стекаются нити, движущія явленія. Второй—что теченіе событій въ будущемъ, настоящемъ и ближайшемъ прошломъ вполнѣ опредѣлено тѣмъ распорядкомъ, который существовалъ въ прошломъ болѣе далекомъ.

Если причина всего происходящаго лежитъ въ безпредѣльно-далекомъ прошломъ, то для насъ, практически, она тоже лежитъ внѣ міра.

Общая формула вселенной, опредѣляющая событія въ ней происходящія по нѣкоторому предшествовавшему состоянію, установившемуся внѣ нашего вліянія, участія и разумѣнія, имѣетъ для насъ такое же значеніе, какъ верховная, непостижимая воля.

Но и верховная, сознающая себя воля, представляетъ собою разумъ вполнѣ мощный, чтобы подвергнуть анализу событія, имѣю-

Digitized by Google

щія послѣдовать изъ произвольно устанавливаемаго ею порядка вещей, а потому такая воля способна создать формулу міра. Такой волѣ нѣтъ поэтому никакого повода для непрерывнаго вмѣшательства, а достаточно было установить теченіе событій въ какое-то отдаленное время.

Такимъ образомъ оказывается, что переходя къ первоисточнику существующаго распорядка вещей и явленій, два совершенно противуположныхъ теченія—одно, признающее верховную внѣміровую волю, другое, считающее ее излишней гипотезой—приходятъ, по существу, къ одному и тому же началу, въ которомъ исчезаютъ различія обоихъ направленій мысли.

Такимъ образомъ, голое мнѣніе о причинной связи всѣхъ явленій и неизмѣняемости ихъ теченія не можетъ дать намъ никакихъ основъ для практической дѣятельности, а приводитъ лишь къ безсодержательному заключенію о подѣйствовавшей однажды въ далекомъ и неизвѣстномъ прошломъ непостижимой причинѣ. Иными словами, мы должны разсматривать окружающій насъ міръ какъ самостоятельно существующій и развивающійся.

Такъ какъ мы принадлежимъ къ числу дѣятельныхъ силъ природы и не знаемъ того мѣста, которое отведено намъ въ общей формулѣ міра, то на насъ ложится забота о возможно большемъ развитіи нашихъ дѣятельныхъ способностей, т.-е. о возможно большемъ вмѣшательствѣ въ дѣла природы. Для насъ выдвигается поэтому вопросъ, «что мы можемъ и чего не можемъ», не тревожась тѣмъ, рѣшена ли въ положительномъ или въ отрицательномъ смыслѣ судьба такого вмѣшательства.

Предстоящая намъ задача требуетъ отъ насъ разумѣнія вещей и перемѣнъ, существующихъ и происходящихъ въ мірѣ. Правильное пониманіе явленій и свойствъ природы можетъ дать намъ схемы и для законовъ, управляющихъ развитіемъ личности и человѣческихъ обществъ, и предотвратить неудачное примѣненіе результатовъ и методовъ естествознанія въ области философіи и наукъ соціальныхъ.

Прежде всего наше вниманіе долженъ остановить на себѣ вопросъ о положеніи живого въ мірѣ. Ни одна вещь не находится по отношенію къ природѣ въ такомъ подчиненномъ состояніи, какъ живое.

Природа *вынуждаетъ* къ жизни все живое, отъ человѣка до птицы, стоящей полъ-ассарія и еще ниже. Она предусмотрительно обезпечиваетъ свои принудительныя мѣры тѣмъ, что устраиваетъ живое по типу механизма, нѣкоторая часть котораго автоматически понуждается къ непрерывной дѣятельности. Живое—это часы съ очень короткой пружиной, требующіе непрерывнаго завода; ме-

Digitized by Google

ханизмъ, по существу устроенный въ расчетѣ на постороннюю помощь, заботу, понужденіе. Предоставленный самому себѣ, онъ не только не можетъ исполнять тѣхъ функцій, для которыхъ устроенъ, но тотчасъ же начинаетъ разрушаться.

Для понужденія къ жизни природа пользуется двумя средствами: непосредственнымъ воздѣйствіемъ той среды, въ которую погружено живое, и сигналами, тревожащими его отовсюду. Матеріями для построенія живого могутъ служить только тѣ, которыя способны дѣйствовать одна на другую.

Въ такихъ матеріяхъ должны происходить перемѣны, дѣлающіяся источниками сигналовъ. Среди этихъ матерій должны быть поэтому такія, которыя способны распространять и передавать сигналы, иными словами должны существовать матеріи-передатчики. Безъ всего этого жизнь невозможна.

Можно подраздѣлять живое по объему той природы, которая участвуетъ въ велѣніи жить данному живому.

Въ простѣйшей и элементарной формѣ живое само служило бы для себя передатчикомъ. Мы можемъ представить себѣ тѣло, увлекаемое какимъ-нибудь потокомъ и случайно прикасающееся своею поверхностью къ различнымъ вещамъ, которыя служатъ для него раздражителями. Или живое, неизмѣнно прикрѣпленное къ одному и тому же мѣсту, снабжено придатками, которые, качаемые въ разныя стороны потокомъ, получаютъ воздѣйствіе при непосредственномъ соприкосновеніи съ вещами. Мы могли бы представить себѣ и болѣе совершенные организмы, напримѣръ, движущіяся или ползающія тѣла, ощупывающія свой путь, прикасаясь къ окружающимъ предметамъ своими же членами, напоминая слѣпыхъ, съ палками въ рукахъ бродящихъ по землѣ.

Чѣмъ болѣе живое удаляется отъ этого типа слѣпого, чѣмъ большее число побудителей необходимо для его жизни, чѣмъ болѣе, само по себѣ, оно непригодно къ исключительно автоматическому существованію, тѣмъ, говоримъ мы, совершеннѣе его устройство. Мы побуждаемся къ жизни воздухомъ, окисляющимъ нашу кровь; звуками, которые мы способны воспринимать и которые передаются намъ изъ близкихъ и отдаленныхъ мѣстъ твердыми, жидкими и газообразными тѣлами. Способность къ воспріятію свѣтовыхъ ощущеній открываетъ пути для побужденій къ жизни, идущихъ отъ отдаленнѣйшихъ частей вселенной. Понятно, что должны существовать предѣлы для разнообразія различныхъ родовъ чувствованій; иными словами, не всѣ посылаемыя намъ природою возбужденія должны доходить до нашего сознанія: наши чувства должны быть ограничены въ цѣляхъ самой жизни. Излишнее изобиліе въ этомъ отно-

Digitized by Google

шеніи можетъ быть пагубно для самой жизни. Дѣйствительно, сама природа снабжаетъ уже насъ органами, дающими намъ возможность прекращать извѣстнаго рода ощущенія; вѣко даетъ намъ средство устранять дѣйствіе свѣта. Но для звуковъ мы не имѣемъ органа, который подобно вѣку давалъ бы намъ возможность закрывать наружное ухо; это понятно, такъ какъ звуковая сигнализація посылается намъ изъ нашей ближайшей обстановки и она имѣетъ для насъ большую важность благодаря тому, что ея передатчики чрезвычайно разнообразны. Если бы всѣ сигналы природы оказывали на насъ воздѣйствіе и воспринимались нами, то, внѣ сомнѣнія, они не могли бы служить къ развитію нашего интеллекта или сознанія, такъ какъ въ результатѣ очень быстро, послѣ начала процесса жизни, наступило бы переутомленіе индивидуума. Поэтому-то предѣлы ощущаемыхъ колебаній матеріи, т.-е. звуковъ и эѳира, ограничены. Наибольшее количество сигналовъ несется темными лучами, для воспріятія которыхъ въ отдѣльности природа не одарила насъ спеціальными органами. Для нихъ и многаго другого, намъ неизвѣстнаго, существуетъ одно общее неопредѣленное ощущеніе, которое частью чувствуется нами какъ тепло и холодъ, а по существу представляетъ своего рода сумерки, среди которыхъ мы не отличаемъ отдѣльныхъ контуровъ,—тотъ фонъ, тотъ климатъ, въ которомъ мы живемъ и раздраженія котораго въ большинствѣ случаевъ или отсутствуютъ или не доходятъ до нашего сознанія. Но и данная намъ защита отъ внѣшнихъ вліяній оказывается недостаточною, и мы принимаемъ для той же цѣли рядъ искусственныхъ мѣръ. На почвѣ этой защиты выростаетъ солидарность живого, эта основа этики, осуществленіе которой, также какъ и все наше духовное развитіе, были бы невозможны безъ существованія матерій-передатчиковъ. Безъ нихъ не была бы возможною рѣчь и тѣ образы и символы, которые составляютъ наше духовное содержаніе.

Такимъ образомъ, та жизнь, которая развертывается въ природѣ, та единственно намъ извѣстная жизнь, не есть нѣчто самостоятельно существующее: скорѣе — это ткань, которая непрерывно выбрасывается изъ станка природы. Этотъ станокъ движется неисчислимымъ количествомъ дѣятелей, и начало ткани не совпадаетъ съ моментомъ появленія на свѣтъ личности; эта ткань тянется изъ далекихъ, неизвѣстныхъ намъ временъ; ея узоры изъ простыхъ и элементарныхъ становятся сложнѣе и сложнѣе. Но для этой сложности имѣется предѣлъ: увеличиваясь безгранично, она превратила бы узоръ снова въ простое однообразное полотно. Итакъ, другой выводъ, который мы дѣлаемъ, это тотъ, что для возможности жизни чувствованія живого должны быть ограничены.

Digitized by Google

Человѣкъ восполняетъ эту ограниченность, создавая орудія—научные инструменты, которые въ связи съ научными методами, даютъ способы, *по желанію*, воспринимать, доводить до нашего сознанія неощутимые непосредственно сигналы, словомъ познавать природу.

Итакъ, природа дѣлаетъ жизнь. Отсюда слѣдуетъ, что жизнь, *сама по себѣ*, есть такое же отвлеченіе, какое мы дѣлаемъ, когда исходя изъ реальныхъ тѣлъ, создаемъ геометрическіе образы и науку-геометрію. Процессъ такого геометрическаго отвлеченія рельефно выряжается и въ нашей рѣчи, напримѣръ—словами «безплотный духъ». Представленіе, выростающее уже на почвѣ такого отвлеченія, есть ходячее представленіе о безсмертіи. Это есть жизнь, продолжительность которой измѣряется безпредѣльнымъ числомъ оборотовъ земли вокругъ солнца. Представленіе о такомъ астрономическомъ безсмертіи есть единственное, доступное человѣческому разуму и, переносимое на жизнь, оторванную отъ свойствъ міра, но тѣмъ не менѣе сохраняющее понятіе о времени, содержитъ въ себѣ внутреннее, неустранимое противорѣчіе. Такое безсмертіе можетъ принадлежать лишь природѣ, а жизни лишь постольку, поскольку она является однимъ изъ непрекращающихся процессовъ этой природы.

Реальности соотвѣтствуютъ слова извѣстнаго физіолога Max Verworn'a: «Ощущенія, мысли и чувства живутъ долѣе. Они переживаютъ преходящую индивидуальность въ другихъ индивидумахъ... Они передаются отъ индивидуума къ индивидууму, отъ поколѣнія къ поколѣнію, отъ націи къ націи... Они созидаютъ исторію человѣческаго духа».

Станокъ жизни далеко еще не достигъ желаемаго совершенства, а работающіе на немъ ткачи — желаемаго искусства: ткань рвется то здѣсь, то тамъ, и живое уничтожаетъ живое. Жизнь индивидуума имѣетъ смыслъ лишь постольку, поскольку она способствуетъ крѣпости и красотѣ этой ткани.

Духовная жизнь человѣчества протекаетъ въ совершенно иномъ мірѣ, чѣмъ тотъ, который поддерживаетъ и побуждаетъ ее. Этотъ міръ богаче, разнообразнѣе, роскошнѣе. Въ одномъ изъ этихъ міровъ мы имѣемъ движенія эѳира болѣе или менѣе быстрыя, но однообразныя, въ другомъ мы имѣемъ краски. Въ одномъ—несущіяся болѣе или менѣе быстрыя колебанія воздушныхъ частицъ, въ другомъ—чудный міръ звуковъ и т. д. Ощущенія, мысли и чувствованія живого — это тотъ нарядъ, который фабрикуетъ для себя и въ который одѣвается природа. Исторія развитія органовъ чувствъ есть въ своемъ родѣ исторія одѣяній природы.

Живое отличается отъ другихъ вещей тѣмъ, что все его суще-

Digitized by Google

ствованіе состоитъ въ выполненіи обрядностей. Обрядъ неизвѣстенъ ни воздуху, ни морю, ни камню! Возьмемъ человѣка. Когда онъ просыпается, чувствуетъ холодъ, собирается на работу, работаетъ, отдыхаетъ, онъ неизмѣнно стремится совершить или совершаетъ нѣкоторый обрядъ. Невозможность совершенія обряда влечетъ за собою угнетеніе, страданіе. Съ расширеніемъ умственнаго кругозора человѣка, съ повышеніемъ его этическаго чувства, вырабатываются новыя потребности, которыя не могутъ оставаться въ потенціальномъ состояніи. Они требуютъ совершенія и новыхъ обрядовъ. Сюда относятся обряды служенія высшимъ задачамъ развитія человѣческаго духа и служенія истинѣ. Такіе обряды не могутъ быть совершаемы человѣкомъ только въ храминѣ сердца своего, они должны быть совершаемы на людяхъ, быть обрядами общественными.

Изъ потребности совершенія обрядовъ вытекаетъ и вмѣшательство человѣка въ дѣла міра. Съ этою цѣлью онъ пополняетъ искусственно запасъ тѣхъ органовъ, который ему данъ природой. И самый инструментъ оказывается тѣмъ болѣе совершеннымъ въ техническомъ отношеніи, чѣмъ ближе его отправленіе стоитъ по своему характеру къ отправленію органа естественнаго. Мы съ удивленіемъ остановились на извѣстіи, что люди переговариваются другъ съ другомъ черезъ океанъ, не пользуясь подводнымъ кабелемъ. Но если мы вдумаемся въ это открытіе, намъ долженъ показаться страннымъ какъ разъ противоположный способъ переговоровъ, именно при помощи телеграфной проволоки. Въ самомъ дѣлѣ, что мы дѣлаемъ въ нашихъ ежедневныхъ сношеніяхъ съ людьми? Развѣ перекликаніе животныхъ, наша рѣчь, не представляютъ того же, что и телеграфія или телефонія безъ провода? Разница лишь въ томъ, что въ одномъ случаѣ естественнымъ органомъ мы посылаемъ волны звуковыя, въ другомъ, искуственнымъ—электромагнитныя. Телеграфія по проводу напоминаетъ намъ дерганье сосѣда за рукавъ; телеграфія безъ проводовъ представляетъ изобрѣтеніе, приближающее насъ къ естественной, наиболѣе совершенной формѣ передачи мыслей.

Въ вопросѣ о совершеніи обрядовъ общественныхъ мы встрѣчаемся съ другимъ, съ вопросомъ о характерѣ законовъ историческихъ, соціальныхъ и т. д.; насколько эти законы незыблемы, неизмѣняемы? При его рѣшеніи часто впадаютъ въ очень крупное недоразумѣніе, заключающееся въ перенесеніи на явленія исторіи человѣчества неправильно понятой неизмѣняемости законовъ природы.

Въ исторіи человѣчества чувствуется перебой двухъ теченій: грубаго или тонкаго насилія, съ одной стороны, свободнаго изслѣдованія, науки—съ другой. Чѣмъ болѣе развивается послѣднее, тѣмъ

Digitized by Google

больнѣе отзываются, тѣмъ большее духовное и нравственное недомоганіе вызываютъ перебои перваго, и это понятно. Жизнь мысли и чувствованій, также какъ физическая, съ развитіемъ представляетъ все болѣе и болѣе уязвимыхъ сторонъ, нуждающихся въ защитѣ и охраненіи. Если въ древнемъ Римѣ существовалъ императоръ, который высказывалъ сожалѣніе, что человѣчество не имѣетъ одной головы, чтобы снести ее съ плечъ взмахомъ меча, то онъ выражалъ несбыточное желаніе. Духовное же развитіе людей ведетъ къ тому, что во многихъ отношеніяхъ нація начинаетъ пести на своихъ плечахъ одну голову, и совершеніе надъ нею операціи лишенія зрѣнія, слуха и рѣчи не представляется уже дѣломъ несбыточнымъ.

Сократить и искоренить звѣриные пріемы исторіи и политической жизни—вотъ что составляетъ высокую этическую задачу грядущихъ поколѣній.

Осуществленіе этой задачи находится въ тѣсной связи съ вопросомъ о томъ, возможно ли успѣшное вмѣшательство человѣческаго разума въ ходъ историческихъ событій или же теченіе послѣднихъ является результатомъ непреоборимыхъ стихійныхъ причинъ? Ясное представленіе о стихійности, которое можетъ быть извлечено изъ анализа процессовъ неорганизованной природы, можетъ дать въ этомъ отношеніи полезныя указанія. Уже блестящіе успѣхи современной техники обнаруживаютъ гибкость и податливость природы цѣлесообразнымъ дѣйствіямъ человѣка. Научное знаніе, сокращая пространство, время, уничтожая своими откровеніями одну за другую тѣ кости, за обладаніе которыми борются и отдѣльныя лица и цѣлыя націи, постепенно расчищаетъ дорогу принципамъ этики. Торжество этики, какъ силы соціальной, неразрывно связано съ успѣхами и побѣдами естествознанія.

Не одна ли это мечта? Возможны ли такія побѣды?

Природа всегда представлялась намъ чѣмъ-то мощнымъ, непоколебимымъ въ своихъ законахъ и теченіяхъ, а потому мы отвѣтимъ на нашъ вопросъ, если докажемъ, что человѣкъ можетъ быть хозяиномъ природы.

Въ природѣ двѣ вещи принципіально не представляются неизмѣняемыми: это законы распорядка явленій и послѣдовательность процессовъ природы. Въ очень многихъ случаяхъ распорядокъ вещей въ природѣ можетъ быть представленъ такой сокращенной схемой: поставьте на опрокинутую шарообразную чашу небольшой шарикъ; онъ можетъ скатиться въ любую сторону и, смотря по направленію, которому онъ послѣдуетъ, шаръ можетъ произвести самые разнообразные эффекты. Чтобы сообщить ему одно изъ множества возможныхъ для него движеній, не требуется особыхъ

Digitized by Google

усилій. Всѣ распорядки вещей, устроенные по такой схемѣ, измѣняемы.

Далѣе говорятъ, что законы природы могутъ быть изображены строгими математическими формулами. И такой способъ выраженія приводитъ лицо, мало посвященное въ тайны математики, въ священный ужасъ передъ несокрушимостью природы. Но математикъ знаетъ, что формула не всегда имѣетъ одно рѣшеніе. Напротивъ того, большинство математическихъ формулъ допускаютъ много и даже множество рѣшеній. Кривая линія, дающая множество вѣтвей, тоже имѣетъ свою формулу. Какое изъ этихъ рѣшеній получитъ свое осуществленіе, зависитъ уже не отъ формулы, не отъ явленія, ею управляемаго, а отъ совершенно побочныхъ, постороннихъ, случайныхъ обстоятельствъ, и всѣ явленія, подчиненныя такимъ формуламъ, измѣняемы внѣшними, часто ничтожными причинами. Значитъ и здѣсь человѣкъ можетъ быть хозяиномъ. Этотъ случай особенно поучителенъ для тѣхъ, которые строятъ теоріи общественныхъ и историческихъ явленій, принимая за образецъ ученія естествознанія. Соціальныя явленія настолько сложны, что законамъ, ими управляющимъ, какъ разъ соотвѣтствуютъ математическія формулы со множествомъ рѣшеній.

Въ очень немногихъ областяхъ природы мы встрѣчаемся съ явленіями, которыя имѣютъ только одну характеристику. Въ большинствѣ случаевъ мы имѣемъ нѣсколько характеристикъ, совокупность которыхъ опредѣляетъ явленіе, при чемъ каждая характеристика, взятая въ отдѣльности, не подчинена никакому закону: закону подчиняется только ихъ совокупность, почему всѣ характеристики, кромѣ одной, произвольны, случайны; а эта одна является уже слѣдствіемъ этихъ случайностей.

Такимъ образомъ большинство явленій природы зависитъ отъ цѣлаго ряда случайностей, что даетъ возможность человѣку вмѣшиваться въ ходъ явленій. Эта случайность настолько широка, что человѣкъ можетъ пользоваться ею для самыхъ разнообразныхъ, даже діаметрально противоположныхъ цѣлей. Человѣкъ принципіально можетъ изъ даннаго ряда характеристикъ явленія выбрать тѣ, которыя ему интересны, и подчинить ихъ желаемымъ задачамъ; законъ явленія съ математическою строгостью выведетъ уже ту сторону явленія, которая человѣку не интересна. Осуществленіе такого образа дѣйствій не встрѣчаетъ принципіальныхъ затрудненій; единственныя, могущія встрѣтиться трудности, это—техническія.

Остановимся на конкретномъ примѣрѣ. Представимъ себѣ опредѣленную массу какого-нибудь газа, напримѣръ, воздуха. Ея состоя-

Digitized by Google

ніе опредѣляется въ данный моментъ ея объемомъ, упругостью и температурой или энергіей нестройныхъ, хаотическихъ движеній газовыхъ молекулъ. Эти три характеристики состоянія газа связаны между собою одною только зависимостью, представляющею законъ, данный Шарлемъ и Бойлемъ для газоваго состоянія. Законъ этотъ никогда, ни при какихъ условіяхъ не можетъ быть нарушенъ, пока газъ остается газомъ. Но это значитъ только, что мы не можемъ произвольно измѣнять всѣ три характеристики газоваго состоянія, а только двѣ, любыя. И этого совершенно достаточно для нашихъ цѣлей. Положимъ, я интересуюсь произвести въ газѣ такой процессъ, при которомъ онъ переходилъ бы отъ одного состоянія къ другому, сохраняя опредѣленную, неизмѣнную температуру. Окажется, что для осуществленія такого процесса мнѣ нужно измѣнять объемъ и давленіе такъ, чтобы ихъ произведеніе равнялось постоянной величинѣ, напримѣръ, 100. Тогда всѣ числа $\frac{1}{100}$, $\frac{2}{100}$ .... 1, 10, 20,.... 100, 1000 и пр. могутъ представлять объемы, а соотвѣтственныя числа 10000, 5000, ... 100, 10, 5, 1, $\frac{1}{10}$ и пр. будутъ представлять давленія. Въ любой моментъ этотъ процессъ я могу прервать и начать другой, напримѣръ, такой, при которомъ давленіе или упругость газа остаются неизмѣнными и т. д.; варіацій можетъ быть безчисленное множество, но каждый разъ, задавшись характеромъ процесса, величины, опредѣляющія этотъ процессъ, должны измѣняться по нѣкоторому опредѣленному закону. Такимъ образомъ, отдѣльные процессы въ природѣ слѣдуютъ опредѣленнымъ неизмѣняемымъ законамъ; но это не значитъ, что тѣла, принимающія въ нихъ участіе, не могутъ участвовать въ другомъ, совершенно иномъ процессѣ; законъ закрѣпленъ за процессомъ, но за нимъ не закрѣпощены участвующія въ немъ тѣла. Смѣна одного процесса другимъ можетъ встрѣтить лишь техническія, а не принципіальныя трудности. При осуществленіи желательнаго процесса мы должны считаться и съ неизмѣняемыми свойствами тѣлъ. Если я имѣю дѣло съ газомъ, то, зная, что онъ состоитъ изъ хаотически, съ большими скоростями движущихся частицъ, я долженъ заключить его въ такую оболочку, черезъ поры которой эти частицы не могутъ пролетать. Если я хочу, чтобы газъ не мѣнялъ своей температуры во время налагаемаго на него процесса, я долженъ, такъ какъ газъ есть дурной проводникъ тепла, помѣщать его въ длинныя и узкія трубки, а эти трубки въ потокъ воды постоянной температуры и т. д. Въ этомъ счетѣ съ неизмѣняемыми свойствами тѣлъ я тоже могу встрѣтиться съ техническими трудностями.

Утвержденіе, что причина влечетъ за собою опредѣленное дѣй-

Digitized by Google

ствіе, совершенно не состоятельно. Очень мало существуетъ такихъ дѣйствій, которыя могутъ быть вызваны одинокими причинами. Общее правило то, что для одного дѣйствія требуется много причинъ. Силы или причины, производящія явленіе, не могутъ быть разсматриваемы какъ шашки, которыя ставятся одна подлѣ другой. Если бы это было такъ, то, приставляя новую шашку, мы измѣнили бы явленіе и могли бы сказать, что произведенное измѣненіе есть результатъ новой, введенной причины. Но это не такъ: если *a, b, c* суть причины, вызывающія данное явленіе, то введеніе новой причины *d* обусловливаетъ и новыя дѣйствія прежнихъ причинъ. Такимъ образомъ новое явленіе есть результатъ дѣйствія не одной новой причины *d*, а новаго комплекса причинъ *a, b, c, d*. Итакъ, утвержденіе, что причина эквивалентна дѣйствію, справедливо только въ томъ случаѣ, если мы придадимъ болѣе широкій смыслъ понятію причинности.

Всѣ сдѣланныя нами заключенія еще съ большимъ правомъ прилагаются къ несравненно болѣе сложнымъ процессамъ исторической и общественной жизни. Наибольшее стихійное затрудненіе какъ въ случаѣ природы, такъ и человѣческаго общества, представляетъ масса, т.-е. чрезмѣрно большое число индивидуумовъ, участвующихъ въ процессѣ. И если въ случаѣ неорганизованной природы мы часто остаемся безсильными побороть массу, то въ мірѣ человѣческомъ мы имѣемъ для той же цѣли никогда не измѣняющую намъ силу—просвѣщеніе.

Н. Умовъ.

Digitized by Google

Этюды по исторіи греческой религіи.

(*Окончаніе*) [1]).

VII.

Согласно преданіямъ [2]), Миносъ былъ первымъ изъ грековъ, основавшимъ талассократію,— морское владычество на эгейскомъ морѣ. Его царство простиралось не только на большую часть острова Крита, но и на Киклады, вплоть до береговъ Азіи, такъ что море къ сѣверу отъ Крита называлось Миносовымъ моремъ, а тѣ острова, откуда онъ изгналъ карійцевъ и гдѣ онъ сажалъ князьями своихъ сыновей, назывались миноидами. Съ континентальными карійцами онъ былъ въ дружбѣ, набиралъ изъ нихъ наемниковъ и при ихъ помощи велъ успѣшную борьбу съ морскими разбойниками,—островными карійцами или лелегами. При этомъ онъ колонизовалъ многія Киклады и нѣкоторыя мѣстности въ Малой Азіи. Насколько *вѣрны* эти преданія, мы не знаемъ, но во всякомъ случаѣ они чрезвычайно *правдоподобны*. Кносское царство, несомнѣнно, существовало, вело широкую морскую торговлю отъ Троады до береговъ Сиріи и Египта и обладало могущественнымъ вліяніемъ, простиравшимся на Грецію и острова. Далѣе, это обширное морское владычество, вмѣстѣ съ торговлей Крита, предполагаетъ прежде всего укрощеніе разбоевъ со стороны островитянъ,—замиреніе моря и усмиреніе пиратовъ, болѣе опасныхъ для древнихъ моряковъ, чѣмъ самыя бури и противные вѣтры. Съ развитіемъ торговли и морского владычества, съ покороніемъ островитянъ связывается колонизація, и весьма возможно, что Критъ, какъ передовая держава микенскаго вѣка, игралъ въ колонизаціонномъ движеніи значительную роль.

По преданію, Миносъ подчинилъ себѣ большую часть Крита,

---

[1]) „Научное Слово“. 1904, IX.

[2]) См. статью Helbig'a Minos въ словарѣ Рошера, гдѣ указаны тексты.

Digitized by Google

который до грековъ былъ весь занятъ варварами (Her. I, 173); и вотъ въ эпоху его владычества рядъ племенъ выселяется въ Азію не только съ острововъ, откуда онъ ихъ изгналъ, но и изъ самаго Крита—отчасти карійцы, затѣмъ термилы или трамилы, которые поселились въ Ликіи подъ предводительствомъ Сарпедона, брата Миноса [1]). Упоминается еще эмиграція какихъ-то радамановъ, эпонима которыхъ вѣроятно слѣдуетъ видѣть въ другомъ братѣ Миноса, Радамантѣ; этого соправителя своего, который также пользовался славой мудраго законодателя, Миносъ сослалъ будто бы въ отдаленнѣйшія мѣста своего царства (Diod. V, 84). Укажемъ, наконецъ, на филистимлянъ, которые до сихъ поръ считаются выходцами изъ Крита и которые появляются въ Египтѣ и Палестинѣ въ поздне-микенскія времена, при Рамсесѣ III, хотя, можетъ быть, тотъ Кафторъ, изъ котораго они себя производили, слишкомъ рѣшительно отожествляется съ Критомъ [2]).

Во всякомъ случаѣ эмиграція изъ Крита и Кикладскихъ острововъ въ эпоху основанія, процвѣтанія и усиленія Кносскаго царства, которое естественно предполагаетъ завоеванія, не представляетъ ничего невѣроятнаго. Возможно и то, что до «Миносова» царства существовали и другія, съ которыми оно вступило въ борьбу. По преданію, Миносъ основалъ множество городовъ на своемъ островѣ, при чемъ главнѣйшими изъ нихъ были: Кидонія, Кноссъ и Фэстъ (Diod. V, 18, Str. X, 4, 8): раскопки показали, что два послѣдніе были дѣйствительно царскими резиденціями, при чемъ и здѣсь и тамъ, подъ развалинами колоссальныхъ микенскихъ дворцовъ обнаружены остатки другихъ болѣе древнихъ разрушенныхъ дворцовъ съ утварью «ранне-миносоваго», т.-е. соб. домикенскаго, камареса. Но и помимо этихъ столицъ эпосъ помнитъ о «сотнѣ» городовъ Крита, и мы сейчасъ по надписямъ или монетамъ знаемъ около 50 изъ нихъ [3]).

Какъ лицо полумиѳическое, представляющее Кносское царство, Миносъ оставилъ двойственный образъ въ греческихъ преданіяхъ. Съ одной сороны, онъ—«царственнѣйшій изъ царей», мудрый пра-

---

[1]) Свидѣтельство Геродота (I 173, VII 94) подтверждается ликійскими надписями, гдѣ встрѣчается форма trmmli, см. Hall, 87.

[2]) Фуртвенглеръ (l. c. 66) настолько увѣренъ въ этомъ тожествѣ, что въ самомъ Голіафѣ видитъ греческаго воина въ мѣдныхъ доспѣхахъ микенскаго вѣка! Ср. Hall, въ его статьѣ The peoples of the sea въ Ann. of br. Sch. VIII, Guthe въ Herzog Real Enc. X (3 Aufl.). Kaphtor, а также статьи о библейскомъ *Кафторѣ* и *филистимлянахъ* въ превосходной англійской Enciklop. Biblica. (G. F. Moore). Было даже высказано смѣлое, хотя и недоказанное предположеніе, что финикійскій алфавитъ развился изъ линейнаго письма, вынесеннаго филистимлянами изъ Крита.

[3]) Busolt I, 338 сл.

Digitized by Google

витель, основатель городовъ, создавшій прочный государственный порядокъ и давшій своимъ подданнымъ законы,—представленіе, которое такъ сильно укоренилось въ памяти потомковъ, что критскіе доряне, впослѣдствіи переселившіеся съ материка, видѣли въ немъ *своего* законодателя, хотя на дѣлѣ они сами принесли на островъ *свой* древній обычай. Легендарная мудрость Миноса естественно дѣлала его «страшнымъ» его врагамъ (Od. XI, 320—1, 574); и вотъ въ изображеніи аттическихъ лѣтописцевъ и поэтовъ Миносъ, въ качествѣ противника Ѳесея, изображается жестокимъ, несправедливымъ тираномъ—противорѣчіе, которое легко объясняется.

Сказанія о морскихъ экспедиціяхъ Миноса весьма разнообразны. Въ Аттикѣ существовало преданіе о томъ, что онъ покорилъ Аѳины и взималъ съ нихъ страшную дань, требуя присылки дѣтей въ жертву Минотавру. Далѣе, онъ завоевалъ Мегару. Мало того: онъ предпринялъ экспедицію въ Сицилію, гдѣ былъ убитъ; чтобы отомстить за его смерть, критяне снарядили цѣлую армаду, при чемъ на возвратномъ пути основали Гирію въ Италіи (Herod. VII, 69 сл.). Городъ Миноса тоже былъ будто бы основанъ спутниками Миноса, которые воздвигли ему гробницу, любопытное описаніе которой даетъ Діодоръ (IV, 79): она состояла изъ двухъ частей: закрытаго помѣщенія, въ которомъ хранились кости Миноса, и открытой, представлявшей святилище Афродиты [1]). Какъ ни страннымъ можетъ это показаться, преданія о раннихъ сношеніяхъ Крита съ Сициліей въ микенскій періодъ, повидимому, также заключаютъ историческое зерно и подтверждаются раскопками, обнаружившими въ древнихъ могильникахъ Сициліи микенскія вазы и мѣстныя имитаціи микенскихъ вазъ. Мало того: сообщенія между Сициліей и Греціей восходятъ, быть можетъ, и къ до-микенскимъ временамъ [2]).

Не забудемъ, что мы имѣемъ дѣло не съ фактами, а съ легендами, хотя и съ такими, въ которыхъ сохранились историческія преданія, неожиданно обнаружившіяся благодаря поразительнымъ археологическимъ открытіямъ. Равнымъ образомъ заслуживаютъ вниманія и сказанія о преемникахъ Миноса, другихъ критскихъ князьямъ, или о древнихъ выходцахъ изъ Крита, основывающихъ колоніи, города или заносящихъ религіозныя установленія и культы въ различныя части Греціи.

---

[1]) Ср. Reichel, Vorhelenische Culte, объясняетъ одно золотое украшеніе, найденное въ третьей могилѣ Микенскаго Акрополя, какъ воспроизведеніе такого памятника. Къ сожалѣнію, онъ упускаетъ изъ вида описаніе могилы Миноса у Діодора, подтверждающее его догадку. Во всякомъ случаѣ мы знаемъ о культѣ нагой богини съ голубями, встрѣчающейся въ микенскихъ могилахъ.

[2]) Ср. Hall, Civilis. 218, 259, и Busolt, 336, 4 сл.

032696
Саратов. Областная БИБЛИОТЕКА Периодика.
Digitized by Google

Мы уже говорили объ этой особенности: ни одно изъ микенскихъ государствъ не оставило столь многочисленныхъ и значительныхъ слѣдовъ въ религіозной области, какъ именно Критъ, который связанъ интимными связями родства съ важнѣйшими центрами греческаго культа — каковы Дельфы, Елевсинъ, отчасти Олимпія [1]). Помимо культа критскаго Зевса, который такъ ярко отразился еще въ теогоническихъ сказаніяхъ (напр., у Гесіода, отчасти у Гомера), главнѣйшіе культы Аполлона въ Азіи, Милетъ, Колофонъ, Кларосъ, согласно преданіямъ происходятъ изъ Крита, точно такъ же какъ самый важный изъ культовъ Аполлона — дельфійскій культъ (Hom. hymn Apoll. Pyth. 216 сл.). Изъ Крита же происходитъ и культъ Деметры Елевсиніи: въ Критѣ таинства ея—тѣ же, что въ Елевсинѣ,—совершались открыто и были издревле доступны всѣмъ, какъ публичный культъ (Diod. V, 77, 3); оттуда, а не изъ Елевсина, культъ ея былъ перенесенъ въ Пелопоннесъ, какъ это показываетъ тщательное разсмотрѣніе всѣхъ данныхъ о ея тамошнихъ святилищахъ: культъ Деметры былъ общераспространеннымъ и, по всей вѣроятности, двигался съ сѣвера на югъ; культъ Д. *Елевсиніи*, напротивъ того, первоначалльно двигался изъ Крита на сѣверъ [2]). Чтобы не быть слишкомъ спеціальнымъ, мы упускаемъ здѣсь множество мелкихъ данныхъ, которыя въ своей совокупности указываютъ, что вліяніе Крита въ религіозной области было весьма разнообразно и значительно. При этомъ оно сказывалось не столько, какъ введеніе новыхъ божествъ—туземные боги Крита, по крайней мѣрѣ подъ туземными названіями, не обладали большею склонностью къ миграціи: вліяніе Крита сказывалось всего болѣе въ введеніи новыхъ культовъ *старыхъ* греческихъ боговъ, напр., Аполлона, Деметры, даже Зевса. Эти культы критскаго происхожденія, сохранявшіе своеобразныя архаическія черты, всего ярче свидѣтельствуютъ о греческой національности критскаго царства, хотя, какъ уже сказано, смѣшеніе національностей, которому неизбѣжно соотвѣтствовалъ и религіозный синкретизмъ, совершалось здѣсь въ большихъ размѣрахъ, чѣмъ гдѣ-либо.

Въ болѣе позднюю микенскую эпоху, когда гегемонія перешла къ аргивскимъ князьямъ (XIII или XII в.?), Критъ все-таки остается однимъ изъ главныхъ культурныхъ и политическихъ центровъ Греціи, и его «сто городовъ» все еще подвластны кносскимъ князьямъ, Идоменею и Меріону, которые, послѣ Агамемнона и Нестора при-

[1]) Ср. Robert въ Ath. Mitth. XVIII (1893), 40, о древнемъ вліяніи Крита въ Олимпіи. Ср. также Farnel, The cults of the greek states, о культѣ Эйлеейіи и Сосиполиса въ Олимпіи.

[2]) Ср. прекрасную статью Kern'a Demeter у Pauly-Wissowa IV, 2.

Digitized by Google

вели подъ Трою наибольшее количество кораблей. Въ Иліадѣ указывается близкая родственная связь между аргивскими и критскими князьями (III, 230 сл.): Эропе, мать Менелая и Агамемнона, является внучкою Миноса.

Къ концу микенскаго періода значеніе Крита быстро падаетъ. Его «сто городовъ» приходятъ въ упадокъ, раздираемые междуусобіями. На островахъ вновь усиливаются карійцы, частью вытѣсняя критянъ [1]); къ этому времени вѣроятно относится и усиленіе финикійской торговли. Затѣмъ Критъ занимается дорянами, а іонійская колонизація, занимая Киклады, вновь оттѣснила въ Азію карійцевъ.

Критяне остаются и впослѣдствіи отважными моряками, но изъ прежнихъ властителей Эгейскаго моря сами дѣлаются пиратами. Примѣсь дорійской крови не остановила ихъ упадка, а скорѣе способствовала одичанію критянъ. Славные дни, когда они царствовали надъ моремъ и облагали аѳинянъ страшною данью, прошли навсегда. Критяне пріобрѣли традиціонную репутацію «вѣчныхъ лгуновъ» (*ἀεὶ ψεῦσται*) и лѣнивыхъ обжоръ. Ихъ цивилизація отцвѣла ранѣе, чѣмъ наступили «историческія» времена Греціи.

VIII.

Какъ уже сказано, изъ Крита гегемонія перешла къ аргивскимъ князьямъ. Но микенская культура не ограничивалась ею; она процвѣтала въ Лаконіи, Бэотіи, царствѣ минійцевъ, въ Аттикѣ, Фтіотидѣ и даже далекой Троадѣ. Къ исходу микенской эпохи относится нашествіе на Египетъ частью черезъ Сирію, частью моремъ, соединенныхъ эгейскихъ племенъ, имена которыхъ сохранились въ памятникахъ Рамсеса III, нанесшаго имъ пораженіе. Мы уже говорили о племенахъ, воевавшихъ съ нимъ. Сперва то были ахейцы, turusha (тирсены?), shaka-rusha (сагалассійцы изъ Писидіи?), shardina (?), затѣмъ черезъ три года — другія народности, въ именахъ которыхъ видятъ филистимлянъ (pulesatha), тевкровъ (?) и данайцевъ (?). Описаніе ихъ опустошительнаго нашествія даетъ картину переселенія народовъ, которое совершается отъ Киликіи черезъ Сирію частью сухимъ путемъ, частью моремъ на судахъ, сопровождавшихъ повозки переселенцевъ. Мы уже видѣли, что въ этомъ движеніи усматриваютъ лишь волну болѣе обширнаго движенія,

[1]) Diod. V, 84 сл.: разумѣется и здѣсь мы имѣемъ дѣло лишь съ *возможностью*, хотя и весьма вѣроятною, въ эпоху смутъ и борьбы, связанною съ переселеніемъ дорянъ. Іонійская колонизація во всякомъ случаѣ вытѣсняетъ карійцевъ съ острововъ.

Digitized by Google

охватившаго народности средиземно-морского бассейна и отразившагося и въ Греціи въ переселеніи сѣверныхъ племенъ.

Паденіе микенской культуры пріурочиваютъ къ этому переселенію, хотя, очевидно, упадокъ микенскихъ государствъ былъ вызванъ внутренними причинами, подготовившими путь дорійскому завоеванію. Микенскій стиль въ искусствѣ могъ удержаться нѣкоторое время и послѣ дорійскаго завоеванія, но мало-по-малу онъ исчезаетъ, уступая мѣсто такъ называемому геометрическому орнаменту или «дипилону». Наступаетъ новая пора «греческго средневѣковья», которая характеризуется глубокимъ и продолжительнымъ упадкомъ культуры, искусства, техники. Прежніе дворцы предаются огню и разрушенію, обращаются въ груды развалинъ; новыхъ дворцовъ болѣе не строятъ, бѣдныя жилища тѣснятся около ихъ развалинъ или надъ ними, и въ позднѣйшее время остатки грандіозныхъ сооруженій микенскаго вѣка возбуждаютъ изумленіе потомковъ, которые видятъ въ нихъ дѣло исполинскихъ, не человѣческихъ рукъ. Съ дворцами падаютъ и крупные политическіе союзы микенскаго вѣка и его обширная торговля. Художественная промышленность, работавшая для широкаго экспорта, прекращается; фабрики закрываются, всюду появляются мѣстныя издѣлія новаго типа. Цѣлыя отрасли художественной промышленности вымираютъ. Въ Микенахъ была найдена разрушенная мастерская геммъ съ начатыми работами, запасомъ камней для рѣзьбы. Глиптика временно умираетъ, чтобы возродиться впослѣдствіи подъ воздѣйствіемъ тѣхъ же восточныхъ вліяній. Техническія пріобрѣтенія теряются, и вѣка спустя глиптика, живопись и пластика должны начинать сначала. Обширныя торговыя сношенія тѣхъ временъ, когда Греція снабжала вазами Троаду и Египетъ, прекращаются вмѣстѣ съ морскимъ владычествомъ. Тутъ-то повидимому начинается хозяйничаніе островитянъ и финикійцевъ на Эгейскомъ морѣ. «Геометрическій» стиль, такъ далеко отстоящій отъ микенскаго въ художественномъ отношеніи, служитъ знаменіемъ времени. Онъ до такой степени законченъ и послѣдователенъ, что никоимъ образомъ не можетъ разсматриваться какъ продуктъ распаденія микенскаго искусства. Онъ несравненно ближе къ искусству до-микенскихъ временъ, которое, по мѣткому сравненію Фуртвенглера, составляло какъ бы загрунтовку роскошной блещущей красками картины микенскаго искусства; теперь, когда эти краски были смыты, многое старое выступило изъ-подъ нихъ. Не слѣдуетъ думать, что «геометрическій стиль» былъ принесенъ сѣверными племенами въ готовомъ видѣ: его развитіе произошло въ теченіе долгаго времени на новыхъ мѣстахъ и при томъ въ такихъ, которыя не были заняты дорянами (напр., въ Аттикѣ). Но

Digitized by Google

все же онъ знаменуетъ собою не только конецъ микенскаго искусства, но и глубокій упадокъ искусства, глубокое измѣненіе вкуса. Общій упадокъ культуры, послѣдовавшій за разрушеніемъ микенскихъ царствъ, сказывается во всемъ. Постепенное возрожденіе начинается на Востокѣ, гдѣ хранились завѣты прежней культуры. Малоазіатскіе греки, эолійцы и іонійцы, т.-е. сѣверные и главнымъ образомъ средне-греческіе колонисты, становятся во главѣ культурнаго движенія. Какъ основательно показали Э. Мейеръ и Бузольтъ, первая великая эпоха греческой колонизаціи относится къ *микенскому* вѣку, и греки микенскаго вѣка являются предками эолійцевъ и іонійцевъ.

IX.

Какъ ни скудны эти указанія, — многія изъ нихъ нуждаются еще въ тщательной критической разработкѣ и провѣркѣ,—они имѣютъ существенное методическое значеніе для изслѣдованія вопроса о генезисѣ или ранней исторіи греческой религіи, поскольку она доступна нашему изученію.

Прежде всего значеніе ихъ *отрицательное*: однихъ вышеприведенныхъ данныхъ совершенно достаточно для ниспроверженія всѣхъ *неисторическихъ* теорій или гипотезъ о происхожденіи греческой религіи. Натуралистическая, анимистическая, лингвистическая или всякая иная гипотеза, не считающаяся съ исторіей, обличаются во всей своей несостоятельности при одномъ взглядѣ уже на тотъ приблизительный и неизбѣжно-неполный разрѣзъ историческихъ и этнографическихъ напластованій, составившихъ Грецію, какой мы можемъ представить себѣ въ настоящее время [2]). Одна мысль о сложномъ историческомъ процессѣ, пережитомъ греками и столь недостаточно еще намъ извѣстномъ, точно такъ же, какъ и сознаніе сложности элементовъ греческой цивилизаціи, заставитъ насъ навсегда отказаться отъ подобныхъ простыхъ теорій, покоящихся не на историческихъ основахъ, а на отвлеченныхъ, апріорныхъ построеніяхъ. Этимологическая игра съ именами боговъ, которая до сихъ поръ еще имѣетъ сторонниковъ, должна потерять всякое научное значеніе; этимологическія объясненія, почти всегда шаткія и спорныя, даже тамъ, гдѣ они лингвистически безупречны, могутъ играть лишь второстепенную и подчиненную роль.

---

[1]) Ср. Busolt, I 214 и 278 сл.

[2]) Точнѣе было бы говорить не о разрѣзѣ, а скорѣе о рядѣ разрѣзовъ, различныхъ по мѣстностямъ, напр., въ Критѣ или нѣкоторыхъ островахъ, въ Ѳессаліи, Аркадіи, Аттикѣ и т. д.

Digitized by Google

Съ другой стороны, сообщенія и факты, заставляющіе насъ признать сложность элементовъ матеріальной и духовной культуры грековъ, всего менѣе могутъ оправдывать одностороннее или произвольное допущеніе тѣхъ или другихъ восточныхъ вліяній на основаніи частныхъ аналогій, произвольнаго объясненія миѳовъ и легендъ, безъ критическаго изученія исторіи легендъ, поскольку она можетъ быть нами прослѣжена. Въ каждомъ данномъ случаѣ требуется общее ознакомленіе съ археологическими данными: такъ, наприм., по вопросу о вліяніи финикійцевъ на островѣ Критѣ, Киѳерѣ, Ѳасосѣ, Родосѣ, въ Бэотіи или Истмѣ нельзя отправляться отъ какого-нибудь отдѣльнаго факта или показанія, какъ бы убѣдительно оно ни казалось, безъ сопоставленія съ другими фактами, позволяющими намъ понять данное явленіе въ правильной исторической перспективѣ. Конечно, при отрывочности и огромныхъ пробѣлахъ нашихъ археологическихъ знаній, мы не можемъ обойтись безъ предположеній; но и здѣсь мы должны строго отличать достовѣрное отъ вѣроятнаго, дѣйствительное отъ возможнаго и производить самую тщательную расцѣнку вѣроятій. Безпритязательное ignoramus часто безконечно болѣе приближаетъ насъ къ истинному историческому пониманію, нежели самыя смѣлыя гипотезы; хотя намъ приходится признавать наше невѣдѣніе слишкомъ часто, но пока мы не сознавали его, мы не предчувствовали того дѣйствительнаго и чрезвычайно сложнаго историческаго процесса, который здѣсь совершался.

Данныя археологіи имѣютъ однако не одно отрицательное значеніе, расчищая путь научному историческому изученію греческой религіи; они имѣютъ и положительное значеніе, не столько оттого, что они представляютъ новый матеріалъ, сколько потому, что помогаютъ установлять историческую перспективу при изученіи извѣстнаго уже матеріала. Съ своей стороны, разумѣется, и этотъ матеріалъ, изучаемый такимъ образомъ, существенно пополняетъ собою данныя археологіи и проливаетъ свѣтъ на раннее прошлое Греціи.

Мы не будемъ останавливаться на исторіи отдѣльныхъ боговъ и культовъ, хотя именно на нихъ можно конкретно уяснить себѣ особенности совершавшагося процесса. Мы ограничимся здѣсь лишь указаніемъ нѣкоторыхъ общихъ важнѣйшихъ результатовъ, выясняющихся для исторіи греческой религіи въ ея цѣломъ изъ археологическихъ открытій и критическаго изученія ранней греческой исторіи.

Digitized by Google

X.

Греческая религія, или совокупность греческихъ культовъ, сложилась, повидимому, *въ общихъ чертахъ* еще до переселенія дорянъ. По крайней мѣрѣ, иначе мы не видимъ возможности объяснить тотъ уже упомянутый нами фактъ, что дорійское завоеваніе оставило въ сохранности всѣ мѣстные культы покоренныхъ государствъ и не принесло съ собою ни одного новаго спеціально-дорійскаго божества [1]). Великіе боги, какъ Зевсъ, Аполлонъ, Аѳина, были, очевидно, чтимы дорянами и ранѣе переселенія. Но, переселяясь въ Пелопоннесъ или Критъ, или Родосъ, они усвоивали всѣ мѣстные культы, все равно греческаго, фригійскаго, ѳракійскаго или малоазіатскаго происхожденія. Видимое исключеніе представляетъ культъ Аполлона Карнейоса, который былъ общимъ всѣмъ дорянамъ Пелопоннеса: во время мѣсяца, ему посвященнаго, между дорянами царствовало священное перемиріе. Но это исключеніе только кажущееся: Аполлонъ былъ богомъ всѣхъ грековъ, а Карнейосъ былъ *мѣстнымъ* пастушескимъ божествомъ въ Пелопоннесѣ, которое отожествилось съ Аполлономъ [2]). До переселенія доряне едва ли знали такого бога: культъ Аполлона Карнейоса былъ союзнымъ культомъ *пелопоннесскихъ* дорянъ, а не культомъ какого-то новаго бога, принесеннаго дорянами съ сѣвера.

Какъ мы уже сказали ранѣе, и другіе греческіе колонисты поступали приблизительно такъ же, усвоивая мѣстные культы на островахъ и въ Малой Азіи. Но, во-первыхъ, они приносили съ собою своихъ боговъ, а во-вторыхъ, эллинизировали мѣстные культы, чего дорянамъ не приходилось дѣлать въ Пелопоннесѣ; эллинизація чужеземныхъ боговъ однако въ большей части случаевъ бывала болѣе или менѣе поверхностной, не касалась многихъ особенностей культа, даже въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ мѣстное божество отожествлялось съ какимъ-либо греческимъ божествомъ; укажемъ для примѣра на знаменитую Артемиду Эфесскую, подъ греческимъ именемъ которой скрывалась типичная малоазіатская богиня, или возьмемъ отдѣльныхъ азіатскихъ Зевсовъ и Аполлоновъ [3]). Естественно, что, *въ общемъ*, чѣмъ позже усвоивается чужеземный мѣстный культъ, тѣмъ легче сохраняются его индивидуальныя мѣстныя особенности, и это по двумъ причинамъ, во-первыхъ, потому, что національныя

---

[1]) Ср. E. Meyer, Gesch. d. Alterthums II § 174 и 183. Ср. однако блестящую, хотя и не убѣдительную попытку Виламовица (Herakles 1895) доказать, что Геракъ есть дорійское божество.

[2]) См. Pauly-Wissowa, Apollon (Wernicke) и ст. Karneios у Рошера (S. Wide).

[3]) P.-Wis., Apollon 7, 60 сл.

Digitized by Google

религіозныя формы дѣлаются все болѣе и болѣе устойчивыми, а во-вторыхъ, потому, что процессъ ассимиляціи чужихъ культовъ совершается довольно медленно, въ особенности на чужбинѣ, гдѣ поселенцы заинтересованы въ томъ, чтобы пріобрѣсть благоволеніе именно *мѣстнаго* божества, и постольку сами поддерживаютъ мѣстныя особенности культа. Строго говоря, ассимиляція можетъ быть *полною* только тамъ, гдѣ забывается чуждое происхожденіе, а съ нимъ вмѣстѣ теряютъ смыслъ и мѣстныя отличительныя особенности. Это могло случиться и, повидимому, случалось въ континентальной Греціи, отчасти и на островахъ съ мѣстными культами туземнаго происхожденія, заимствованными ахейцами или первыми греческими поселенцами отъ «пеласгическихъ», «малоазіатскихъ» или арійскихъ племенъ, ранѣе ихъ населявшихъ Грецію.

Этимъ объясняется множество мѣстныхъ боговъ и множество своеобразныхъ мѣстныхъ культовъ. Отсюда же и объясняется тотъ отмѣченный уже нами фактъ, что греки знали нѣсколько различныхъ Зевсовъ, Артемидъ, Аполлоновъ. Если они впослѣдствіи отожествляли съ Зевсомъ египетскаго бога Амона (въ качествѣ верховнаго бога), это никого не могло ввести въ заблужденіе относительно дѣйствительнаго различія этихъ боговъ; если дорійцы отожествляли карійскаго горнаго бога Атабирія съ Зевсомъ, исконное различіе таки-опять сознается, хотя уже не такъ отчетливо— въ Атабиріи хотѣли долго видѣть финикійское божество [1]). Но уже относительно критскаго Зевса, несмотря на то, что едва ли не всѣ ученые видятъ въ немъ особое божество, отличное отъ Олимпійскаго или Додонскаго Зевса, сами греки утратили ясное сознаніе такого исконнаго различія: они видѣли въ немъ Зевса, сына Кроноса и Реи (они разсказывали обработанную критскую легенду о его рожденіи), а не особое божество, отличное отъ олимпійскаго громовержца. Если же отъ острововъ мы обратимся къ континентальной Греціи и разсмотримъ всѣ ея различные культы Зевса, то тутъ не только у древнихъ, но даже у многихъ современныхъ ученыхъ мы не всегда найдемъ сознаніе того, что въ нѣкоторыхъ изъ этихъ культовъ мы въ сущности имѣемъ дѣло съ божествами различнаго происхожденія. А между тѣмъ это едва ли подлежитъ сомнѣнію, и сами греки, какъ это видно изъ приведеннаго нами примѣра Ксенофонта [2]), нерѣдко смутно чувствовали такое различіе. Возьмемъ Зевса Додонскаго или «пеласгическаго», культъ котораго связывался съ культомъ священнаго источника и священнаго

[1]) Ср. Beloch l. c.

[2]) См. первая статья въ „Науч. Словѣ".

Digitized by Google

дуба[1]); или культъ Зевса Ликейоса въ Аркадіи, связанный съ переживаніями дикихъ варварскихъ обрядовъ и каннибализма; или культъ различныхъ подземныхъ хтоническикъ Зевсовъ, чтимыхъ въ различныхъ мѣстностяхъ,—ясно, что мы имѣемъ дѣло не съ простыми различіями ритуала, а съ различными богами. Если за исконное представленіе о Зевсѣ не безъ основанія считается образъ свѣтлаго небеснаго отца, царя боговъ, громовержца, посылающаго дождь матери-землѣ, то откуда могло явиться представленіе о подземномъ хтоническомъ Зевсѣ, наприм., Зевсѣ Мейлихійскомъ, Трофоніи, Евбулеѣ? Первоначальное представленіе о Зевсѣ мы находимъ и въ позднѣйшія времена: оно увѣковѣчено Гомеромъ и Фидіемъ, оно получило впослѣдствіи философское развитіе; какимъ же образомъ мы находимъ на ряду съ нимъ совершенно иныя представленія, настолько отличныя отъ него, что Ксенофонтъ, наприм., принималъ, повидимому, Зевса Мейлихійскаго за особаго бога? Какъ объяснить странные и притомъ разнообразные обряды, указывающіе на глубокую древность въ нѣкоторыхъ культахъ Зевса, наприм., въ культѣ Зевса Додонскаго, или Зевса Ликейскаго въ Аркадіи, Лафистія въ Фтіотидѣ, или въ «буфоніи», «убійствѣ» Зевсова быка въ честь аѳинскаго Зевса Поліевса,—чтобы не упоминать о другихъ?

Намъ представляется очевиднымъ, что культы эти имѣютъ различное и притомъ сложное происхожденіе: національный греческій культъ Зевса, верховнаго бога, сливался съ отдѣльными туземными культами не-греческаго происхожденія. Въ однихъ случаяхъ Зевсъ вытѣснялъ какое-нибудь мѣстное божество и занималъ его мѣсто, усвоивая нѣкоторыя формы его культа, какъ это было съ Ягве въ Ханаанѣ по отношенію къ мѣстнымъ ваалам. Въ другихъ случаяхъ Зевсъ отожествлялся съ верховнымъ богомъ данной мѣстности; въ третьихъ заимствовалъ изъ другихъ культовъ тѣ или другія формы, обряды, таинства. Ограничимся хотя бы вышеуказанными примѣрами. «Додонскій богъ,—говоритъ Кернъ,—есть старинный мѣстный богъ, который былъ чтимъ при источникѣ въ дубовомъ лѣсу. Онъ былъ главнымъ богомъ мѣстности и въ этомъ качествѣ удостоился быть возведеннымъ въ особую форму общегреческаго Зевса, когда этотъ богъ началъ свое завоевательное шествіе по Греціи». Въ культѣ Зевса Ликейоса мы также имѣемъ несомнѣнное соединеніе культа Зевса съ болѣе раннимъ культомъ Ликаона или Ликейоса,

---

[1]) См. Kern въ Pauly-Wissowa Real-Enc. V, 1, 1261: въ древнѣйшее время въ Додонѣ былъ, повидимому, чтимъ богъ священнаго источника, который лишь впослѣдствіи былъ отожествленъ съ общегреческимъ Зевсомъ, ибо въ культѣ Додонскій Зевсъ постоянно носитъ прозвище *найос*, отъ ναίω—теку (отсюда *наяды*).

Digitized by Google

который имѣетъ до-эллинское происхожденіе [1]). Равнымъ образомъ въ культѣ Зевса Лафистія, связаннаго съ именемъ Аѳамаса, мы имѣемъ старинный обрядъ аѳамановъ, полуварварскихъ выходцевъ изъ Эпира (Strabo VII, 321, 326; X, 449), а въ культѣ Зевса Поліевса—мистическій обрядъ пріобщенія божественному быку, занесенный въ Аѳины изъ Крита.

Такимъ образомъ объясняются многіе Зевсы, стоящіе за единымъ Зевсомъ, многіе Аполлоны [2]), Артемиды, Афродиты, Гермесы, стоящіе за Аполлономъ, Артемидой, Афродитой, а равнымъ образомъ и многія другія мѣстныя божества. Необычайно пестрый и сложный пантеонъ греческой религіи совершенно не объяснимъ изъ одного источника, изъ одного самостоятельнаго и чисто-греческаго корня. Если этимологія можетъ привести насъ къ какому-либо общему выводу, то развѣ къ тому, который сдѣлалъ еще Буттманъ въ началѣ прошлаго вѣка,—что большинство именъ греческихъ боговъ не объяснимы изъ извѣстнаго намъ греческаго языка [3]), какъ бы ни были остроумны попытки въ этомъ направленіи. Но греческая религія въ еще большей мѣрѣ, чѣмъ греческій языкъ, свидѣтельствуетъ о сложности этнографическихъ и культурныхъ элементовъ, послужившихъ образованію греческаго народа. Вѣрованія исконно-греческія и вѣрованія ѳракійско-фригійскаго происхожденія, вѣрованія и культы «малоазіатскихъ» или «пеласгическихъ племенъ», составлявшихъ первоначальное населеніе бассейна Эгейскаго моря, наконецъ египетскія и семитскія вліянія,—всѣ эти элементы участвовали въ образованіи сложнаго цѣлаго греческой религіи, допускавшей до конца столь значительныя мѣстныя разнообразія. Если въ прежнее время нѣкоторыя изъ этихъ различій въ религіозной области пытались объяснить различіями греческихъ племенъ, то теперь все болѣе и болѣе выясняется, что наиболѣе зна-

[1]) Ср. Drexler ст. Lykaon въ слов. Рошера (II, 2, 2172). Исходя изъ преданія о пеласгическомъ происхожденіи древне-аркадскихъ селеній, основанныхъ якобы ликаонидами, Дрекслеръ думаетъ, что самое имя Ликаона имѣетъ пеласгическое происхожденіе и сближаетъ его съ этрусскимъ Lucumo—царь (Serv. ad Verg. Aen. II 278, VIII 478); въ такомъ случаѣ Ликаонъ „сынъ Пеласга“ (еще у Гезіода frgm. 68 Kinkel), старый „царь“ или царь боговъ, чтимый на „царской горѣ“, былъ отчасти отожествленъ греческими поселенцами съ ихъ Зевсомъ, отчасти замѣненъ имъ подъ именемъ Зевса Ликейскаго. Оставляя подъ вопросомъ этрусскую этимологію, вѣрность этого объясненія можетъ быть доказана подробнымъ разсмотрѣніемъ самаго культа и связанныхъ съ нимъ преданій. Ср. Immerwahr Kulte u. Mythen Arkadiens I, 1 сл., E. Meyer, Forschungen I, 56 и Wide, Lakon. Kulte, 12.

[2]) Наприм., культъ А. Карнейоса или А. Аминклейскаго, связанный съ культомъ Якинѳа.

[3]) Какъ мы уже видѣли, и самое безупречное съ этимологической точки зрѣнія объясненіе можетъ быть фактически невѣрнымъ.

Digitized by Google

чительныя изъ исторически-извѣстныхъ намъ племенныхъ дѣленій греческаго народа стали складываться лишь въ микенскую эпоху, и что отличительныя особенности греческихъ діалектовъ развиваются сравнительно поздно. Обособленіе отдѣльныхъ государствъ и племенъ становится все болѣе и болѣе рѣзкимъ лишь въ послѣ-микенскій періодъ; этого мало: еще въ VII вѣкѣ, напримѣръ, самая Спарта не была тѣмъ обособленнымъ и замкнутымъ государствомъ, какимъ мы ее знаемъ въ V вѣкѣ.

Итакъ, новѣйшія изслѣдованія прошлаго Греціи объясняютъ намъ необычайную сложность и пестроту вѣрованій и культовъ, необычайное множество божествъ и мѣстныхъ демоновъ, входившихъ въ составъ греческаго политеизма. Эти же изслѣдованія помогаютъ намъ рѣшить и другую проблему этого политеизма—объяснить то относительное *единство* религіи, которое мы находимъ при всемъ множествѣ и разнообразіи мѣстныхъ культовъ и божествъ. Чѣмъ болѣе знакомимся мы съ этимъ множествомъ, тѣмъ болѣе настоятельно ставится намъ вопросъ: что же служило объединенію религіозныхъ представленій и какимъ образомъ надъ обширнымъ *пандемоніумомъ* греческихъ культовъ возвысилась опредѣленная (хотя и далеко не строго опредѣленная) аристократія боговъ, сложились общегреческіе культы? Въ историческія времена мы можемъ указать на опредѣленные политическіе и религіозные факторы—союзы, амфиктіоніи, игры, дельфійскій оракулъ, наконецъ искусство и эпосъ; но все это факторы сравнительно поздніе и нисколько не объясняющіе того относительнаго религіознаго единства греческаго народа, о которомъ свидѣтельствуетъ уже самый эпосъ.

Правда, мы отмѣтили уже, что боги Гомера являются внѣ культа и въ своей совокупности не соотвѣтствуютъ никакой опредѣленной совокупности культовъ какого-либо изъ греческихъ государствъ. И тѣмъ не менѣе его Зевсъ, Аполлонъ, Гера, Аѳина, Посидонъ, Афродита суть боги всѣхъ грековъ, которые узнавали въ нихъ своихъ боговъ. Несомнѣнно, самый эпосъ или, точнѣе, многовѣковая дѣятельность аэдовъ, созидавшихъ эпосъ, сильно способствовала объединенію представленій о богахъ: классическіе образы эпоса лежатъ въ основаніи послѣдующихъ изображеній не только поэзіи, но и пластики—самъ Фидій вдохновлялся Гомеромъ. Но вѣдь эти боги не были продуктомъ безпочвенной фантазіи или простыми поэтическими фикціями; эпосъ служилъ поэтическимъ выраженіемъ національнаго самосознанія, идеальнаго единства грековъ. Не даромъ надъ созиданіемъ эпоса трудились въ теченіе вѣковъ сперва эолійскіе, а затѣмъ іонійскіе пѣвцы, соединяя въ немъ образы, снесенные со всѣхъ концовъ Эллады—Ахилла, Ѳетиду, Ар-

Digitized by Google

гонавтовъ, Кентавровъ и Лапитовъ изъ Θессаліи, Θесея изъ Аттики и Арголиды, Трофонія, Эдипа, Зеѳа и Амфіона изъ Бэотіи, Агамемнона, Менелая, Елену, Діоскуровъ, Одиссея изъ Пелопоннеса, Идоменея и Меріона изъ Крита. Въ позднѣйшія времена, когда Грецiя дробилась на множество народностей, въ эпоху обособленія государствъ, мѣстныхъ обычаевъ, мѣстныхъ культовъ, мѣстныхъ говоровъ, такой эпосъ не могъ бы зародиться. Онъ сложился въ эпоху, когда государственныя и племенныя перегородки еще не отвердѣли и не нарушали духовнаго единства. И мы знаемъ, что это единство имѣло и реальную почву, что нѣкогда въ до-гомеровскія времена сѣверо-восточная, центральная и южная Грецiя говорила однимъ нарѣчіемъ, что самыя специфическія отличительныя особенности эолійскаго и іонійскаго нарѣчій развились лишь съ теченіемъ времени, и, по всей вѣроятности, отличіе дорійскаго или сѣверо-западнаго нарѣчія отъ древне-ѳессалійскаго (впослѣдствіи эолійскаго) тоже не было первоначально столь значительно, какъ впослѣдствіи.

Но если Грецiя микенскаго періода не знала того дробленія, которое господствуетъ и постепенно усиливается въ ней въ послѣдующія времена, если культура ея древности и «средневѣковья» представляется болѣе единообразною, чѣмъ впослѣдствіи, то все же нельзя объяснять это единообразіе культуры, претворившей въ себя столько разнородныхъ элементовъ, изъ одного этнографическаго единства грековъ. И равнымъ образомъ изъ единства греческаго народа нельзя объяснить относительное единообразіе религіозныхъ вѣрованій и представленій, имѣвшихъ, какъ мы видѣли, самое различное происхожденіе: греческій пантеонъ не былъ продуктомъ исключительно національнаго развитія, свободнымъ отъ инородныхъ вліяній. Чтобы объяснить себѣ относительное единообразіе религіи при необычайной сложности и разнородности ея элементовъ, точно такъ же, какъ и для того, чтобы понять единообразіе культуры микенскаго вѣка, мы должны допустить существованіе *сильной государственной власти, могущественную политическую и культурную гегемонію*. Такой гегемоніей обладали нѣкогда кносскіе князья, затѣмъ она перешла къ другимъ государствамъ микенскаго вѣка, къ минійскимъ и аргивскимъ князьямъ. Точно опредѣлить роль отдѣльныхъ государствъ микенскаго вѣка въ ихъ послѣдовательномъ развитіи и взаимномъ соперничествѣ мы здѣсь не беремся [1]). Но существованіе въ до-гомеровскія времена могу-

[1]) Ср. Gruppe I, 378, который между гегемоніей Крита и аргивскихъ князей помѣщаетъ еще гегемонію восточ. Бэотіи и Евбеи, затѣмъ Орхомена (минійцевъ), за-

Digitized by Google

щественной государственной власти, а можетъ быть, ряда послѣдовательныхъ политическихъ гегемоній, представлялось въ высшей степени вѣроятнымъ и правдоподобнымъ еще до послѣднихъ открытій на островѣ Критѣ. Однѣ раскопки въ Микенахъ могли показать, что цари, жившіе тамъ и похороненные въ тамошнихъ гробницахъ, обладали такимъ могуществомъ, котораго не знала позднѣйшая Грецiя и которое могло сравниться скорѣе съ могуществомъ восточныхъ владыкъ. Одна «сокровищница атридовъ», которую не даромъ сравниваютъ съ египетскими пирамидами [1]), служитъ тому достаточнымъ доказательствомъ. Еще болѣе убѣдительны новѣйшія открытія въ Критѣ, раскопки древнихъ дворцовъ въ Фэстѣ и Кноссѣ, которыя показали богатство и могущество царства Миносова; позднѣйшіе миѳы и преданія давали лишь смутное и блѣдное представленіе объ этомъ могуществѣ, о которомъ столь внушительно свидѣтельствуютъ раскопки, раскрывая намъ прошлое Греціи въ совершенно новомъ и неожиданномъ свѣтѣ.

Эти открытія объясняютъ намъ и общій ходъ развитія греческой религіи. Историческія аналогіи, точно такъ же, какъ и простое разсужденіе, убѣждаютъ насъ въ томъ, что ни одна религіозная община не можетъ начинать съ сложной политеистической системы. Начальной ступенью вѣры въ боговъ является «немногобожіе», *олиготеизмъ*, если можно такъ выразиться: религіозная община естественно начинаетъ съ того, что сосредоточиваетъ свою вѣру на одномъ изъ многихъ или на нѣсколькихъ, сравнительно немногихъ божествахъ. Сложныя политеистическія системы, особливо тѣ, которыя заключаютъ въ себѣ много иноплеменныхъ ассимилированныхъ божествъ, слагаются подъ вліяніемъ политическихъ факторовъ,—сліянія общинъ и родовъ, образованія государственнаго союза, союзовъ племенъ, федерацій, колонизаціи, завоеваній; о переселеніяхъ мы уже говорили. Такія системы прямо предполагаютъ сложное историческое и государственное развитіе, какого до послѣднихъ открытій мы все-таки не могли знать въ древней Греціи.

Правда, въ ней никогда не было ни одной единообразной системы культовъ; но даже и то относительное единство, которое позволяетъ намъ говорить о греческомъ политеизмѣ какъ о «гре-

---

тѣмъ локрійцевъ и ю. ѳессалійцевъ. Всѣ эти гегемоніи непосредственно слѣдуютъ другъ за другомъ. Древняя сѣверо-восточная Бэотія и Евбея испытали сильнѣйшее вліяніе Крита; западная Бэотія также находилась подъ вліяніемъ Крита, но вмѣстѣ и подъ вліяніемъ своихъ восточныхъ сосѣдей. Локрида и южная Ѳессалія также испытали вліяніе Крита, Евбеи, восточной Бэотіи и Орхомена.

[1]) E. Meyer, Gesch. d. Alt. II, 163.

Digitized by Google

ческой религіи»,—единство въ признаніи и почитаніи нѣкоторыхъ общихъ боговъ и культовъ различнаго происхожденія, указываетъ намъ на политическія силы, объединявшія Грецію до переселенія сѣверныхъ племенъ, — силы, несравненно болѣе могущественныя, нежели тѣ, какія изображаетъ Гомеръ или какія мы находимъ въ послѣ-гомеровскія времена. Таковы—морское владычество Крита и послѣдующія царства микенскаго вѣка, объясняющія намъ распространеніе критскихъ, аргивскихъ, минійскихъ и θессалійскихъ культовъ и миѳовъ.

Кн. С. Трубецкой.

Digitized by Google

Католическій университетъ въ Лувенѣ.

«Свобода преподаванія»—вотъ лозунгъ современнаго воинствующаго католицизма, который на ряду съ лозунгомъ «свобода ассоціацій» наиболѣе громко раздается изъ его лагеря. Время, когда къ услугамъ католической церкви по первому ея зову являлась вооруженная рука свѣтской власти и ея убѣжденіе подкрѣпляла принужденіемъ, отошло въ область безвозвратнаго прошлаго; и если еще раздается иногда изъ груди прелата церкви вздохъ о той эпохѣ, когда въ обществѣ царило нерушимое нравственное единство, когда всѣ думали одинаково, въ одномъ видѣли истину и цѣль жизни, то это вздохъ сожалѣнія о томъ, чего измѣнить нельзя. Не здѣсь лежатъ надежды католической церкви. Онѣ лежатъ въ томъ, чтобы силой свободнаго убѣжденія, неотразимостью его для разсудка и чувствъ вывести европейскія общества изъ современной анархіи и повести ихъ по пути къ единоспасающей истинѣ. Убѣдить идти къ истинѣ—но такова задача всякаго преподавателя, и чѣмъ больше преподающіе увѣрены въ обладаніи этой истиной, тѣмъ болѣе твердую почву чувствуютъ они подъ собой. Убѣжденіе и есть главная форма воздѣйствія католической церкви на современное общество.

Но гдѣ оно можетъ идти успѣшнѣе, гдѣ можно окружить вѣрующаго болѣе полнымъ, нерушимымъ моральнымъ единствомъ, какъ не въ школѣ? Прежде чѣмъ приготовлять врачеванія для болѣзней вѣка, нужно позаботиться создать организмы, на которые эти болѣзни не будутъ дѣйствовать.

Въ школьномъ вопросѣ католическая церковь стоитъ на достаточно твердой почвѣ. Она знаетъ режимъ привилегій, предоставляющій ей принудительный контроль надъ всѣмъ народнымъ образованіемъ въ странѣ, и режимъ свободной конкуренціи. Почти одновременно введены во Франціи и Бельгіи законы о свободѣ преподаванія (законъ Фаллу 1850 г., бельгійскіе законы 1842 и

Digitized by Google

1850 г.) и конкордаты, создавшіе для нея монополію въ школѣ (испанскій конкордатъ 1851 г. и австрійскій—1855 г.). Результаты первой системы оказались несравненно болѣе блестящими. Чтобы противодѣйствовать вліянію церковной школы, государству здѣсь приходится вступать въ противорѣчіе съ признанными основами общаго права, ограничивать свободу преподаванія для извѣстныхъ категорій, чуть не создавать государственную монополію. Церковь выступаетъ подъ знаменемъ свободы и несомнѣнно почерпаетъ въ этомъ знамени великую общественную силу. Дѣятельность ея здѣсь крайне широка: она охватываетъ общее и профессіональное образованіе, низшую, среднюю и высшую школы. Въ противовѣсъ свѣтской коммунальной школѣ она посылаетъ брата или сестру одной изъ своихъ многочисленныхъ обучающихъ конгрегацій. Даже во Франціи «maître laïque» не можетъ вытѣснить «frères des écoles chrétiennes», дѣятельность которыхъ признанъ и легализировалъ еще Наполеонъ. Государственному французскому лицею церковь съ успѣхомъ противопоставляетъ вольный колледжъ, пользующійся неизмѣнными симпатіями въ аристократическихъ группахъ и среди высшей буржуазіи.

Менѣе напряжена конкуренція, которая ведется въ области высшаго образованія. Если главная цѣнность низшей и средней католической школы признается въ ея воспитывающемъ дѣйствіи, то даже въ глазахъ самыхъ недовѣрчивыхъ отцовъ семейства задачи университета лежатъ прежде всего въ преподаваніи, а не въ воспитаніи. Если юноша не получилъ необходимой религіозно-нравственной тренировки въ стѣнахъ средней школы, онъ едва ли найдетъ ее и въ университетѣ.

Такова аргументація, раздѣлить которой церковь однако не можетъ. Единство католической организаціи является въ ея мысли непрочнымъ, пока оно не основано на фундаментѣ моральнаго единства вѣрующихъ. Разъ въ ихъ душѣ поднялись сомнѣнія, примирима ли путеводная роль церкви съ правами ихъ собственной мысли, въ католическое сознаніе внесенъ разладъ: искушеніе вѣрующаго можетъ кончиться пораженіемъ церкви. Du choc des opinions jaillit la vérité—церковь иногда повторяла этотъ афоризмъ, но никогда не была слишкомъ увѣрена въ его истинности. Современная наука въ цѣломъ рядѣ пунктовъ вступаетъ въ рѣшительное противорѣчіе съ католическимъ міросозерцаніемъ. Здѣсь, впрочемъ, важны даже не столько отдѣльныя теоремы и обобщенія, сколько проникающій эту науку критическій духъ. Отвергнуть права науки невозможно: она играетъ слишкомъ великую роль въ жизни современныхъ обществъ; кто хочетъ духовно имъ править, необходимо

Digitized by Google

долженъ считаться и съ ней. Чистый нейтралитетъ тоже невозможенъ, да онъ бы представлялся въ достаточной мѣрѣ подозрительнымъ: развѣ не тяготѣетъ надъ католической церковью обвиненія, что она много вѣковъ задерживала развитіе научной мысли? И оправдать свое прошлое въ этомъ дѣлѣ ей такъ же трудно, какъ оправдать свое участіе въ инквизиціи. Остается третій путь: признать въ извѣстныхъ предѣлахъ права современнаго научнаго мышленія и показать, что противорѣчія между нимъ и католическимъ міросозерцаніемъ покоятся на недоразумѣніяхъ. Наука имѣетъ свою компетенцію, но она не можетъ заполнить всего человѣческаго міросозерцанія: послѣднее не можетъ быть завершено безъ религіознаго элемента; но этотъ элементъ, поскольку онъ долженъ сохранять объективную истинность и незыблемость среди потока измѣнчивыхъ человѣческихъ сужденій и настроеній, данъ лишь въ католическомъ вѣроученіи. Эта точка зрѣнія господствуетъ въ современномъ католическомъ мірѣ: она легла въ основу организаціи высшаго католическаго преподаванія, гдѣ происходитъ подготовка не только служителей церкви, но и представителей всевозможныхъ жизненныхъ профессій и общественныхъ интересовъ. Съ однимъ учрежденіемъ подобнаго рода, безспорно съ самымъ крупнымъ опытомъ дѣятельности церкви на поприщѣ высшаго образованія, мы и имѣемъ познакомить читателя.

Несмотря на свое исключительно благопріятное положеніе между Берлиномъ, Парижемъ и Лондономъ, Брюссель не принадлежитъ къ числу первоклассныхъ центровъ туристскаго движенія. Между тѣмъ лишній день, употребленный на остановку здѣсь, окупается съ избыткомъ. Передъ туристомъ встаетъ частичка старой Бельгіи; она откроется ему въ величественной и въ то же время обаятельно легкой ратушѣ, въ тяжелой золоченой рѣзьбѣ гильдейскихъ домовъ, въ сокровищахъ фламандской живописи, среди которыхъ блистаетъ до сихъ поръ не поблекшій, полный жизни и мудрости Парацельсъ Рубенса. Не менѣе найдетъ онъ интереса въ новой Бельгіи — въ «народномъ домѣ», центрѣ бельгійскаго рабочаго движенія и кооперативной жизни, въ великолѣпномъ соціологическомъ институтѣ Сольвея и т. п. Если его утомитъ городъ, онъ можетъ съ наслажденіемъ провести нѣсколько часовъ въ неутратившемъ еще первобытной простоты Камбрскомъ лѣсу и даже черезъ него дойти до полей Ватерло, которыя и по сіе время сохраняютъ какое-то зловѣщее молчаніе и навѣваютъ чувство одиночества. Но впечатлѣнія туриста останутся несравненно ярче и пол-

Digitized by Google

нѣе, если онъ можетъ посвятить Бельгіи нѣсколько дней. Тогда онъ успѣетъ побывать и въ кипящемъ жизнью Антверпенѣ, и въ скромномъ провинціально-оживленномъ Гентѣ, и въ застывшемъ Брюгге, живущемъ лишь прошлой жизнью и такъ напоминающемъ маленькіе города Италіи. Если при этомъ у него останется хоть нѣсколько свободныхъ часовъ, онъ долженъ не забыть и Лувена—небольшого городка, лежащаго къ востоку отъ Брюсселя приблизительно на разстояніи часа ѣзды.

Почти при входѣ въ городъ ему откроется лувенская ратуша—самый идеально-чистый образецъ фламандской готики: ни одна линія, ни одна черта, несмотря на всю прихотливость, не нарушаетъ мотива, и зданіе встаетъ, какъ мажорный аккордъ изъ муниципальной жизни стараго Брабанта. Еще нѣсколько шаговъ, и онъ подходитъ къ массивнымъ строеніямъ лувенскаго католическаго университета. Въ этой части Лувенъ имѣетъ такой же «университетскій» видъ, какъ Боннъ и Оксфордъ; то же преобладаніе на улицахъ учащейся молодежи, физическое развитіе и довольство которой вѣроятно обратитъ на себя вниманіе русскихъ путешественниковъ. Но что здѣсь составляетъ особенность Лувена—это масса сутановъ, изобиліе костюмовъ католическихъ орденовъ различнаго цвѣта и покроя. Стѣны университетскихъ зданій украшены множествомъ католическихъ символовъ, но еще больше этихъ символовъ онъ найдетъ внутри университетскихъ стѣнъ, гдѣ они мирно стоятъ рядомъ съ предметами, которые въ нашемъ представленіи неразрывно ассоціировались съ научной мыслью и научными методами. Химическая лабораторія, осѣненная покровительствомъ Антонія Падуанскаго или святого Сердца—въ этомъ видѣ есть нѣчто неожиданное. Посѣтитель будетъ принятъ гостепріимно, и онъ почувствуетъ вокругъ себя атмосферу странную, но интересную, для болѣе отчетливаго опредѣленія которой стоитъ потратить время—и онъ не ошибется; лувенскій университетъ объяснитъ ему не одно его недоумѣніе не только относительно современной жизни Бельгіи, но и современной жизни Западной Европы.

Происхожденіе лувенскаго университета относится къ первой половинѣ XV вѣка. Герцогъ Брабантскій Іоаннъ IV, по словамъ источниковъ, обратилъ вниманіе на то, что нидерландское юношество принуждено искать образованія за границей, въ Парижѣ, Болоньѣ, Кельнѣ, такъ какъ на родинѣ у него нѣтъ высшаго учебнаго заведенія. Такое желаніе герцога, можетъ быть, основывалось не только на заботѣ о судьбѣ его подданныхъ: уже въ XIII в.

Digitized by Google

суверены начинаютъ видѣть въ университетахъ лучшій памятникъ своей династической славы. Герцогъ Брабантскій обратился къ папѣ Мартину V съ обычной просьбой оказать покровительство устраиваемому учрежденію. При этомъ, по настоянію папы, герцогъ долженъ былъ предоставить университету собственную юрисдикцію и другія стороны автономнаго учрежденія, чему Іоаннъ IV не особенно симпатизировалъ, хотя это и входило въ обычаи эпохи. Не лишены интереса мотивы, по которымъ остановились именно на Лувенѣ: тутъ приняли во вниманіе, если вѣрить источникамъ, и его климатъ, и плодородіе окружающихъ полей, и въ особенности мирный нравъ жителей, представляющій контрастъ съ необузданностью брюссельской молодежи.

Такимъ образомъ, университетъ былъ основанъ, и, естественно, его научная жизнь не осталась свободной отъ вліянія со стороны общаго гуманистическаго потока, проходившаго черезъ всю Европу. Эразмъ писалъ, что Лувенъ по своему научному значенію слѣдуетъ непосредственно за Парижемъ; число учащихся въ немъ достигаетъ 3000 человѣкъ и постоянно увеличивается. Однако новые пріемы габсбургскаго абсолютизма отразились крайне неблагопріятно на автономной жизни университета; особенно рѣзкія столкновенія происходили у корпораціей съ герцогомъ Альбой, на насилія котораго университетъ принесъ даже формальную жалобу Филиппу II. Испанцы вообще не стѣснялись не только нарушать юридическія привилегіи университета, но и накладывать руку на его доходы; научное же значеніе Лувена было въ значительной степени ослаблено основаніемъ университета въ освобожденномъ Лейденѣ.

Въ XVII в. совершилось постепенно преобразованіе университета; онъ теряетъ свою автономію и ставится въ строгое подчиненіе правительственной власти; впрочемъ, эта бюрократизація до извѣстной степени смягчалась муниципальными вліяніями, вообще очень сильными въ Бельгіи: назначеніе профессоровъ зависитъ отъ лувенскихъ магистратовъ, на которыхъ падала часть издержекъ по университетскому бюджету. Война за испанское наслѣдство предаетъ Лувенъ вмѣстѣ со всей Бельгіей австрійскому владычеству; новый режимъ еще болѣе, чѣмъ испанскій, стѣсняетъ университетскую самостоятельность. Особенную остроту пріобрѣлъ конфликтъ при Іосифѣ II, который хотѣлъ окончательно преобразовать университетъ въ чисто государственное учрежденіе и вытравить изъ него традиціи провинціализма. Политика Іосифа II привела, какъ извѣстно, къ брабантской революціи, въ которой приняла участіе и университетская корпорація. Она имѣла удовлетвореніе получить отъ Франца II возвращеніе стараго положенія, бывшаго до Іосифа,

Digitized by Google

но это удовлетвореніе не было продолжительно: скоро пришлось встрѣтиться съ болѣе серьезнымъ противникомъ, когда войска республиканской Франціи заняли Бельгію. Ордонансъ 1797 г. закрывалъ университетъ, преподаваніе въ коемъ, какъ было признано, противорѣчило основамъ новой республики. Французское правительство поступало такъ, какъ оно поступало со своими конгрегаціями: доходы университета были конфискованы и употреблены на опредѣленныя общеполезныя цѣли; впослѣдствіи и на Бельгію распространился режимъ государственной монополіи въ учебномъ дѣлѣ, который во Франціи ввелъ Наполеонъ.

«Счастливая перемѣна», которую такъ привѣтствовали бельгійскіе католики, освобожденные отъ наполеоновскаго владычества, отнюдь еще не означала возвращенія стараго права. Вѣнскій конгрессъ соединилъ Бельгію и Голландію; новое правительство при всей своей оффиціальной ненависти къ безбожному французскому вліянію начало управлять совсѣмъ въ духѣ наполеоновскаго деспотизма. Декретъ 1816 г. учреждалъ три государственныхъ университета—въ Лувенѣ, Гентѣ и Льежѣ; все преподаваніе здѣсь происходило подъ строгимъ наблюденіемъ власти. Государственная монополія преподаванія разсматривалась въ Бельгіи католическими элементами въ высшей степени враждебно, для нихъ это было явнымъ нарушеніемъ религіозныхъ правъ: какъ иновѣрное правительство можетъ обезпечить воспитаніе будущихъ поколѣній въ духѣ католической церкви? И здѣсь совершается знаменательный поворотъ: церковь, первоначально требовавшая исключительнаго права руководить всѣми школами, постепенно ограничиваетъ свои притязанія свободой устраивать школы по усмотрѣнію. Она научается ссылаться не на свои привилегіи, а на присущее всѣмъ гражданамъ и ихъ соединеніямъ общее право. Такую позицію она заняла особенно послѣ того, какъ правительство закономъ 1825 г. ввело такъ называемые «философскіе колледжи» для подготовки духовенства и, опасаясь ультрамонтанскаго вліянія, безусловно закрыло доступъ въ клиръ ученикамъ иностранныхъ семинарій. Во главѣ движенія, противнаго такимъ притязаніямъ государства, стоялъ Жерлашъ, членъ генеральныхъ штатовъ, который указывалъ на нейтральный въ смыслѣ доктрины и исповѣданія характеръ государства: оно, признавшее равноправность культовъ, не можетъ дѣлать обязательнымъ какое-нибудь ученіе. Эти доказательства стояли въ несомнѣнномъ противорѣчіи съ протестами тѣхъ же самыхъ бельгійскихъ католиковъ противъ религіозной свободы, которую обѣщала конституція нидерландскаго королевства, но принять ихъ заставляла сила вещей.

Digitized by Google

Другой важный результатъ заключался въ сближеніи католической и либеральной оппозиціи. Ихъ естественно объединяла гегемонія голландскаго правительства; рядомъ съ религіозной противоположностью стояла національная и политическая. Король боялся проявленія ультрамонтанскаго духа и подчинялъ школу государственному надзору, но не менѣе онъ боялся настроеній и идей либеральныхъ и якобинскихъ, тлетворнаго вліянія Франціи: свобода прессы, судъ присяжныхъ, муниципальная самостоятельность—во всемъ этомъ ему мерещились призраки революціонной Франціи. Въ результатѣ министерскій абсолютизмъ, постоянное управленіе путемъ исключительныхъ законовъ и т. п. Постепенно это давленіе государственной власти смягчило первоначальное недовѣріе либераловъ и католиковъ; обѣимъ сторонамъ казалось, что общее право, обезпеченное отъ узурпаціи со стороны государства, можетъ быть выставлено въ качествѣ политической платформы: обѣ стороны равнымъ образомъ въ ней заинтересованы. Въ эту эпоху либеральный публицистъ Поттеръ горячо убѣждалъ своихъ политическихъ единовѣрцевъ забыть устарѣвшіе предразсудки и соединить свои усилія съ католиками. Если во Франціи и прежде въ самой Бельгіи либералы не были враждебны государственной системѣ образованія, исключающей частныя школы, такъ какъ такая система спасаетъ школу отъ худшаго зла—порабощенія ея ультрамонтанствомъ, то теперь они готовы допустить здѣсь полную свободу, лишь бы не усиливать государственной власти, болѣе нетерпимой и деспотичной въ ихъ глазахъ, чѣмъ сама церковь. Такъ создался этотъ союзъ, въ высокой степени облегчившій успѣхъ бельгійской революціи 1830 г.

Цѣль сплоченья была достигнута: признано общее право; Pacte fundamental утверждалъ свободу преподаванія. Однако уже во время конгресса чувствовались признаки непрочности союза католической и либеральной оппозиціи, чувствовалось, что на почвѣ формальной свободы начнется ожесточенная борьба за то содержаніе, которое будетъ вложено въ нее.

Церковь не теряла времени, она спѣшила покрыть Бельгію сѣтью низшихъ и среднихъ школъ. Что касается до высшаго образованія, то здѣсь первоначально имѣлось въ виду лишь создать въ Лувенѣ богословскую академію. Замыслы Вандервельде, еп. гентскаго, шли дальше: онъ велъ агитацію среди бельгійскихъ епископовъ за то, чтобы на ряду съ богословскими факультетами были открыты и другіе, чтобы создалось настоящее universitas studiorum. Мысль была встрѣчена большимъ сочувствіемъ и среди бельгійскаго клира и въ Римѣ, а церковные доходы и притокъ пожертво-

Digitized by Google

ваній позволили ее осуществить. Въ 1833 г. папа Григорій XVI издалъ указъ объ основаніи католическаго университета въ Лувенѣ. Во главѣ его долженъ былъ стоять «rector magnificus», принадлежавшій къ высшему духовенству: его назначаетъ и увольняетъ корпорація бельгійскихъ епископовъ; профессора точно такъ же назначаются этой корпораціей по представленію ректора. Употреблено было все стараніе поставить новый университетъ въ возможно тѣсную связь съ высшей церковной іерархіей.

Естественно, что атмосфера въ этомъ университетѣ рѣзко отличалась отъ обычной академической; вотъ какъ ее характеризуетъ клерикальный панегиристъ лувенскаго университета. «Онъ имѣетъ свою собственную физіономію—онъ есть жизненное, сознательное доказательство единства вѣры и науки. Ректоръ Лафорэ называлъ его школой, которая учитъ и вѣрѣ, и наукѣ. «Вполнѣ со всѣмъ почтеніемъ подчиняемся мы всѣмъ предписаніямъ католической церкви; мы знаемъ, что эти предписанія, вѣрное эхо слова Божьяго, суть нерушимое выраженіе истины. Мы изслѣдуемъ, какъ и другія школы, поле знанія свободно и добросовѣстно. Почему католическая вѣра могла бы служить препятствіемъ къ свободному и полному развитію знанія? Развѣ само знаніе имѣетъ какой-нибудь другой предметъ, какъ исканіе истины во всѣхъ сторонахъ бытія? Не есть ли наше учрежденіе самое блистательное доказательство возможности, легкости союза науки и религіи? Болѣе тридцати лѣтъ, какъ мы шествуемъ по этому пути». Такъ говорилъ Лафорэ въ 1865 г. «Теперь болѣе шестидесяти пяти лѣтъ, какъ мы шествуемъ по этому пути. Возможность университета, который учитъ одновременно вѣрить и познавать, доказана теперь на дѣлѣ».

Внѣшнее положеніе въ государствѣ было пріобрѣтено лувенскимъ университетомъ не безъ борьбы. Принципъ свободы преподаванія, параллельное существованіе государственныхъ и частныхъ школъ требовали созданія испытательныхъ комиссій, не состоящихъ изъ профессоровъ государственныхъ школъ, такъ какъ лишь при этомъ условіи можно было разсчитывать на ихъ безпристрастіе, и облеченныхъ правомъ выдавать дипломы. Законъ 1835 г. учреждалъ центральную экзаменаціонную комиссію въ Брюсселѣ изъ 7 членовъ; изъ нихъ 2 выбиралось палатой, 2—сенатомъ, 3—назначалось правительствомъ; вмѣстѣ съ тѣмъ устанавливалось право всѣхъ представляться къ экзаменамъ и получать дипломъ, независимо отъ того, гдѣ и какъ кто учился. Результатъ системы однако былъ признанъ неудовлетворительнымъ: въ 1849 г. создали другую комиссію, въ которую входили поровну представители государственнаго и свободнаго преподаванія. Противъ этого порядка

Digitized by Google

возражала клерикальная партія: она требовала для своего университета того же права, которое принадлежало государственнымъ университетамъ—права свободно выдавать степени и дипломы. Законъ 1876 г. значительно ихъ удовлетворилъ: отнынѣ академическіе дипломы могли выдаваться университетомъ какъ государственнымъ, такъ и свободнымъ или центральнымъ жюри, засѣдающимъ въ Брюсселѣ; но дипломы получаютъ юридическую силу и открываютъ путь къ государственной службѣ и профессіямъ лишь въ томъ случаѣ, если они разсмотрѣны и утверждены центральной комиссіей.

Великій переломъ 1884 г. въ парламентской жизни Бельгіи далъ преобладаніе католической партіи, которое она сохраняетъ до настоящаго времени. Послѣдніе слѣды государственной монополіи были уничтожены, водворился режимъ «совершенной свободы», т.-е. фактической монополіи церковныхъ школъ. Государство было весьма щедро на всевозможныя субсидіи этимъ школамъ; въ сущности говоря онѣ были ближе ея сердцу, чѣмъ государственныя. Не удивительно, что послѣднія ограниченія, которымъ подлежала выдача дипломовъ и степеней, снимались: отнынѣ даже прикладныя школы, какъ инженерная, состоящія при университетѣ, могли выпускать учениковъ съ такими же правами, какъ и государственныя.

По мѣрѣ того, какъ отношенія между либеральной и клерикальной партіями обострялись, лувенскій университетъ все болѣе и болѣе принималъ характеръ не только ученаго учрежденія, но и партійнаго центра. Со времени конгресса либеральной партіи 1846 г. представители ея и католики стояли другъ передъ другомъ, какъ борющіяся силы. Католики тоже начинаютъ организовывать конгрессы: въ Мехельнѣ они имѣли удовлетвореніе видѣть въ своихъ рядахъ вождя французской католической партіи гр. Монталамбера, который настоятельно убѣждалъ ихъ, какъ параллельно идутъ интересы свободы и интересы католической церкви. На этомъ же конгрессѣ была признана великая политическая роль, которую можетъ сыграть лувенскій университетъ. Изъ рядовъ его преподавателей вышли люди, какъ Шоллартъ, Тониссенъ и Делкуръ—видные дѣятели въ организаціи силъ католической партіи. Плоды ихъ работы католическая Бельгія пожала въ 80-хъ годахъ. Но надо отдать справедливость лувенскому университету: какъ учрежденіе, онъ не вступалъ на путь политики воинствующаго клерикализма, дѣйствуя лишь медленнымъ закрѣпленіемъ въ умахъ учащихся католическаго міросозерцанія. Когда побѣда была выиграна и въ палатѣ депутатовъ очутилось клерикальное большинство, новое правительство не оказалось неблагодарнымъ къ университету.

Digitized by Google

По внѣшности онъ оставался свободнымъ, но ни для кого не было тайной, что власть всячески поощряла его питомцевъ, что имъ предоставлялись всевозможныя преимущества на жизненномъ общественномъ пути и т. п. Какъ подъ формой свободы въ государствѣ возрождалась гегемонія церкви, такъ и официальный государственный нейтралитетъ превращался въ привилегію. Впрочемъ, католики не выходили здѣсь за предѣлы конституціоннаго права, они выгодно отличались въ этомъ отношеніи отъ своихъ французскихъ собратьевъ съ ихъ любовью къ исключительнымъ законамъ и административному произволу. Это фактически привилегированное положеніе университета достаточно вознаграждало за отсутствіе государственныхъ стипендій (bourses) для его питомцевъ, подобныхъ тѣмъ, которыя существовали въ государственныхъ университетахъ—гентскомъ и льежскомъ.

Съ точки зрѣнія научной постановки преподаванія лувенскій университетъ представляетъ выдающійся интересъ. Прохожденіе курсовъ пріурочено къ французской системѣ съ ея licence и doctorat, но семинаріи занимаютъ мѣсто, подобное тому, какъ въ нѣмецкихъ университетахъ; самыя каѳедры многочисленны и разнообразны. При каждомъ факультетѣ есть особые спеціальные курсы, образующіе цѣльныя группы; сюда входятъ и чистыя и прикладныя науки. Церковь одинаково заинтересована въ томъ, чтобы отнять у новѣйшаго знанія враждебный католицизму характеръ, и въ томъ, чтобы профессіональная дѣятельность въ обществѣ осуществлялась добрыми католиками. Къ юридическому факультету пріурочены школы политическихъ и соціальныхъ наукъ, школа коммерческихъ знаній и спеціальная школа для подготовки нотаріусовъ. При философскомъ выдѣляется прежде всего Institut supérieur de philosophie—école de S. Thomas d'Aquin—спеціальная школа для изученія и разработки томистской философіи, основанная по личному плану Льва XIII. Послѣдній, какъ извѣстно, въ своей энцикликѣ Aeterni patris характеризовалъ философію Ѳомы Аквинтскаго, какъ истинную и католическую par excellence. Во всѣхъ католическихъ странахъ сразу схватились за это средство религіознаго возрожденія: думали такимъ образомъ нанести ударъ философскому субъективизму и феноменализму, Юму и Канту. Съ точки зрѣнія вѣрующаго католика эти направленія болѣе гибельны, чѣмъ откровенный матеріализмъ: кто сомнѣвается въ реальности внѣшняго міра, можетъ ли вѣрить въ догматъ пресуществленія? можемъ ли мы искренне признавать твореніе, какъ его признаетъ церковь? Школа томистской философіи имѣетъ цѣлый трехлѣтній курсъ. Обязательными и

Digitized by Google

основными предметами являются различныя части системы «ангелическаго доктора», затѣмъ каждый можетъ выбрать, какъ дополнительные, предметы, или физико-математическую или соціально-политическую группу. Къ философскому же факультету примыкаетъ лучшая въ Бельгіи школа восточныхъ языковъ. Естественный и медицинскій факультеты обставлены весьма богато: образцомъ этихъ учрежденій можетъ служить основанный въ 1899 г. бактеріологическій институтъ. При факультетѣ находятся агрономическій институтъ и высшая школа пивоваренія.

Но дѣятельность лувенскаго университета далеко не ограничивается курсами и практическими занятіями. Оживленная жизнь идетъ въ многочисленныхъ обществахъ, къ нему примыкающихъ, участіе въ которыхъ принимаютъ и учащіе и учащіеся. Сюда относятся литературное общество, общество фламандской литературы, общество соревнованія (d'émulation), имѣющее цѣлью развить въ учащихъ умѣніе говорить и спорить; юридическія общества, фламандское и валлонское, кружокъ для изученія соціальныхъ и экономическихъ вопросовъ, общества агрономическія (опять фламандское и валлонское) и техническое.

Но съ католической точки зрѣнія подготовка чувства и воли есть нѣчто, еще болѣе важное, чѣмъ подготовка ума. Надо воспитывать активную религіозность—не только мистическую впечатлительность въ духѣ настроеній Ѳомы Кемпійскаго, но и рѣшимость проводить въ окружающую жизнь религіозныя начала. Не случайно самой сильной стороной въ католицизмѣ XIX в. является его соціальный аспектъ. Вокругъ лувенскаго университета группируется много учрежденій католической пропаганды и общественнаго воздѣйствія: конгрегація св. Венсена де-Поля [1]), занимающаяся благотворительностью и проповѣдью—многіе студенты работаютъ въ ней; вечерняя школа для взрослыхъ, гдѣ учатъ студенты; общество св. Ѳомы Аквинтскаго, предназначенное распространять среди учащейся молодежи христіанскую нравственность и особенно цѣломудріе; конгрегація св. Дѣвы, заботящаяся особенно объ усердномъ соблюденіи обрядовъ католической церкви, устраивающая церковныя процессіи и т. п. Наконецъ, среди этихъ учрежденій слѣдуетъ упомянуть общество для подготовки католическихъ миссіонеровъ въ бельгійскомъ Конго. Оно преслѣдуетъ цѣль бороться не только съ язычествомъ, но и съ рабствомъ въ Африкѣ; къ сожалѣнію, свѣдѣнія относительно режима, которому подвергаются туземцы Конго,

[1]) Т.-е. филіальное отдѣленіе этой конгрегаціи, которая распространена по всему католическому міру.

Digitized by Google

заставляютъ нѣсколько скептически смотрѣть на результаты этой стороны его дѣятельности.

Какъ совершается это сліяніе католическаго міросозерцанія съ наукой, выработать которое ставитъ себѣ цѣлью лувенскій университетъ? Отвѣтъ на это мы можемъ отчасти найти въ многочисленныхъ отчетахъ о занятіяхъ въ семинаріяхъ, о засѣданіяхъ университетскихъ обществъ. Такъ, въ отчетѣ за 1901—1902 г. о философскомъ обществѣ мы встрѣчаемъ рефератъ доминиканца Мунинка, которой защищаетъ старое доминиканское ученье [1]) объ отношеніи вторичной причины къ своему дѣйствію и о формѣ связи между Божественной первопричиной и этой вторичной причиной. Рефератъ характеризуется словами: «double fête de l'ésprit scientifique et philosophique». Другой референтъ посвятилъ свое сообщеніе защитѣ «конечныхъ причинъ» и «специфическихъ природъ», какъ формъ бытія. Пренія по поводу реферата переносятъ насъ къ временамъ спора между реалистами и номиналистами; впрочемъ, категоріи томистской философіи остаются для сочленовъ общества путеводными руководящими нитями. Однако не надо думать, что ими исчерпывались занятія философскаго общества; мы встрѣчаемъ здѣсь также обсужденіе вопросовъ эмпирической психологіи, эстетики (напр., интересный рефератъ о будущемъ бельгійской архитектуры—возможности возрожденія въ ней «ошвальнаго» стиля).

Въ секціи соціальной философіи отчетъ сообщаетъ о рефератѣ по поводу «философіи радикализма»—естественно, рефератъ обличительнаго содержанія». «Излагая свой ученый этюдъ, нашъ другъ нашелъ достаточно сильныя и суровыя слова, чтобы заклеймить, какъ она этого заслуживаетъ, эту утилитарную мораль, столь матеріалистичную и эгоистичную, несмотря на ея теоретическій альтруизмъ. Таковой она является, когда мы посмотримъ на человѣческую судьбу, на цѣль жизни съ христіанской точки зрѣнія. Развѣ мы здѣсь живемъ исключительно для наслажденія, а не для того, чтобы посвятить, отдать себя долгу? Должна ли быть у насъ единственная забота, подобно животнымъ, бѣжать отъ всякой непріятности, тщательно взвѣшивать въ точномъ балансѣ нашего эпикупейскаго самоуслажденія наши ничтожнѣйшія удовольствія, ничтожнѣйшія страданія? Или должны мы съ мужествомъ и достоинствомъ переносить самыя тяжелыя испытанія, благословляя Провидѣніе, со-

[1]) Монашескіе ордена, какъ извѣстно, отличались не только своими моральными, но и отвлеченно-философскими воззрѣніями. Доминиканцы всегда держались ближе къ томизму, что отчасти объясняется принадлежностью Ѳомы къ этому ордену; наоборотъ, среди францисканцевъ пользовалась особымъ сочувствіемъ философія Дунса Скотуса.

Digitized by Google

здавшее въ его таинственной благости разныя страданія для разныхъ возрастовъ жизни». Рефератъ аббата Бальтазара о «соціализмѣ въ Австраліи и Новой Зеландіи» (по поводу извѣстной книги Метэна), какъ бы отмѣчаетъ и сопоставляетъ трезвую реалистическую доктрину австралійской рабочей партіи съ необузданными мечтами Вандервельде, Ансееле и другихъ представителей этой столь антипатичной для питомцевъ лувенскаго университета бельгійской партіи. Естественно, что рефератъ Поля Неута о кризисѣ марксизма доставилъ тоже живое удовольствіе присутствующимъ. «Мы съ радостью услышали, какъ данныя статистики безповоротно доказываютъ паденіе выводовъ т. наз. «научнаго соціализма». Ни желѣзный законъ заработной платы, ни законъ капиталистической концентраціи не могли выдержать провѣрки, которой ихъ подвергло время. Опытъ ихъ разсѣялъ, какъ вѣтеръ разсѣиваетъ облака, и К. Марксъ—отнынѣ лишь мертвый идолъ, съ котораго спала позолота и который на своемъ мнимомъ тронѣ терпѣливо ожидаетъ забвенія». Жгучій вопросъ о соціальныхъ послѣдствіяхъ французскаго закона 1901 г. противъ конгрегацій разсматривался аббатомъ Домономъ, который взывалъ къ слушателямъ, могущимъ, по его словамъ, облегчить участь французскихъ изгнанниковъ, переселяющихся въ Бельгію; естественно, референтъ обрисовалъ политику французскаго правительства въ самомъ отрицательномъ свѣтѣ.

Въ отчетѣ объ историческомъ семинаріи прежде всего останавливаетъ большое число работъ по исторіи догмъ и ересей. Часто здѣсь историческая критика переходитъ въ чисто-богословскую, напримѣръ, въ изслѣдованіи о томъ, «не впалъ ли св. Кириллъ, полемизируя съ несторіанами, въ противоположное заблужденіе». Въ семинаріи по средневѣковой исторіи много работъ посвящено спору за инвеституру при Генрихѣ V—примѣнительно къ исторіи бельгійскаго епископата. Это—тема, которая даже съ точки зрѣнія послѣдовательно проведеннаго католическаго міросозерцанія отошла вполнѣ въ область исторіи; однако и здѣсь вся отвѣтственность за смуты, по мнѣнію референтовъ, должна падать на «императорскую партію». Въ ихъ изложеніи выходитъ, что вормскій конкордатъ 1122 г., возстановившій «гармонію священства и имперіи» былъ результатомъ успѣха «православной» партіи. Сурово порицается «схизматическое» льежское духовенство, которое въ своемъ посланіи выступило противъ папы Пасхалиса, раздувающаго повсюду гражданскую войну. Вообще, мы всюду видимъ у референтовъ стремленіе не только объяснять и изслѣдовать, но и оцѣнивать. Торжество теократической идеи является для нихъ тѣмъ зиждущимъ началомъ

Digitized by Google

западно-европейской исторіи, которое освящаетъ ея отдѣльные процессы. Впрочемъ, отчего считать подобное пониманіе болѣе противорѣчащимъ современному научному мышленію, чѣмъ ортодоксально-протестантское или историко-націоналистическое, въ свѣтѣ которыхъ Григорій VII подлежитъ столь же суровому осужденію, какъ непокорные нѣмецкіе императоры въ глазахъ послѣдовательнаго католика.

Было бы ошибочно представлять себѣ это высшее католическое преподаваніе въ Лувенѣ, какъ исключительно и грубо тенденціозное. Многія отрасли естествознанія, по отзывамъ людей, относящихся вообще безъ всякихъ симпатій къ католическому университету, поставлены, напротивъ, довольно высоко (повидимому, особенно біологическая группа). И даже въ области наукъ гуманитарно-общественныхъ техническіе пріемы изслѣдованія признаны необходимыми орудіями научной работы, и въ преподаваніи имъ отведено видное мѣсто. Студентъ, захотѣвшій посвятить себя исторической подготовкѣ, унесетъ изъ лувенскаго университета цѣнные навыки критики источниковъ, онъ достаточно будетъ вооруженъ, чтобы самому производить научную историческую работу.

Но высшее католическое преподаваніе беретъ новые методы, такъ сказать, лишь какъ техническіе пріемы: пользованіе ими принадлежитъ лишь низшимъ областямъ человѣческаго мышленія. Это преподаваніе допускаетъ критическіе пріемы, но оно несочувственно относится къ критическому духу, какъ таковому; между тѣмъ, лишь одухотворенные этими послѣдними, частные методы получаютъ свою полную научную цѣнность. Если, такъ сказать, внѣшность научной работы сходна, то внутренніе ея мотивы у послѣдовательнаго католическаго изслѣдователя рѣзко отличаются отъ мотивовъ его свободомыслящаго собрата по области знанія. У перваго нѣтъ чувства, что научная разработка способна къ безконечному расширенію и углубленію; передъ его умственнымъ взоромъ ея поле всюду разграничено барьерами, и горизонтъ никогда не теряется изъ глаза. Его пониманіе науки по существу статическое; нѣтъ у него и стремленія оцѣнить предѣлы научной области съ высоты теоретико-познавательнаго принципа. Высшей инстанціей, опредѣляющей права познанія, является все та же католическая догма; эта послѣдняя вовсе не ставитъ себѣ границей ту непереходимую демаркаціонную линію, которую критическій анализъ проводитъ между наукой и религіей.

Такъ, уже въ силу этой догмы вѣрующій католикъ обязанъ отвергнуть кантовское ученье о времени и пространствѣ и эволюціонную теорію. Реставрація Ѳомы Аквинтскаго и есть попытка

Digitized by Google

философски оправдать эту догму, но такое философское оправданіе невольно превращается само въ часть догмы.

Вся сила современной научной работы лежитъ въ неограниченномъ правѣ свободнаго критическаго изслѣдованія, правѣ не руководиться апріорными принципами тамъ, гдѣ возможно опытное доказательство или умозаключеніе изъ него, правѣ скептицизма. Такого права безъ оговорокъ не допускаетъ католическое міросозерцаніе, не допущено оно и въ Лувенѣ. И это совершенно понятно: такое допущеніе представляло бы рѣшительную психологическую невозможность. Сознаніе, что обладаешь абсолютной истиной, относительно которой невозможны никакія сомнѣнія, отнимаетъ стимулъ постояннаго исканія, и нѣтъ ничего менѣе католическаго, чѣмъ извѣстный афоризмъ Лессинга объ истинѣ и стремленіи къ ней. Вотъ почему, несмотря на блестящія матеріальныя условія, несмотря на высокое качество преподаванія отдѣльныхъ отраслей наукъ, лувенскій университетъ не разрѣшаетъ поставленной ему задачи: онъ не соединяетъ католицизма и науки, онъ даетъ людямъ, стоящимъ на незыблемо-католической почвѣ, извѣстные научные ресурсы; они представляютъ въ жизненной борьбѣ полную необходимость. Другой вопросъ: не являются ли и они разлагающимъ моментомъ для цѣльнаго католическаго міросозерцанія? Удержится ли долго барьеръ, отдѣляющій область, предоставленную свободному изслѣдованію вѣрующаго и область, гдѣ господствуетъ догматическая обязательность? Этотъ барьеръ не оставался неподвижнымъ, и сама католическая церковь, принимая различныя научныя истины, раньше ею отвергаемыя, допускала молчаливо его перемѣщеніе. Современная наука можетъ ли быть мыслима внѣ признанія свободы критическаго изслѣдованія? Эти вопросы часто поднимаются для католическаго сознанія, и обыкновенно ближайшимъ рѣшеніемъ бываетъ отсрочка всякаго рѣшенія, извѣстное перемиріе науки и церкви. Въ предѣлахъ естественнаго предвидѣнія трудно ожидать, что это перемиріе станетъ миромъ,—пока и современная наука, и современная католическая церковь останутся тѣмъ, чѣмъ онѣ по существу и духу есть. Рѣшеніе вопроса требуетъ не частныхъ уступокъ, а пересмотра устоевъ міросозерцанія.

Іезуитскій колледжъ воспиталъ Вольтера, конгрегаціонная школа—Габріэля Тарда. Сколько «апостатовъ» вышло изъ лувенскаго университета? Ни одна статистика не дастъ намъ отвѣта на этотъ вопросъ. Мы можемъ сказать только одно: общественное мнѣніе католической Бельгіи пока довольно результатами преподаванія въ

Digitized by Google

лувенскомъ университетѣ: онъ въ ея глазахъ оправдалъ возлагавшіяся на него надежды и сдѣланныя затраты. Это сочувствіе даетъ всю ту духовную поддержку (не говоря о матеріальной), которая является незамѣнимой для «свободной школы» и которая открываетъ ей возможность такъ часто побѣждать бюрократическую государственную школу. Можно сказать, что лувенскій университетъ не заставилъ католиковъ отказаться отъ ихъ лозунга—свободы преподаванія, а напротивъ, утвердилъ его въ ихъ глазахъ, какъ и въ глазахъ ихъ противниковъ утвердилъ ихъ увѣренность, что «свобода преподаванія» еще отнюдь не означаетъ «свободнаго преподаванія». Трудно однако оспаривать, что безъ перваго почти невозможно второе. Католицизму не разъ, помимо своей воли, въ извѣстномъ противорѣчіи со своими принципами приходилось защищать начала свободы. Онъ дѣлалъ это въ интересахъ полновластія церкви, даже въ цѣляхъ подавленія чуждаго ему духовнаго строя, и все-таки его борьба содѣйствовала современному отдѣленію сферъ церкви и государству,—отдѣленію, которое съ принципіально-католической точки зрѣнія является совершенно неправильнымъ. Нужды нѣтъ, что начала свободы преподаванія во Франціи и Бельгіи пока пошли только на пользу католицизму, что въ этихъ странахъ «свободная школа» стала синонимомъ школы, которой руководитъ конгрегація. Двусмысленность лозунга не подрываетъ значенія великаго высказаннаго въ немъ принципа, который такъ легко забывается въ пылу современной борьбы воинствующей церкви и «свѣтскаго духа» (esprit laïque).

С. Котляревскій.

Digitized by Google

В. С. Печеринъ.

(*Продолженіе*) [1]).

VI.

Печеринъ оставилъ Россію въ іюлѣ 1836 г.; отнынѣ наши свѣдѣнія о немъ чрезвычайно скудны. Въ декабрѣ того же года Чижовъ—одинъ изъ его ближайшихъ друзей по Петербургу—получилъ отъ него письмо изъ Лугано: не открывая своихъ намѣреній, Печеринъ «заклиналъ» прислать ему 500, въ крайнемъ случаѣ хоть 200 руб. Вспоминая его рѣчи за послѣднее время, друзья догадывались, что онъ рѣшилъ навсегда покинуть Россію; въ отвѣтъ на его письмо четверо изъ нихъ (Чижовъ, Гебгардтъ, Полѣновъ и Никитенко) послали ему 400 руб., по 100 руб. съ каждаго, для возвращенія въ Россію [2]) Какъ мы уже знаемъ, онъ не послѣдовалъ зову друзей: въ мартѣ слѣдующаго, 1837-го, года уже изъ Брюсселя онъ пишетъ приведенное выше письмо къ графу Строгонову, гдѣ ясно намекаетъ на свое рѣшеніе не возвращаться, и—очевидно, нѣсколько дней спустя—уже категорически сообщаетъ объ этомъ Чижову, прибавляя, что не создавъ для того, чтобы учить греческому языку, что чувствуетъ въ себѣ призваніе идти за своей звѣздой, а эта звѣзда ведетъ его въ Парижъ [3]). Въ ноябрѣ онъ уже опять былъ въ Швейцаріи, именно въ Цюрихѣ, гдѣ къ новому году долженъ былъ получить гражданство [4]). Натурализовавшись здѣсь, онъ, можно думать, прожилъ въ Швейцаріи два ближайшихъ года; по крайней мѣрѣ, въ августѣ 1839 года Погодинъ, знавшій его въ Москвѣ, напалъ на его слѣдъ въ Бернѣ, гдѣ Печеринъ, по его словамъ, незадолго до того содержалъ ка-

---

[1]) „Научное Слово“, 1904 г.

[2]) Никитенко, *Дневникъ* I, стр. 376—377, подъ 23 дек. 1836 г.

[3]) Ibid. 386, подъ 3 апрѣля 1837 г.

[4]) Проф. Е. Бобровъ, *Литер. и просвѣщ.* I, стр. 150 (изъ письма Грановскаго къ В. В. Григорьеву). Здѣсь же см. и дальнѣйшія указанія.

Digitized by Google

кую-то библіотечку; Погодинъ искалъ его по всей Европѣ, думая склонить къ возвращенію. Все это время Печеринъ вѣроятно очень бѣдствовалъ. Средствъ у него не было никакихъ; уже въ письмѣ къ Строгонову онъ писалъ, что обрекъ себя на безпріютную жизнь, нерѣдко грозящую голодной смертью; о томъ же свидѣтельствуютъ такіе факты, какъ заемъ у друзей и содержаніе библіотечки въ Бернѣ. Онъ перебивался, повидимому, главнымъ образомъ уроками, и притомъ нищенскими—за полфранка, какъ сообщаетъ Чижовъ [1]), а одно время, въ 1838 или 1839 году, если вѣрить слуху, который передаетъ въ своихъ воспоминаніяхъ Буслаевъ, жилъ учителемъ или гувернеромъ въ какой-то русской или иностранной семьѣ.

15 октября 1840 года по новому стилю, послѣ четырехлѣтняго скитанія по Европѣ, Печеринъ въ Saint-Trond, въ Бельгіи, вступилъ въ монашескій орденъ редемптористовъ, конечно незадолго передъ тѣмъ принявъ католичество.

VII.

Намъ предстоитъ нелегкая психологическая задача—понять поступокъ Печерина, кажущійся на видъ чудовищнымъ и дикимъ. Какъ, проживъ до 33 лѣтъ въ полномъ равнодушіи ко всякой вѣрѣ, человѣкъ съ европейскимъ образованіемъ, богато одаренный для науки и поэзіи, съ отрочества проникнутый ненавистью ко всякому деспотизму,—какъ могъ онъ, во-первыхъ, съ жаромъ вдругъ предаться церкви и, во-вторыхъ, добровольно наложить на себя ярмо самой страшной тираніи, абсолютнѣе которой не существовало въ его время,—ярмо католическаго монашества? Не только мы,—и современники, знавшіе Печерина лично или по наслышкѣ, какъ Никитенко и Герценъ, были несказанно поражены, узнавъ, что онъ сталъ католическимъ монахомъ.

Изъ этого поступка прежде всего необходимо выдѣлить тотъ моментъ, который по самому существу своему не поддается объясненію: это—фактъ пробужденія въ Печеринѣ религіознаго чувства. Искреннее обращеніе невѣрующаго къ вѣрѣ всегда есть тайна и чудо, и часто оно совершается въ душѣ человѣка, какъ чудо же, мгновенно. Такъ было и съ Печеринымъ. Катковъ однажды въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» (1863 г.) къ слову разсказалъ исторію его обращенія, и разсказъ этотъ, судя по совершенной точности остальныхъ свѣдѣній о Печеринѣ, заключающихся въ немъ [2]), за-

---

[1]) *Русск. Стар.* 1899 г. XI, стр. 367.

[2]) Напр., о профессорствѣ Печерина, о его дѣятельности въ 60-хъ годахъ и пр.

Digitized by Google

служиваетъ полнаго довѣрія. Катковъ передаетъ, что обращеніе Печерина произошло въ Брюсселѣ подъ вліяніемъ одного случая, который глубоко его потрясъ. Будучи человѣкомъ безусловно невѣрующимъ, онъ однажды вошелъ въ католическую церковь, чтобы посмѣяться и покощунствовать, и затѣялъ богословскій споръ съ монахомъ-редемптористомъ; но монахъ разбилъ его доводы, поразилъ его несокрушимой твердостью своего убѣжденія и сумѣлъ пробудить въ молодомъ вольнодумцѣ религіозное чувство; результатомъ былъ переходъ Печерина въ католичество и вступленіе его въ орденъ редемптористовъ [1]). Таковъ внѣшній видъ чуда, случившагося съ Печеринымъ, и въ *эту* тайну мы не должны пытаться проникнуть.

Но если цвѣтокъ вѣры расцвѣтаетъ тайно, то почва, на которой онъ расцвѣтаетъ, доступна изученію. Какъ бы внезапенъ ни былъ переломъ, какой совершился въ Печеринѣ, онъ немыслимъ безъ извѣстной психической подготовки: нѣтъ сомнѣнія, что онъ явился лишь заключительнымъ актомъ нѣкотораго постепеннаго перерожденія душевныхъ силъ. Наша обязанность — прослѣдить этотъ процессъ перерожденія, представляющій собою—какъ всякій сложный душевный процесъ—нерасчленимую смѣсь элементовъ безсознательныхъ и сознательныхъ.

Три основныя черты характеризуютъ міровоззрѣніе Печерина въ тотъ моментъ, когда онъ рѣшилъ навсегда оставить Россію, и это суть: во-первыхъ, страстная мечта о возрожденіи человѣчества для новой, свободной, прекрасной жизни и фанатическая ненависть ко всякому деспотизму, какъ главной помѣхѣ къ осуществленію этого идеала; во-вторыхъ, проистекающая отсюда глубокая ненависть къ Россіи, и въ третьихъ, непоколебимая вѣра въ свое высокое предназначеніе, которая при такомъ направленіи ума превращалась въ увѣренность, что ему, Печерину, суждено сыграть руководящую роль въ великой борьбѣ, что именно онъ введетъ народы въ царство свободы и красоты. Всѣ эти три черты явственно выступаютъ уже въ приведенномъ выше письмѣ Печерина къ Строгонову. Еще болѣе ясное выраженіе нашли онѣ въ поэмѣ Печерина «Торжество смерти», написанной вѣроятно въ 1837 году [2]).

[1]) Повидимому, на этотъ случай намекаетъ и Огаревъ, говоря объ обращеніи Печерина: „*внѣшнее чудо* столкнуло его живого въ гробъ“ (предисловіе къ сборнику русск. запрещенныхъ стихотв., стр. LXXVIII).

[2]) Напечатана въ упомянутомъ выше сборникѣ Огарева, стр. 308 — 331. Самъ Огаревъ относитъ ее къ 1837 или 1838 г., что вѣроятно и справедливо: указаніе нѣкоторыхъ рукописей, будто поэма написана „для февракьскаго праздника 1834 г.“, приходится отвергнуть уже потому, что въ то время, т.-е. въ началѣ заграничной командировки, настроеніе Печерина несомнѣнно не было такимъ, какое проникаетъ

Digitized by Google

Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ возможности ни привести ее здѣсь, ни даже изложить подробно; скажемъ лишь, что эта аллегорическая поэма, обнаруживающая мѣстами сильный поэтическій талантъ, въ первой части изображаетъ «разрушеніе древней столицы»—столицы «Поликрата Самосскаго»: мстя за столѣтнія обиды, Немезида велитъ морскимъ волнамъ затопить твердыню тиранiи, и столица исчезаетъ подъ водою при хорѣ народовъ, славословящихъ Немезиду; ее привѣтствуютъ между прочимъ и «пять померкшихъ звѣздъ»... Вторая часть представляетъ апоѳеозъ смерти: хоръ юныхъ народовъ поетъ гимнъ ей, какъ богу свободы, движенья, вѣчнаго преображенья, а на «древнихъ развалинахъ» стоитъ поэтъ, поющій свою предсмертную пѣснь; онъ поетъ о томъ, что «вся жизнь его—одно желанье, несбывшійся надежды сонъ», что въ его груди давно рдѣетъ свѣтлая заря Россіи; его кровь смоетъ ея грѣхи, его смерть—залогъ ея обновленія; онъ умираетъ, но въ урочный день, «въ день славы», онъ прольется на Россію благодатной силой...

По этой бѣдной передачѣ читатель, конечно, не сумѣетъ оцѣнить того пламеннаго чувства, которымъ проникнута поэма Печерина: жгучую боль за попранныя свободу и достоинство человѣка, сладострастіе мести, упоеніе собственной мукой. Въ итогѣ поэма выражаетъ вполнѣ опредѣленную мысль и столь же опредѣленное чувство: Печеринъ твердо вѣритъ, что деспотизмъ въ мірѣ долженъ рухнуть и уступить мѣсто свободѣ; Россія осуждена безповоротно; свой долгъ въ отношеніи къ ней поэтъ видитъ въ томъ, чтобы содѣйствовать торжеству общечеловѣческой идеи: только этимъ путемъ онъ можетъ ускорить и обновленіе своей родины. Какова она сейчасъ—она должна сгинуть вся: вмѣстѣ съ Поликратомъ тонетъ, хотя и проклиная его, весь народъ. Вотъ четверостишіе, подлинникъ котораго, относящійся, безъ сомнѣнія, къ этому же времени, мы нашли среди бумагъ Печерина:

Какъ сладостно отчизну ненавидѣть!
И жадно ждать ея уничтоженья!
И въ разрушеніи отчизны видѣть
Всемірнаго денницу возрожденья!

поэму. Притомъ, въ подстрочномъ примѣчаніи къ послѣдней Печеринъ говоритъ, что приводимую имъ здѣсь легенду о графинѣ Турнъ ему разсказывалъ содержатель гостинницы въ Тешенѣ; но, уѣхавъ изъ Петербурга въ іюлѣ 1833 года, Печеринъ никакъ не могъ совершить поѣздки по Богеміи ранѣе лѣта слѣдующаго или даже 1835 года. Проф. Бобровъ (*Литер. и просвѣщ.* IV, стр. 289) справедливо указываетъ, что въ основаніи печеринской поэмы лежитъ довольно распространенное въ 30-хъ годахъ предсказаніе, что Петербургъ будетъ когда-нибудь поглощенъ моремъ; укажемъ, что въ томъ же сборникѣ Огарева помѣщено анонимное стихотвореніе на эту тему—„Подводный городъ“, стр. 224—226.

Digitized by Google

Въ этихъ словахъ — резюме «Торжества смерти» и цѣлое міровоззрѣніе. Что долженъ былъ пережить человѣкъ, чтобы быть въ состояніи написать такіе страшные четыре стиха! и что должно было пережить поколѣніе, изъ котораго онъ вышелъ! Въ этихъ строкахъ лежитъ ключъ къ пониманію Чаадаева и цѣлой полосы нашего умственнаго развитія.

Тридцать лѣтъ спустя Печеринъ, обманутый кругомъ и уже не монахъ, а просто католическій священникъ, тихо жилъ въ Дублинѣ при больницѣ, утѣшая страждущихъ, напутствуя умирающихъ и наполняя свой досугъ чтеніемъ, изученіемъ арабскаго языка, копированіемъ еврейской Библіи. Тогда снова вернулась къ нему муза, подруга его юношескихъ лѣтъ; въ этихъ немногихъ стихотвореніяхъ онъ говоритъ все только о себѣ — о себѣ и о «незримой красотѣ», служенію которой была посвящена его жизнь, — и въ одномъ изъ нихъ онъ самъ разсказалъ, какіе замыслы одушевляли его въ то время, когда онъ рѣшалъ навсегда разстаться съ Россіей. Это стихотвореніе озаглавлено: «Иронія судьбы», и помѣчено: Miltown park, 29-го сентября 1868 г. [1]). Онъ говоритъ здѣсь о томъ, что мечты его гордой юности расплылись, какъ дымъ. Можетъ быть, родина чего-то ждала отъ него: вѣдь надъ его головой сіяла утренняя звѣзда; но его день затмила черная туча. И онъ продолжаетъ такъ:

Чья жъ вина? Вина ль Россіи?
Кто же станетъ мать винить!
Не хотѣлъ я гордой выи
Передъ матерью склонить!
Нѣтъ! средь праздная покоя
Я не могъ евнухомъ жить:
Мнѣ хотѣлось подъ грозою
Новый слѣдъ себѣ пробить.
„Вотъ онъ, рыцарь благородный!
Несравненный Донъ-Кихотъ!
Онъ поэтъ! онъ вождь народный!
Онъ отечество спасетъ!
„Всѣ вѣнцы ему готовы
И науки, и любви.
О гряди жъ! и жизнью новой
Ветхій міръ нашъ обнови!“

[1]) Въ 1885 году въ библіотеку моск. университета чрезъ русскаго генер. консула въ Лондонѣ неизвѣстно отъ кого поступило нѣсколько ящиковъ съ книгами В. С. Печерина. Вмѣстѣ съ книгами получена была и папка, въ которой оказалось нѣсколько рукописныхъ, доселѣ не напечатанныхъ стихотвореній Печерина и разныя другія бумаги, о которыхъ рѣчь будетъ ниже. За любезное сообщеніе этихъ цѣнныхъ матеріаловъ приношу глубокую благодарность г. библіотекарю моск. университета Д. Д. Языкову.

Digitized by Google

Мефистофель громкимъ смѣхомъ
Оглашаетъ сводъ небесъ:
„Рыцарь! вѣрь своимъ доспѣхамъ!
Время настаетъ чудесъ!
„Видишь? исполинъ ужасный!
Отъ него избавь ты свѣтъ!
Зазвучитъ изъ устъ прекрасныхъ
Сладостный тебѣ привѣтъ.
„Узниковъ разбей оковы,
Правду всюду воцари,
Твердою рукой основы
Новыхъ царствій положи!
„Ветхая система міра
Ужъ отъ дряхлости падетъ;
Вспрянь, поэтъ, и твоя лира
Новый міръ для насъ найдетъ!“

Это — не поэтическая гипербола; мы видѣли, то же самое онъ писалъ Строгонову, извѣщая его о своемъ рѣшеніи остаться за границей: имъ владѣетъ слѣпое, непоколебимое, фанатическое убѣжденіе (онъ не писалъ—какое, но мы знаемъ это), и онъ носитъ въ сердцѣ глубокое предчувствіе своей великой судьбы; настало время чудесъ, и чудо свершится чрезъ него — тому залогъ сѣмена великихъ идей, брошенныя Провидѣніемъ въ его душу.

Эти великія идеи дѣйствительно были лучезарны и возвышенны. Ихъ исходной точкой была торжественная вѣра въ человѣка, въ его божественную красоту и высокое призваніе. Въ мірѣ есть одно достойное вниманія, и это человѣкъ. Когда Печерину приходится говорить объ археологіи, онъ не въ силахъ сдержать своего лиризма. Открывать въ вещественныхъ остаткахъ древности слѣды древнихъ идей— вотъ важная задача археологіи, вотъ благородная цѣль, къ которой она стремится. «Мы по какому-то невольному, непобѣдимому влеченію углубляемся въ эти темныя времена отдаленной древности: эти изслѣдованія имѣютъ для насъ особенную прелесть—почему? потому что на каждомъ шагу мы встрѣчаемъ то, что всего болѣе насъ занимаетъ — человѣка. И сіе благородное стремленіе не есть тщеславное себялюбіе, нѣтъ! это похвальная гордость ума, который жадно ищетъ самого себя въ остаткахъ угасшихъ поколѣній и вездѣ, гдѣ только возможно ихъ проявленіе; который хочетъ возсоздать свои собственныя лѣтописи и доказать, что онъ постоянно пребылъ вѣренъ себѣ самому и божеству, наложившему на него печать своего величія» [1]). Эти слова о божественной печати на челѣ

[1]) Энциклопедич. словарь Плюшара, т. III, Спб. 1835 (ценз. пом. 1 дек. 1835 г.), стр. 251—255, ст. *Археологія* за подписью: В. С. Печеринъ.

Digitized by Google

человѣка Печеринъ повторяетъ спустя два года въ письмѣ къ Строгонову. Никакая красота въ мірѣ не можетъ насытить его души, кромѣ красоты человѣка, достойнаго этого имени; когда въ Неаполѣ Солнце, указывая ему на царственную красу волнъ, призываетъ его воспѣть величіе естества, поэтъ отвѣчаетъ:

Океанъ блеститъ отъ вѣка
Тою же красой:
Скучно! дай мнѣ человѣка
Съ бурною душой [1])!

На этой почвѣ сложилась жизненная мечта Печерина: это была мечта объ осуществленіи потенціальной красоты человѣка, о водвореніи на землѣ царства разума, справедливости, радости и изящества,—та самая мечта о «гармоніи», которая во всѣ времена жгла сердце художниковъ и учителей человѣчества, то неутолимое «желаніе лучшаго міра», о которомъ, вслѣдъ за Шиллеромъ, пѣлъ Печеринъ уже въ юношескіе годы. Мы видѣли, что изъ этой всеобъемлющей идеи въ умѣ Печерина рано выдѣлилась и стала на первое мѣсто болѣе узкая и болѣе опредѣленная мечта—объ освобожденіи человѣчества отъ деспотизма; но она никогда не застила ему того юношескаго идеала. Выходя на подвигъ, онъ собирался не только разбить оковы узниковъ, но и воцарить всюду правду, и еще много лѣтъ спустя онъ упорно свидѣтельствовалъ: «За *небесныя* мечтанія я земную жизнь отдалъ...»

VIII.

Съ такими-то мыслями и стремленіями явился Печеринъ въ западную Европу. Мы, post factum, заранѣе видимъ, что онъ былъ вдвойнѣ обреченъ року за свое двойное безуміе: онъ вѣрилъ, что чудо близко и что оно свершится чрезъ него. Можетъ быть, онъ и самъ въ глубинѣ души предвидѣлъ это, и все-таки онъ пошелъ туда, куда посылалъ его «грозный голосъ его Бога», съ полнымъ сознаніемъ отрекшись отъ всего, за что такъ цѣпко держатся люди: отъ обезпеченнаго куска хлѣба, опредѣленнаго общественнаго положенія, родины, родныхъ и друзей. Его отецъ и мать были

---

[1]) *Отрывки изъ путешествій доктора Фуссгэнгера*, *Моск. Набл.* 1835 г., ч. V, стр. 362. Эта статья, подписанная инніаломъ *П...*, несомнѣнно принадлежитъ перу Печерина: въ нее вставлены два стихотв., несомнѣнно принадлежащія ему, именно 1) пѣсня о графинѣ Турнъ, перенесенная имъ потомъ въ „Торжество смерти“, и 2) „Римскіе вечера на Monte Pincio“, подлинную рукопись котораго мы нашли среди бумагъ Печерина.

Digitized by Google

живы (они на много лѣтъ пережили и его переходъ въ католичество), а онъ былъ единственный сынъ.

Онъ кажется намъ безумцемъ со своими двумя вѣрами; но въ ту эпоху на Западѣ было много такихъ, какъ онъ. Это было удивительное время. Раціоналистическая философія XVIII вѣка разрушила всѣ старыя вѣрованія и объявила абсурдомъ всякое метафизическое исканіе; но потребность обобщающаго принципа не могла быть истреблена въ людяхъ, и когда разсѣялся угаръ великой революціи, мыслящая часть общества увидѣла себя въ пустынѣ безъ вожатая. Глубокая меланхолія овладѣла первыми поколѣніями XIX вѣка; они задыхались въ атмосферѣ матеріалистическихъ абстракцій, лишенныхъ объединяющаго начала и отрицавшихъ права сердца; «что дѣлать и что любить среди непостоянства принциповъ»— этотъ вопросъ терзалъ лучшіе умы. И вотъ постепенно обнаруживается глубокая реакція противъ философіи просвѣщенія—противъ критики въ пользу догмата, противъ сенсуализма въ пользу идеализма: приблизительно съ 1820 года европейскимъ обществомъ овладѣваетъ страстная жажда цѣльнаго идеалистическаго міровоззрѣнія. А съ этимъ теченіемъ, взаимно оплодотворяя другъ друга, слилось другое: обусловленное естественнымъ ходомъ соціально-экономическаго развитія возникновеніе соціальнаго вопроса. Эти два теченія и опредѣлили характеръ эпохи: она стала эпохою вѣры и утопій. Что для насъ особенно важно отмѣтить, это—ея глубоко-идеалистическое направленіе. То была заря европейскаго соціализма, и здѣсь, въ своей первой стадіи, онъ выступалъ въ неразрывной связи съ высшими проблемами человѣческаго духа, — черта, уже совершенно чуждая научно-практическому соціализму Прудона, Лассаля и Маркса. Таковъ былъ духъ времени; вспомнимъ, что въ эту эпоху даже чисто-политическія движенія выступали подъ религіознымъ знаменемъ,—вспомнимъ Маццини и «молодую Италію» съ ихъ лозунгомъ: «Богъ и народъ».

Исторія не знаетъ другого періода, когда въ столь короткій промежутокъ времени было бы создано такое большое количество столь универсальныхъ и столь догматическихъ ученій и когда бы эти ученія воспринимались съ большимъ энтузіазмомъ и болѣе слѣпой вѣрою. Оуэномъ въ Англіи и Сенъ-Симономъ во Франціи начинается длинный рядъ великихъ и малыхъ идеологовъ, изъ которыхъ каждый выступалъ съ законченной системой, содержавшей категорическіе отвѣты на всѣ жгучіе вопросы — отъ религіозныхъ до экономическихъ, и всѣ они имѣли задачей исцѣлить язвы человѣчества, всѣ были твердо увѣрены, что наступилъ часъ, когда рай долженъ водвориться на землѣ. И такъ сильны были въ обществѣ

Digitized by Google

потребность вѣры и чувство уродливости соціальнаго строя, что, какъ бы наивна ни была утопія — она находила фанатическихъ сторонниковъ, энтузіазмъ которыхъ намъ кажется часто дикимъ и непонятнымъ, какъ бредъ умалишеннаго.

Печеринъ попалъ за границу въ самый разгаръ этой идейной оргіи. Нѣсколько хронологическихъ указаній могутъ дать представленіе о характерѣ пятилѣтія 1836—1839 гг. Въ 1832 году распалась сенъ-симоновская школа; на смѣну ей явился фурьеризмъ; въ 1836 году его апостолъ, Консидеранъ, издалъ свою «Destinée sociale», и въ этомъ же году начала выходить «La Phalange»; въ 1838 году вышелъ «Essai sur l'Egalité» Пьера Леру, въ 1840 году выйдетъ книга Кабэ, уже давно проповѣдовавшаго свои «икарійскія» идеи. Въ это же самое время энергично возобновляютъ свою дѣятельность коммунисты, широкой пропагандой возбуждающіе возстаніе 1839 года, и въ лицѣ Луи Блана впервые формулируетъ свои требованія соціализмъ, вскорѣ находящій себѣ болѣе мощнаго глашатая въ Прудонѣ (Qu'est-ce que la Propriété—1840 г.). Всюду—и не въ одной только Франціи—сотни явныхъ и тайныхъ обществъ готовились приступить къ немедленному осуществленію каждое своего евангелія; безчисленные журналы, брошюры, летучіе листки съ пламеннымъ энтузіазмомъ пропагандировали идеи соціальнаго обновленія, и тысячи, можетъ быть десятки тысячъ людей въ экстазѣ протягивали руки навстрѣчу восходящему солнцу всемірнаго равенства, свободы, благоденствія. И всѣ эти реформаторы и ихъ послѣдователи были твердо убѣждены въ своей трезвости, въ совершенной практичности и осуществимости своихъ утопій: Фурье до самой смерти (1837 г.) ежедневно въ полдень ждалъ въ своей квартирѣ милліонера, который далъ бы ему средства для осуществленія его системы; Кабэ ѣдетъ въ Иллинойсъ устраивать икарійскую республику, фурьеристы создаютъ фаланстеръ въ Техасѣ и т. п.

На этомъ фонѣ Печеринъ перестаетъ казаться безумцемъ, какимъ онъ непремѣнно долженъ былъ представляться своимъ русскимъ знакомымъ — Погодину или Никитенкѣ. Здѣсь такихъ, какъ онъ, было много,—вѣрившихъ, что настало время чудесъ.

На первыхъ порахъ это должно было окрылить его. Въ этой атмосферѣ, насыщенной утопическими идеями, его вѣра въ близкое обновленіе жизни должна была превратиться въ увѣренность: то, о чемъ онъ только мечталъ, здѣсь на всѣхъ перекресткахъ провозглашалось умнѣйшими, талантливѣйшими, лучшими людьми, какъ историческій законъ, какъ неизбѣжная, безусловно осуществимая формула, и онъ воочію могъ видѣть, какъ люди переходятъ отъ мечтаній къ дѣлу, въ подробностяхъ обсуждаютъ планъ новой веси

Digitized by Google

и то тамъ, то сямъ подъ руководствомъ все обдумавшихъ зодчихъ уже приступаютъ къ ея созиданію.

Естественно, что онъ долженъ былъ примкнуть къ одной изъ группъ, занятыхъ этимъ дѣломъ, ибо какъ иначе могъ онъ надѣяться увидѣть исполненной свою мечту о лучшемъ мірѣ—онъ, бѣдный, одинокій и неизвѣстный? Мы видѣли, «его звѣзда вела его въ Парижъ», въ главную лабораторію утопическихъ плановъ и предпріятій, а И. С. Аксаковъ прямо говоритъ, что по отъѣздѣ за границу Печеринъ вначалѣ «увлекся крайними теоріями европейскихъ революціонеровъ» [1]); но мы должны были бы съ увѣренностью предположить это и безъ прямыхъ свидѣтельствъ.

Къ какой группѣ (или, что вѣроятнѣе, къ какимъ группамъ поперемѣнно) примкнулъ Печеринъ, какую роль игралъ онъ здѣсь и какіе горькіе уроки вынесъ изъ этого опыта,—намъ ничего неизвѣстно. Но наиболѣе существенные итоги нетрудно вывести a priori; это—прежде всего разочарованіе въ скорой осуществимости идеала и сознаніе, что осуществить его тѣми средствами, къ какимъ прибѣгали утописты, невозможно: громада оказывалась слишкомъ косной, чтобы можно было передвинуть ее къ высшей цѣли бытія пламенными воззваніями, устройствомъ фаланстера или даже революціей. Сюда присоединялось еще, быть можетъ, разочарованіе въ самихъ учителяхъ и апостолахъ обновленія, въ тѣхъ людяхъ, съ которыми онъ думалъ заодно потрудиться во славу своего Бога; ихъ слабость, суетность, склонность къ патетической фразѣ и мѣстничеству должны были глубоко оскорбить его,—не даромъ онъ подъ старость такъ презиралъ французскій характеръ. Этого мало: обманута была еще другая мечта Печерина, и эта рана жгла, можетъ быть, всего больнѣе. Онъ явился на Западъ съ непоколебимой вѣрой въ свое исключительное призваніе: это *онъ* долженъ былъ указать народамъ путь къ всемірному счастію, и его ждала безсмертная слава въ вѣкахъ. Прошли четыре года—что же онъ видѣлъ теперь, оглядываясь на пройденный путь? Онъ не только не обновилъ міра и тѣмъ терялъ права на безсмертіе, но онъ видѣлъ вокругъ себя немалое число людей, въ такой же мѣрѣ, какъ онъ, считавшихъ себя исключительно избранными на дѣло обновленія жизни, такъ что оказывалось, что одни не желаютъ признать его пророкомъ потому, что равнодушны ко всякимъ вообще великимъ идеямъ, другіе потому, что сами, подобно ему, чувствуютъ въ себѣ сѣмена великихъ идей, сознаютъ себя пророками.

Положительный Чижовъ, посѣтившій Печерина въ монастырѣ

---

[1]) *День* 1865 г., № 29.

Digitized by Google

редемптористовъ въ августѣ 1842 года, такъ съ его словъ, но въ отвратительномъ ироническомъ тонѣ изображалъ итогъ его четырехлѣтней заграничной жизни до момента обращенія въ католичество [1]): «Обстоятельства и самолюбіе воспитали въ немъ страсть къ дѣятельности. За нею онъ бросался всюду, и не справляясь съ своими силами, поднимая на плечи тяжести, налагаемыя не убѣжденіемъ, а безпредѣльно высокимъ понятіемъ о себѣ и низкимъ— о людяхъ, онъ падалъ подъ ними на каждомъ шагу. Разумѣется, по общему порядку вещей, вездѣ виноваты были люди, одни за то, что при его появленіи не подняли знамя свободы и не провозгласили его своимъ диктаторомъ, другіе за то, что при первомъ его словѣ не сдѣлали его представителемъ европейской учености и не разослали объявленія по всему міру, какъ о Пикѣ Мирандолійскомъ, а преспокойно заставили учить за ½ франка, и то снисходя къ его бѣдности. Сквернавцы люди цѣнятъ только то, что приноситъ имъ существенную, нравственную или физическую пользу, и не вѣрятъ на слово».

И вотъ онъ стоялъ среди чуждой ему жизни, какъ прежде нищій, неизвѣстный и одинокій, и уже безъ тѣхъ надеждъ, которыя одушевляли его въ минуту разставанія съ Россіей. При обычныхъ условіяхъ ему оставался теперь одинъ выходъ: явно или за ширмой науки примириться съ существующимъ строемъ жизни, какъ это сдѣлало большинство его сверстниковъ на Западѣ. Но мечта о «новомъ мірѣ»—мы увидимъ это дальше—продолжала упорно владѣть имъ; онъ вынесъ ее невредимой изъ кораблекрушенія всѣхъ надеждъ и теперь, какъ раньше, могъ жить только въ непрестанной борьбѣ за ея осуществленіе. Всѣ испробованныя оружія оказались непригодными для борьбы; въ эту минуту его окликнула католическая церковь и протянула ему на побѣду *свое* оружіе—крестъ.

IX.

Тридцатые годы были эпохой блестящаго возрожденія католической церкви на Западѣ, внѣшняго и внутренняго. Этому возрожденію способствовали разнообразныя причины, но главною было то настроеніе умовъ, о которомъ мы говорили выше: та самая волна, которая выбросила на поверхность такое большое количество соціальныхъ утопій, подняла на небывалую высоту и старый католицизмъ. Люди алкали вѣры, притомъ такой, которая обѣщала

[1]) Письмо къ Никитенкѣ отъ 29 авг. 1842 г., *Русск. Стар.* 1899, XI, стр. 367.

Digitized by Google

бы обновленіе жизни: развѣ не таково ученіе Христа? А вмѣстѣ съ тѣмъ и самый католицизмъ обновился въ духѣ времени: съ одной стороны, онъ перешагнулъ пропасть, отдѣлявшую его отъ образованнаго общества, во всеуслышаніе заявивъ страстный интересъ къ наиболѣе жизненнымъ вопросамъ, какіе волновали это общество, и взявъ подъ свою защиту многія изъ его наиболѣе прогрессивныхъ требованій; онъ протягивалъ руку наукѣ, онъ требовалъ свободы совѣсти, слова, ассоціацій и преподаванія, наконецъ въ лицѣ Ламеннэ онъ освящалъ соціализмъ, и о чемъ бы онъ ни говорилъ, его языкъ былъ свѣтскій и просвѣщенный, чуждый обскурантизма и схоластики. Съ другой стороны, онъ заявлялъ притязаніе уже не только на руководство одной, спеціальной областью личной и общественной жизни: онъ властно требовалъ подчиненія себѣ всей соціальной жизни съ ея жгучими вопросами и противорѣчіями, потому что только онъ изъ своего незыблемаго, божественнаго принципа въ состояніи рѣшить эти вопросы и тѣмъ спасти человѣчество отъ конечной гибели.

Именно это притязаніе, опиравшееся на авторитетъ Христа и на тысячелѣтнее славное прошлое католицизма, составляло главную силу католической пропаганды; именно оно привело тогда въ церковь столько искреннихъ и образованныхъ людей и собирало сливки парижскаго общества въ двѣ и три тысячи человѣкъ на проповѣди Лакордера, Равиньона и Дюпанлу. Умный и просвѣщенный наблюдатель, Брольи, такъ объяснялъ поразительный успѣхъ проповѣдей, которыя читалъ Лакордеръ въ 1835 году въ Nôtre-Dame: «Французы пользовались полною свободой и полнымъ покоемъ, а (между тѣмъ) чувствовалась тревога за собственные интересы, воображеніе было болѣзненно настроено. Благородные инстинкты, стремленія къ безконечности, отъ которыхъ не можетъ освободиться ни одна человѣческая душа, не знали, на что опереться при разложеніи общественныхъ вѣрованій. Именно эти чувства привлекали къ подножію каѳедры, съ которой говорилъ Лакордеръ, бо̀льшую часть приходившихъ его слушать и поднимавшихъ на него свои глаза съ смутной надеждой облегченія. Этотъ священникъ былъ сынъ новаго вѣка, и онъ по общему впечатлѣнію еще любилъ этотъ вѣкъ. Онъ раздѣлялъ иллюзіи времени, пойметъ ли онъ его страданія? Сумѣетъ ли онъ назвать, сумѣетъ ли онъ излѣчить неизвѣстное зло? Лакордеръ думалъ, что онъ можетъ, и хотѣлъ сдѣлать попытку; въ этомъ была сила и привлекательность его проповѣдей. Въ его глазахъ болѣзнь имѣла свое имя и свою причину, которую онъ опредѣлялъ въ двухъ словахъ: старое общество погибло, такъ какъ оно изгнало Бога; новое страдаетъ, такъ какъ Богъ не-

Digitized by Google

достаточно вошелъ въ него. Средство одно—ввести Бога въ это новое общество» [1]).

Этотъ самый Лакордеръ, ставшій однимъ изъ столповъ правовѣрнаго католицизма, въ молодости былъ адвокатомъ и держался тогда вполнѣ раціоналистическихъ идей; позднѣе онъ самъ свидѣтельствовалъ, что былъ приведенъ къ вѣрѣ своими общественными убѣжденіями: онъ созналъ, что только христіанская религія можетъ привести общество къ совершенству. Драгоцѣнное для насъ показаніе: вотъ мостъ, которымъ католицизмъ соединялся съ соціальными утопіями эпохи, по которому прошли въ церковь Бюшэ и столько другихъ провозвѣстниковъ соціальнаго обновленія. Церковь у выхода встрѣчала каждаго отчаявшагося мечтателя и говорила ему: твоя *мечта* о лучшемъ мірѣ—мое *дѣло;* ты убѣдился, что человѣческими средствами ее осуществить невозможно, я же обладаю небеснымъ оружіемъ; войди и попробуй! И они входили толпами, такъ что, напримѣръ, о сен-симонизмѣ Свѣчина справедливо могла сказать, что онъ сталъ какъ бы резервуаромъ, откуда Господь беретъ своихъ избранниковъ.

Чтобы представить наглядную картину того душевнаго процесса, который превращалъ утописта въ вѣрующаго католика, я разскажу вкратцѣ исторію обращенія основателя духовнаго ордена ресуррекціонистовъ, Богдана Яньскаго [2]).

На два года старше Печерина, питомецъ варшавскаго университета, онъ въ 1827 году, подобно Печерину, былъ посланъ за границу для приготовленія къ университетской каѳедрѣ. Въ Парижѣ онъ познакомился съ сен-симонизмомъ, отдался ему со страстью и быстро занялъ видное мѣсто въ сен-симонистской іерархіи, такъ что въ 1830 году былъ отправленъ съ важнымъ порученіемъ въ Англію—для переговоровъ съ Р. Оуэномъ. Онъ былъ въ это время человѣкомъ безусловно невѣрующимъ.

Въ Лондонѣ созрѣло въ немъ рѣшеніе отдать свою жизнь дѣлу обновленія міра. «Миръ прошлому,—писалъ онъ въ дневникѣ,—покидаю васъ навсегда, мои прежнія мечты, кумиры моей минувшей молодости. Не для меня ученые титулы и слава на родинѣ, не для меня веселье въ кругу гулякъ, поцѣлуй блудницы, свѣтскія забавы, приманки роскоши. Мертвые храмы людей уже слишкомъ тѣсны для меня. Хочу жить въ святилищѣ великаго Бога, и въ

---

[1]) Цитир. по: С. А. Котляревскій, *Ламеннэ*. М. 1904, стр. 364.

[2]) Его біографія и обширныя выдержки изъ дневника и писемъ—въ *Historya zgromadzenia Zmartwychwstania Pánskiego* Павла Смоликовскаго, т. I, Краковъ, 1892. Года два назадъ краткую біографію Яньскаго далъ проф. А. А. Кочубинскій въ своихъ матеріалахъ для біографіи Гоголя въ *Вѣстн. Евр.*

Digitized by Google

него, въ этотъ всеобъемлющій храмъ, я долженъ призвать все человѣчество». Онъ съ юныхъ лѣтъ считалъ себя избранникомъ и твердо вѣрилъ въ свою исключительную миссію и свое могущественное вліяніе на людей.

Тотчасъ затѣмъ его мысль принимаетъ слѣдующее направленіе (передаю приблизительно слова его дневника): я ношу въ себѣ великое единство, полное познаніе котораго осчастливитъ родъ человѣческій; человѣчество страдаетъ, оно ждетъ отъ меня спасенія, значитъ всѣ мои помыслы должны быть обращены на это дѣло, я долженъ быть силенъ и полонъ энергіи. Откуда же во мнѣ эти припадки слабости и апатіи, это мятеніе духа и разладъ между дѣломъ и сознаніемъ? Развѣ недостаточно простого обращенія мыслью къ моему Богу, Богу будущаго, одного воспоминанія о моей миссіи, чтобы успокоить мой духъ, упорядочить и осмыслить мою жизнь? Мой первый долгъ—внести единство и гармонію въ мою ежедневную жизнь, такъ, чтобы каждое мое чувство, каждая мысль и поступокъ являлись точной манифестаціей моего органическаго чувства. Я долженъ искоренить всѣ злыя наклонности и предразсудки, порожденные во мнѣ моимъ прошлымъ, долженъ страшиться мыслей и дѣйствій, не проникнутыхъ моей вѣрою, долженъ быть въ каждую минуту весь живой, весь религіозный.

Но какъ трудна была эта задача! Яньскій дѣлаетъ героическія усилія, многократно заранѣе опредѣляетъ свое поведеніе на нѣсколько дней впередъ, и каждый разъ потомъ съ отчаяніемъ убѣждается, что уже въ тотъ самый день суетностью, равнодушіемъ или какимъ-нибудь другимъ «антирелигіознымъ» актомъ погрѣшилъ противъ своего Бога. Эта безпрестанная смѣна подъемовъ и паденій, экстаза и безнадежности изнуряетъ его до крайней степени.

Въ такомъ состояніи онъ въ началѣ 1831 года возвращается въ Парижъ, въ сен-симонистскую «фамилію». Съ братьями сенсимонистами онъ не говоритъ о своихъ мукахъ: «Неслыханныя страданія! и ни передъ кѣмъ я не могу открыть своего сердца!» Въ это время разыгривалось польское возстаніе, и его печальный исходъ вызвалъ переворотъ въ Яньскомъ: онъ упрекаетъ себя за равнодушіе къ родинѣ и рѣшаетъ обратиться къ дѣятельности между поляками-эмигрантами. Всѣ его помыслы по-прежнему принадлежатъ человѣчеству, которое ему предназначено ввести въ храмъ великаго Бога, но онъ рѣшаетъ, что, дѣйствуя на родной почвѣ, среди поляковъ, онъ быстрѣе приблизится къ цѣли. А на первомъ планѣ—все та же мысль о собственномъ исправленіи, о полномъ сліяніи со своимъ Богомъ.

Онъ выходитъ изъ сен-симонистской фамиліи, гдѣ какъ разъ

Digitized by Google

въ это время совершался знаменитый расколъ; свое состояніе въ этотъ періодъ онъ опредѣляетъ словами: безсиліе, граничащее съ моральной смертью. «Расколъ между вождями сен-симонизма,— пишетъ онъ въ концѣ 1832 г., — окончательно показалъ мнѣ всю суетность моихъ убѣжденій и вмѣстѣ повергъ меня въ неописуемую слабость и апатію. Мнѣ казалось, что всякая увѣренность, всякая сила, всякая воля совершенно отняты у меня. Уже годъ, какъ я пересталъ быть сен-симонистомъ, а я еще едва могу собрать мысли и найти въ себѣ достаточно силъ, чтобы имѣть отвагу жить снова».

Онъ давно былъ близокъ съ Мицкевичемъ, вмѣстѣ съ которымъ издавалъ *Пилигрима*, и чрезъ него съ Монталамберомъ и Лакордеромъ; подъ ихъ вліяніемъ онъ начинаетъ теперь склоняться къ католицизму, читаетъ Ламеннэ, Жербэ, Рорбашера и мечтаетъ о какомъ-то новомъ христіанствѣ, о сліяніи стараго католицизма съ соціальной утопіей. Онъ созналъ, что только любовь можетъ обновить міръ: любовь не заблуждается; любовь живетъ вѣрой и свободой, а человѣкъ—любовью къ Богу и ближнему; надъ вѣрой и свободой не властны никакія превратности. Въ августѣ 1832 года онъ пишетъ въ дневникѣ: «Много въ умѣ доводовъ за обращеніе къ католицизму; съ его развитіемъ придетъ свобода. Долгія размышленія и колебанія. Возвращаюсь мыслью къ моей теоріи, родственной идеямъ отчасти Ламеннэ, отчасти Бюшэ, отчасти Леру. Почему же не оставляетъ меня смятеніе? Потому что я не знаю, что долженъ дѣлать, что нѣтъ».

Еще цѣлыхъ два года продолжались эти колебанія; онъ то снова поддавался вліянію прежнихъ единомышленниковъ, то готовъ былъ сдаться на увѣщанія Мицкевича, но убѣжденія не было. Такъ какъ онъ не былъ замѣшанъ въ возстаніи, то правительство продолжало звать его въ Варшаву, предлагая ему выгодныя мѣста; но онъ рѣшилъ не возвращаться въ Польшу, пока она не будетъ свободна. Все время онъ терпѣлъ крайнюю нужду, живя уроками языковъ, которые зналъ хорошо. Мысль о собственномъ несовершенствѣ по-прежнему терзала его больше всего, и постепенно для него выясняется основная причина его безсилія. Въ февралѣ 1834 г. онъ пишетъ: «Почему моя жизнь до сихъ поръ представляетъ собою рядъ заблужденій, преступленій и слабостей, приводящихъ къ немощи и ничтожеству? Потому что не было отреченія отъ себя ради стремленія къ правдѣ, къ благу другихъ и совершенству. Это пришло мнѣ на мысль вчера, при чтеніи Сенъ-Мартена. Благодареніе Богу, благодареніе честному Сенъ-Мартену. Я всегда имѣлъ въ виду мнѣніе людей, собственную славу и возвышеніе между ними, словомъ—собственную утѣху. Вотъ два года, какъ я ношусь

Digitized by Google

съ мыслью написать что-нибудь полезное для моихъ соотечественниковъ. Ахъ, чувствую великую потребность въ апостольствѣ истины. Тщетные замыслы! Безумный, я хотѣлъ изъ себя породить нѣчто доброе, когда нѣтъ ничего добраго во мнѣ. Боже, дай мнѣ любви и силы, чтобы мнѣ расчесться съ моей совѣстью, искоренить въ себѣ зло и оживить добро, дай мнѣ ощущать Тебя во мнѣ». Онъ благодаритъ Бога за мысль, осѣнившую его теперь, что любовь къ ближнему безъ любви къ Богу тщетна и опасна, ибо можетъ приводить ко злу; онъ созналъ, что всѣ средства, основанныя на разумѣ, безсильны обновить міръ: спасти Польшу, спасти человѣчество возможно только чрезъ религію, чрезъ духовное очищеніе и исправленіе жизни любовью; и онъ ставитъ себѣ цѣлью—сперва въ себѣ самомъ убить ветхаго человѣка, искоренить духъ гордыни и тѣлесности и къ тому же всѣми силами склонять людей. А того и другого всего легче было достигнуть чрезъ церковь: 11 января 1835 года Яньскій подъ вліяніемъ настойчивыхъ увѣщаній Мицкевича въ первый разъ пріобщился св. Таинъ.

Яньскій былъ только однимъ изъ многихъ. Ту же эволюцію продѣлалъ его ближайшій потомъ сотрудникъ по католической пропагандѣ среди польской эмиграціи, Петръ Семененко. Послѣ участія въ возстаніи 1830 года онъ во Франціи примкнулъ къ крайней польской революціонной партіи, писалъ зажигательныя «карбонарскія» статьи и во французскихъ радикальныхъ органахъ и преслѣдуемый французской полиціей, терпя крайнюю нужду, два года скитался изъ дома въ домъ. Его неукротимая страстность и большое вліяніе, которое онъ успѣлъ пріобрѣсти, навлекли на него непріязнь и зависть со стороны товарищей-поляковъ; все это вмѣстѣ сломило гордый умъ, и въ томъ же 1835 году Яньскому удалось склонить его къ обращенію. Въ открытомъ письмѣ, съ которымъ Семененко послѣ первой исповѣди обратился къ товарищамъ, онъ писалъ: «Друзья мои, особенно тѣ, съ которыми я шелъ рука объ руку, вѣрьте мнѣ, нѣтъ свѣта на пути, вами избранномъ! Вы ищете человѣческаго счастія, какъ же вы сможете нащупать его во тьмѣ? Придите, придите къ источнику свѣта: онъ силенъ и васъ всѣхъ просвѣтитъ; придите къ источнику любви—онъ обиленъ и насытитъ васъ всѣхъ» [1]). Таковъ былъ и Іосифъ Губе, сверстникъ Яньскаго, профессоръ римскаго права въ варшавскомъ университетѣ, также переброшенный возстаніемъ во Францію; и онъ былъ равнодушенъ къ дѣламъ вѣры, и онъ увѣровалъ въ 1836 году, послѣ того какъ однажды, войдя случайно въ церковь, услышалъ

[1]) Ibid., стр. 65.

Digitized by Google

слова проповѣдника: «Что пользы тебѣ пріобрѣсти весь міръ, если погубишь душу свою?» [1]) Число такихъ примѣровъ легко было бы умножить, но, думается, довольно и этихъ.

X.

Подобно Яньскому, Семененкѣ и Губе, и нашъ Печеринъ предался церкви не потому, чтобы охладѣлъ къ своей мечтѣ о возрожденіи человѣчества, но именно въ надеждѣ *здѣсь* найти вѣрныя средства для достиженія этой цѣли. Что такова была мысль Печерина, этому порукой его собственное признаніе. Вотъ стихотвореніе «Мечта юноши», написанное имъ въ Дублинѣ 10 октября 1864 года и сохранившееся въ рукописи среди его бумагъ:

Снова слышу—голосъ милый
Пѣснь знакомую поетъ,
И, какъ Лазарь, изъ могилы
Тѣнь минувшаго встаетъ.
Прояснися, прояснися,
Сумракъ раннихъ дѣтскихъ дней,
Изъ-за тучи улыбнися,
Солнце юности моей.
Послѣ долгихъ треволненій
Вижу снова брегъ родной,
И толпа святыхъ видѣній
Вновь мелькаетъ предо мной [2]).
Чудная звѣзда свѣтила
Мнѣ сквозь утренній туманъ;
Смѣло я поднялъ вѣтрило
И пустился въ океанъ.
Солнце въ море погружалось,
Вслѣдъ за солнцемъ я летѣлъ:
Тамъ надеждъ моихъ, казалось,
Былъ таинственный предѣлъ.
„Западъ! западъ величавый!
Западъ золотомъ горитъ!
Тамъ вѣнки віются славы!
Доблесть, правда тамъ блеститъ!

---

[1]) Ibid., стр. 107.

[2]) Въ черновой рукописи:

И встаютъ святыя тѣни,
И манятъ меня рукой.

За этой строфой въ черновой рук. слѣдовало:

Ахъ! не воскресить былого!
Мать моя во гробѣ спитъ;
Но вокругъ чела святого
Лучъ безсмертія горитъ.

Digitized by Google

„Мракъ и свѣтъ, какъ исполины,
Тамъ ведутъ кровавый бой:
Дремлютъ и твои судьбины
Въ этой битвѣ роковой.
„Въ бронѣ вѣры, воинъ смѣлый,
Адамантовымъ щитомъ
Отразишь ты вражьи стрѣлы,
Слова поразишь мечомъ.
„Вотъ блеститъ хоругвь свободы—
И князья бѣгутъ, бѣгутъ;
И при звукѣ трубъ народы
Пѣснь побѣдную поютъ.
„Пали древнія оковы!
Кончилась навѣкъ война!
Узами любви Христовой
Заковались племена!
„Нынѣ правдой озарится
Нашъ Ерусалимъ святой,
Вѣчнымъ бракомъ съединится
Небо съ новою землей.
„Духовъ тьмы исчезнетъ сила
И взойдетъ на небеса
Трисіянное свѣтило—
Доблесть, истина, краса!“

Вотъ о чемъ мечталъ онъ: стать въ ряды воиновъ Христа; и развѣ его идеалъ не былъ тотъ же, который выраженъ въ Евангеліи? А церковь представилась ему воинствомъ, ратующимъ за осуществленіе этого идеала; быть можетъ, она представлялась ему теперь, послѣ его печальнаго опыта въ революціонныхъ кружкахъ и послѣ наблюденій надъ политическимъ бытомъ родины, да и всей Европы, даже вообще *единственной въ мірѣ могучей организаціей духовныхъ силъ противъ столькихъ организованныхъ твердынь матеріальной силы.* И такой естественно могла казаться ему въ особенности католическая церковь съ ея властною требовательностью въ отношеніи свѣтской власти и съ безусловной законченностью ея догматовъ.

А главный соблазнъ заключался въ *бронѣ* вѣры, въ ея *адамантовомъ* щитѣ. Показанія Богдана Яньскаго драгоцѣнны для насъ тѣмъ, что они вскрываютъ внутреннюю, интимную сторону этого душевнаго процесса. Здѣсь повторялась старая исторія: идеалъ, имѣющій своимъ объектомъ міръ, обязываетъ лично, притомъ въ точной мѣрѣ своей возвышенности, и отъ этого кредитора человѣку некуда бѣжать. Эти люди, твердо вѣрившіе, что въ ихъ сознаніи зачато будущее человѣчества, сами были дѣтьми прошлаго, косность котораго они были не властны вытравить изъ своихъ

Digitized by Google

нервъ и мускуловъ. Наступала минута, когда этотъ разладъ доходилъ до сознанія, когда человѣкъ долженъ былъ спросить себя: я владѣю едино-спасающей истиной, отчего же нѣтъ во мнѣ покоя и радости? И этотъ вопросъ естественно связывался съ ничтожностью достигнутыхъ вовнѣ результатовъ. Тогда начинался тотъ мучительный и глубоко-обидный самоанализъ, типическій образчикъ котораго мы видѣли у Яньскаго. Стремленіе доставить торжество своей идеѣ, страстная жажда душевнаго покоя и необходимость сдѣлать самого себя достойнымъ уваженія въ собственныхъ глазахъ—все это сбивалось въ одинъ клубокъ и все въ концѣ концовъ заострялось въ одно чувство—въ потребность самоочищенія: убить въ себѣ ветхаго человѣка, достигнуть того, чтобы каждое свое чувство, каждая мысль и дѣйствіе были, какъ выражался Яньскій, точной манифестаціей моей вѣры. А это значило отречься отъ своей воли; надо было поставить себя въ такое положеніе, гдѣ бы собственная личность была безвозвратно закрѣпощена единой идеѣ, надо было смириться передъ послѣдней до полнаго самозабвенія, до уничиженія. Теперь главнымъ грѣхомъ представлялась та своекорыстная гордыня въ стремленіи къ истинѣ, которая донынѣ являлась основнымъ стимуломъ; я старался воздвигнуть храмъ не ради Бога, а ради славы моего имени, и я смѣлъ думать, что достаточно силенъ для этого,—вотъ мой тяжкій грѣхъ и причина моей неудачи.

Такъ думалъ Яньскій—такъ думалъ и Печеринъ. На увѣщанія друзей расторгнуть цѣпи, которыми опуталъ его хитрый католицизмъ, онъ отвѣчалъ: «Я принесъ въ жертву Богу самое дорогое свое сокровище—волю» [1]); когда Чижовъ посѣтилъ его въ монастырѣ, онъ упрекалъ его и другихъ своихъ товарищей за то, что они потворствовали его самолюбію, внушая ему слишкомъ высокое мнѣніе о его дарованіяхъ [2]). Тотъ же Чижовъ, навѣстивъ Печерина въ монастырѣ черезъ годъ, такъ спустя два дня описывалъ его положеніе въ письмѣ къ Никитенкѣ, прибавляя, что все это ему разсказывалъ самъ Печеринъ, разумѣется въ другомъ освѣщеніи [3]): «Монахи поняли его превосходно; они говорятъ ему: не думай найти здѣсь отдыхъ; каждая минута наша посвящена на служеніе Богу; онъ предписываетъ намъ пути дѣятельности, и каждый шагъ нашъ есть шагъ человѣчества.—Ему только того и надобно. Но, говорятъ они, испыталъ ли ты себя, достанетъ ли у тебя силъ

[1]) И. С. Аксаковъ—*День* 1865 г. № 29.

[2]) Изъ письма Чижова къ Никитенкѣ, Никит. I, стр. 422 (8 окт. 1841 г.).

[3]) *Рус. Стар.* 1899, XI, стр. 367.

Digitized by Google

исполнить высокое назначеніе. И вотъ пища самолюбію и надменности. Испытай себя, тебѣ годъ на испытаніе. Оно состоитъ въ безусловной покорности души и тѣла; каждую недѣлю долженъ ты отдавать отчетъ и въ твоихъ дѣйствіяхъ, и въ твоихъ помышленіяхъ; всегда неожиданно одинъ изъ братіи имѣетъ право спросить тебя о твоихъ мысляхъ и чувствахъ. Къ этому присоедините строгое веденіе и наблюденіе въ пищѣ, питіи и всѣхъ мелочахъ жизни. Конечно, уму его дано обширное поприще науки, именно его лингвистикѣ; лишь только онъ вздумаетъ зайти далѣе, монахъ улыбнется и говоритъ, этого мы не ожидаемъ, нѣтъ, для нашего высокаго назначенія мало дѣтскихъ силъ человѣческихъ. Чувствамъ дана полная свобода. *Волъ ни одного шагу, ни полшагу, а онъ только того и желалъ*».

Да, онъ нашелъ здѣсь, чего искалъ; а искалъ онъ не новой правды, а только новой и, какъ ему казалось, наиболѣе дѣйствительной *формы служенія* своему старому идеалу, и эта форма заключалась въ самоотреченіи. Онъ возложилъ на свои плечи тяжелый крестъ католическаго монашества и пошелъ, въ надеждѣ, что этимъ крестомъ ему будетъ всего легче поражать духовъ тьмы. Оправдалась ли жертва? или самое бремя оказалось такъ тяжко, что на несеніе его ушли всѣ силы и уже ничего не осталось на борьбу?

XI.

Очевидно, что простой переходъ въ католичество не имѣлъ бы смысла для Печерина: подобно Яньскому и другимъ искреннимъ и страстнымъ мечтателямъ, онъ долженъ былъ сразу стать въ ряды активнаго воинства Христова, т.-е. той группы вѣрующихъ, гдѣ служеніе Богу въ обоихъ смыслахъ—личной чистоты и воздѣйствія на міръ—являлось исключительнымъ занятіемъ человѣка и вмѣстѣ дѣломъ организаціи. Онъ и сталъ монахомъ ордена проповѣдниковъ.

Орденъ редемптористовъ или лигворійцевъ (Congregatio sanctissimi nostri Redemptoris, т. е. конгрегація Искупителя), куда вступилъ Печеринъ, былъ основанъ въ 1732 г. Альфонсомъ де Лигвори, жизнь котораго историки католической церкви характеризуютъ тремя чертами: чрезвычайной строгостью личнаго аскетизма, пламеннымъ усердіемъ къ просвѣщенію свѣтомъ Евангелія низшихъ слоевъ населенія и усердной пропагандой догматовъ непорочнаго зачатія и папской непогрѣшимости [1]). Эти же три черты характеризуютъ и

[1]) См., напр., ст. Zöckler'a въ Realencykl. f. prot. Theologie und Kirche Herzog'a, 3 изд. 1902, Heft 107—108.

Digitized by Google

основанный имъ орденъ, цѣлью котораго является прежде всего систематическое миссіонерство на мѣстѣ; по безусловной ортодоксальности онъ не уступаетъ іезуитскому ордену, а по суровости аскетическаго режима далеко превосходитъ его. Въ первоначальномъ лигворіанскомъ уставѣ самообузданіе и «мортификація» были доведены до крайнихъ предѣловъ: монахамъ предписывалось спать на соломѣ, питаться лишь черствымъ хлѣбомъ, плодами и сильно паперченной похлебкой и вкушать пищу колѣнопреклоненно, трижды въ день совершать богослуженіе, ночью покидать ложе для молитвы, трижды въ недѣлю бичевать себя и проповѣдовать только среди бѣднѣйшаго люда и подонковъ общества; позднѣе эти предписанія, правда, были смягчены, но незначительно. По уставу, по формѣ одежды и ультра-ортодоксальному характеру этотъ донынѣ процвѣтающій орденъ [1]) настолько сходенъ съ іезуитскимъ, что ихъ многократно смѣшиваютъ; подобно іезуитамъ, редемптористъ, сверхъ трехъ обычныхъ монашескихъ обѣтовъ—бѣдности, цѣломудрія и послушанія—даетъ еще и четвертый, въ силу котораго онъ можетъ принять какое-либо духовное званіе внѣ ордена или вовсе выступить изъ ордена не иначе, какъ съ разрѣшенія папы. Но по направленію своей дѣятельности оба ордена значительно разнятся между собою: въ то время какъ вниманіе іезуитовъ направлено преимущественно на высокую постановку научно-и учебно-богословскаго дѣла и на пропаганду среди наиболѣе вліятельныхъ слоевъ общества, дѣятельность редемптористовъ носитъ рѣзко выраженный *практическій* и *демократическій* характеръ. Враждебные редемптористамъ протестантскіе богословы донынѣ цитируютъ замѣчаніе одного современника св. Альфонса де Лигвори: «другія миссіонерства осаждаютъ, онъ беретъ штурмомъ»; это достаточно опредѣляетъ характеръ редемптористской проповѣди, разсчитанной на чувство, стремящейся убѣдить не доводами и цитатами, а гипнозомъ страстнаго убѣжденія, которое одушевляетъ самого проповѣдника. Что Печеринъ вступилъ именно въ этотъ, а не въ другой какой-нибудь монашескій орденъ, это могло быть до извѣстной степени случайностью; но несомнѣнно, что условія, которыя онъ встрѣтилъ здѣсь, какъ нельзя болѣе соотвѣтствовали его требованіямъ.

И онъ надолго нашелъ здѣсь миръ и удовлетвореніе. Всѣ, кто въ это время зналъ его или могъ слышать о немъ—Чижовъ, Катковъ, Аксаковъ,—свидѣтельствуютъ, что онъ съ жаромъ отдался своему новому призванію; а въ 1842 году Чижовъ нашелъ, что онъ очень и очень доволенъ своимъ положеніемъ. Но тотъ же Чи-

[1]) Онъ насчитываетъ сейчасъ до 150 монастырей во всѣхъ частяхъ свѣта, ibid. 501.

Digitized by Google

жовъ съ негодованіемъ отзывался о нравственномъ упадкѣ, въ которомъ засталъ Печерина: «онъ принялъ не только идеи своего званія, но и всѣ предразсудки его» [1]); Печеринъ «не христіански» говорилъ, когда разговоръ касался образованности Россіи и формъ православной вѣры, хотя и сходился съ Чижовымъ въ религіозныхъ понятіяхъ [2]).

Надѣвъ рясу 15 октября 1840 года въ монастырѣ Saint-Trond, Печеринъ здѣсь же прошелъ монашескій искусъ и здѣсь же годъ спустя, 26 сентября 1841 г., принялъ постриженіе; на слѣдующій день онъ прибылъ въ редемптористскій монастырь въ Wittem (Голландія) [3])—зачѣмъ, мы не знаемъ. Отсюда опять спустя годъ, 16 октября 1842 года, онъ отправился въ Льежъ для полученія богословской подготовки (pour faire ses études dogmatiques), и здѣсь же 10 сентября 1843 года былъ рукоположенъ во священники тирскимъ архіепископомъ монсиньоромъ д'Аржанто. Спустя два дня, 12 сентября, онъ прибылъ обратно въ Виттемъ, гдѣ провелъ затѣмъ опять ровно годъ, состоя преподавателемъ въ миссіонерской школѣ монастыря. Точная хронологическая правильность всѣхъ этихъ передвиженій заставляетъ думать, что всѣ они предписывались уставомъ ордена, составляя въ совокупности миссіонерскій стажъ. Теперь стажъ былъ, очевидно, конченъ; отнынѣ начинается регулярная дѣятельность Печерина, какъ проповѣдника. 10 сентября 1844 года онъ отправился въ Брюгге, гдѣ въ то время существовалъ небольшой редемптористскій hospice, отсюда спустя нѣкоторое время—въ Falmouth, въ Англіи, и въ 1848 году, по упраздненіи здѣшняго монастыря, — во вновь основанный редемптористскій монастырь въ Clapham въ Лондонѣ [4]). Здѣсь-то, въ Клапамѣ, и видѣлся съ нимъ Герценъ, оставившій подробный разсказъ объ этомъ свиданіи. Печеринъ тогда едва перешагнулъ за половину своей жизни. Ему суждена была долгая, слишкомъ долгая жизнь.

XII.

Печеринъ пробылъ редемптористомъ почти 23 года. Какъ онъ жилъ все это время? Вотъ неизмѣнное распредѣленіе дня, существовавшее уже тогда и существующее донынѣ во всѣхъ редемп-

---

[1]) 1841 г., Никитенко, I, 422.

[2]) *Рус. Стар.* 1899, XI, 368.

[3]) А не „св. Вита", какъ ошибочно сказано у Никит., ibid.

[4]) Эти свѣдѣнія съ чрезвычайной любезностью сообщены намъ настоятелемъ редемптористскаго монастыря въ Виттемѣ, R. P. J. L. Jansen'омъ.

Digitized by Google

тористскихъ монастыряхъ [1]). Въ 4½ часа утра встать; въ 5 получасовое размышленіе о религіозныхъ истинахъ; въ 5½ месса и вслѣдъ за нею молебствіе; потомъ богословскія занятія или работа въ церкви по удовлетворенію нуждъ вѣрующихъ (исповѣдь и пр.); въ 11 час. нѣсколько разъ въ недѣлю совмѣстное обсужденіе «научныхъ» вопросовъ (догма, Св. Писаніе, мораль); въ 11¾ час. литанія въ честь Пресвятой Дѣвы и затѣмъ получасовая провѣрка своей совѣсти; въ 12 обѣдъ, сопровождаемый душеполезнымъ чтеніемъ; съ 12½ до 1½ рекреація, когда всѣ монахи собираются вмѣстѣ; съ 1½ час. богословскія занятія, молитва или работа въ церкви, смотря по обстоятельствамъ; въ 3 час. духовное чтеніе или собесѣдованіе; въ 3½ получасовое размышленіе о христіанскихъ добродѣтеляхъ, затѣмъ служба въ ораторіи (псалмы и антифоны); около 7 час. получасовое размышленіе о страстяхъ Господнихъ; въ 7½ час. ужинъ, сопровождаемый чтеніемъ; каждый въ отдѣльности читаетъ про себя такъ называемый розарій (четки) Дѣвы Маріи (Отче нашъ—5 разъ, Ave Maria—50 разъ), послѣ чего нѣсколько минутъ проводитъ передъ Св. Дарами; въ 9 час. вечерняя молитва, въ 9½ час. сонъ. Сюда надо прибавить многократные посты и обязательные дни уединенія.

Таковъ былъ образъ жизни Печерина въ тѣ дни, которые онъ проводилъ въ монастырѣ. Но такихъ, сравнительно досужныхъ дней у редемптористскаго монаха не много; его главное назначеніе, то, что въ первой линіи требуется отъ него уставомъ,—миссіонерство, и оно наполняетъ его жизнь неустанной и чрезвычайно напряженной работой. Дѣло религіозной пропаганды ведется редемптористами по своеобразной системѣ, во всѣхъ подробностяхъ установленной самимъ основателемъ ордена. Такъ какъ ихъ обязанность—просвѣщать свѣтомъ Евангелія преимущественно бѣднѣйшую и наиболѣе невѣжественную часть населенія, то для «миссій» выбираются обыкновенно глухія деревни или рабочіе кварталы въ большихъ городахъ. Въ избранное мѣсто вдругъ является нѣсколько редемптористовъ, которые, съ разрѣшенія мѣстнаго духовенства, открываютъ въ мѣстной церкви серію проповѣдей. Миссія, продолжающаяся очень короткое время, ведется по строго обдуманному плану, напоминающему планъ военной кампаніи [2]). Весь рядъ проповѣдей представляетъ собою одно цѣлое, послѣдовательно раз-

---

[1]) По сообщенію J. L. Jansen'a.

[2]) См. *R. P. Desurmont* (редемптористъ), Le R. P. Joseph Passerat et sous sa conduite les Rédemptoristes pendant les guerres de l'Empire, Paris, 1893, гл. V, стр. 64—85.

Digitized by Google

вертывающееся, какъ фронтъ атакующаго войска. Проповѣдникъ говоритъ о грѣхѣ, о смерти, о страшномъ судѣ, объ адѣ, о вѣчности, затѣмъ переходитъ къ вопросамъ нравственности и особенно останавливается на тѣхъ грѣхахъ, которые Альфонсъ де-Лигвори назвалъ четырьмя воротами ада: на сребролюбіи, безвѣріи, злобѣ и развратѣ; послѣднія двѣ проповѣди посвящаются Пресвятой Дѣвѣ и значенію молитвы. Во всѣхъ этихъ проповѣдяхъ редемптористъ долженъ избѣгать всякихъ богословскихъ мудрствованій и всякаго слова, превышающаго пониманіе простолюдина: онъ долженъ давать чистое евангельское ученіе, планъ его рѣчи долженъ быть несложенъ, фразы коротки и легко усвояемы памятью, языкъ простъ, силенъ и полонъ огня. Онъ долженъ обращаться къ чувству слушателей и главнымъ образомъ играть на двухъ наиболѣе чувствительныхъ струнахъ человѣческаго сердца—надеждѣ и страхѣ: надо непрерывно, говорилъ св. Альфонсъ, перебрасывать грѣшную душу изъ страха въ надежду и обратно. Мало того: для вящаго дѣйствія на воображеніе массы проповѣдь редемптористa сопровождается театральными эффектами, предназначенными внезапно вызывать у присутствующихъ общій крикъ ужаса или слезы раскаянія. Проповѣдникъ вдругъ среди проповѣди велитъ молящимся пасть на колѣни и просить прощенія у Христа, или заставляетъ ихъ пасть къ ногамъ Дѣвы Маріи, или увлекаетъ ихъ въ крестный ходъ, или прерываетъ проповѣдь призывомъ къ общей молитвѣ. И такъ изо дня въ день пламенной проповѣдью и потрясающими сценами онъ постепенно доводитъ паству до раскаянія.

Но одной проповѣдью дѣло не ограничивается. Ежедневно въ опредѣленный часъ совершается служба, во время которой народъ молится весь громогласно. Эта молитва должна увлечь равнодушныхъ такъ, чтобы ничьи уста не оставались безмолвными. Вмѣстѣ съ тѣмъ миссіонеры открываютъ въ церкви на эти дни своего рода курсъ катехизиса, по чрезвычайной удобопонятности доступный и грубѣйшимъ умамъ. Здѣсь первое мѣсто занимаетъ разъясненіе важности исповѣди, потому что прямая и главнѣйшая цѣль миссіи заключается въ томъ, чтобы довести возможно большее число грѣшниковъ до исповѣди. Выслушиваніемъ многочисленныхъ исповѣдей и увѣнчивается дѣло миссіи; способъ обращенія миссіонера съ кающимся грѣшникомъ также во всѣхъ подробностяхъ установленъ св. Альфонсомъ: неумолимо стращать и во-время обнадеживать — таковы главные пріемы этой «духовной хирургіи». Миссія заканчивается нѣсколькими днями, посвящаемыми созерцанію; въ это время миссіонеры разъясняютъ народу значеніе безгласной молитвы, внѣдряютъ въ него любовь къ Христу и учатъ его созер-

Digitized by Google

цанію. Если удастся, они стараются организовать на мѣстѣ благочестивое сообщество вѣрующихъ. Наконецъ, для закрѣпленія благихъ результатовъ миссіи на слѣдующій годъ послѣ нея въ то же мѣсто обязательно присылается, хотя уже въ меньшемъ числѣ и на болѣе короткій срокъ, нѣсколько миссіонеровъ, которые снова проповѣдуютъ и исповѣдуютъ кающихся; послѣ этого миссія считается законченной.

Этой дѣятельности Печеринъ отдалъ около двадцати лѣтъ жизни. Главной ареною его миссіонерства были, какъ уже сказано, Англія и Ирландія. Онъ работалъ сначала на самомъ югѣ Англіи, въ Девонширѣ, затѣмъ въ Лондонѣ; отсюда онъ въ 1851 году вмѣстѣ съ нѣсколькими другими монахами былъ посланъ въ Лимерикъ на первую редемптористскую миссію въ Ирландіи (она была проведена въ церкви св. Іоанна). Судя по его письмамъ къ Герцену 1853 г., онъ въ ближайшіе годы еще не разъ ѣздилъ въ Ирландію; изъ тѣхъ же писемъ видно, что весною 1853 года онъ между прочимъ провелъ миссію на о. Гернсеѣ. Наконецъ, около 1854 года онъ совсѣмъ перебрался въ Лимерикъ, въ первую редемптористскую обитель въ Ирландіи—монастырь Mount St. Alphonsus.

Отцы-редемптористы изъ Виттема, Клапама и Лимерика, которымъ мы обязаны этими свѣдѣніями, единогласно признаютъ Печерина однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ своихъ дѣятелей какъ по святости жизни, такъ и по блестящему ораторскому дарованію. Въ виду строгости ихъ устава, особенно въ то время, онъ долженъ былъ, говорятъ они, мыслить и жить какъ добрый католикъ и съ желаніемъ совершенствоваться въ практикѣ добродѣтелей и въ соблюденіи обѣтовъ бѣдности, цѣломудрія и послушанія, иначе онъ не былъ бы допущенъ къ принятію монашескаго сана, тѣмъ меньше — къ миссіонерской дѣятельности. По ихъ словамъ, въ 50 и 60-хъ годахъ онъ считался величайшимъ ирландскимъ проповѣдникомъ и донынѣ еще его помнятъ и духовенство, и народъ ирландскій; его имя было извѣстно во всей странѣ; онъ любилъ ирландцевъ, и ирландцы отвѣчали ему любовью. Слѣдуетъ прибавить, что нѣсколько его проповѣдей сохранилось, попавъ со столбцовъ газетъ въ сборникъ проповѣдей The catholic pulpit; къ сожалѣнію, намъ не удалось достать этой книги. Это были проповѣди, произнесенныя имъ въ Лондонѣ: 1) о ненависти, 2) о Рождественскомъ постѣ, 3) о смертномъ грѣхѣ и 4) въ день св. Патрика (1849 г.). «Впрочемъ,—пишетъ настоятель St. Alphonsus въ Лимерикѣ,—онѣ были въ общемъ весьма неточно записаны необразованными репортерами и совсѣмъ не походили на живую рѣчь. Вдобавокъ я часто слышалъ, что поразительное дѣйствіе его словъ

Digitized by Google

можно было приписать больше святости его жизни, нежели его краснорѣчію».

Его жизнь въ Англіи и Ирландіи была, конечно, бѣдна событіями: «она вся прошла въ неустанномъ трудѣ на церковной каѳедрѣ и въ исповѣдальнѣ». Только однажды ея мирный ходъ былъ рѣзко нарушенъ: въ 1855 году онъ былъ обвиненъ въ сожженіи на площади протестантской библіи въ Кингстоунѣ, въ Ирландіи; возможно, что это былъ одинъ изъ тѣхъ театральныхъ эффектовъ, какихъ полна каждая редемптористская миссія. Печеринъ былъ оправданъ. «Гордый британскій судья,—говоритъ Герценъ,—взявъ въ разсчетъ безумный поступокъ и то, что виноватый—русскій, а Англія съ Россіей въ войнѣ, ограничился отеческимъ наставленіемъ вести себя впредь на улицахъ благопристойно». Это показаніе, кажется, не совсѣмъ вѣрно; въ письмѣ отъ 8 января 1857 года Печеринъ писалъ своей матери въ Одессу, что его процессъ кончился годъ тому назадъ весьма благополучно: присяжные оправдали его и народъ проводилъ до дому. Отчетъ объ этомъ дѣлѣ, по его словамъ, былъ тогда же напечатанъ особой книгой по-англійски [1]).

Таково было католическое служеніе Печерина. Его переписка съ Герценомъ вскрываетъ передъ нами другую сторону его міровоззрѣнія.

XIII.

Герценъ видѣлся съ Печеринымъ только разъ, въ апрѣлѣ 1853 года. Въ Москвѣ они не знали другъ друга, но Герценъ много слышалъ о Печеринѣ отъ Рѣдкина, Крюкова, Грановскаго, зналъ его «Торжество смерти», зналъ и содержаніе его письма къ Строгонову; теперь, случайно узнавъ, что Печеринъ въ Лондонѣ, Герценъ отправился къ нему въ редемптористскій монастырь въ Клапамѣ. Передъ нимъ былъ невысокаго роста пожилой священникъ въ граненой шапкѣ и въ сутанѣ; его лицо было старо, старше лѣтъ; въ его рѣчи и движеніяхъ былъ тотъ искусственный покой, «которымъ особенно монахи, какъ сулемой, заморяютъ цѣлыя стороны сердца и ума». Разговоръ шелъ сначала по-французски, потомъ по-русски. Онъ былъ незначителенъ; Печеринъ спрашивалъ объ общихъ знакомыхъ, Герценъ разсказалъ ему о смерти и похоронахъ Крюкова, объ успѣхахъ Грановскаго. Заговоривъ о Москвѣ, Печеринъ сказалъ, что съ содроганіемъ вспоминаетъ то время, когда

[1]) Рукописное письмо къ Печерину его племянника, Пояркова, отъ 30 октября 1865 года.

Digitized by Google

покинулъ Россію; особенно тяжела въ ней, прибавилъ онъ, судьба меньшинства, получившаго образованіе. Онъ съ теплымъ участіемъ отозвался о добротѣ и наивности русскихъ крестьянъ; онъ часто вспоминаетъ ихъ, глядя на ирландскихъ мужиковъ: у нихъ много общаго въ характерѣ. Предъ разставаніемъ Герценъ попросилъ у Печерина копію его «Торжества смерти» для напечатанія въ «Полярной Звѣздѣ», но Печеринъ только удивился, какъ можетъ его интересовать такое ничтожное, ребяческое произведеніе, и уклонился отъ разговора, сказавъ, что смотритъ на эти стихи съ такимъ чувствомъ, съ какимъ выздоровѣвшій вспоминаетъ свой бредъ въ жару.

Гораздо содержательнѣе, нежели этотъ разговоръ, была переписка, завязавшаяся между Герценомъ и Печеринымъ вслѣдъ за ихъ свиданіемъ: она равно характерна для обоихъ. Дня три спустя Печеринъ написалъ Герцену небольшую записку, гдѣ говорилъ о своемъ искреннемъ сочувствіи слову свободы — свободы для его несчастной родины, о своемъ несогласіи съ его, Герцена, программой (Герценъ оставилъ ему объявленіе вольной русской типографіи) и о любви католическаго священника, обнимающей всѣ партіи и всѣ мнѣнія. По его просьбѣ Герценъ доставилъ ему двѣ свои книги, въ томъ числѣ, вѣроятно, свою брошюру о развитіи революціонныхъ идей въ Россіи, и черезъ нѣсколько дней, прочитавъ ихъ, Печеринъ отвѣчалъ ему пространнымъ письмомъ. Вы и ваши друзья, писалъ онъ, всѣ надежды возлагаете, кажется, на философію и изящную словесность; неужели же вы думаете, что этими средствами можетъ быть обновлено общество? Исторія противорѣчитъ такому мнѣнію. Она учитъ насъ, что основою государствъ всегда была одна религія и что философія и словесность расцвѣтаютъ какъ разъ въ періоды упадка, и каждый разъ, когда философія бралась за пересозданіе общества, она неизбѣжно приводила къ жестокому деспотизму, какъ у Фридриха II, Екатерины, Іосифа II. Опираясь на собственныя слова Герцена, Печеринъ спрашиваетъ: вы сами говорите, что вы Онѣгины, что ваша основа— отрицаніе и сомнѣніе; можно ли перестраивать общественный порядокъ на такихъ основаніяхъ? Онъ кончаетъ письмо увѣреніемъ, что пишетъ все это не для спора: онъ считалъ своимъ долгомъ высказать свою мысль, потому что иногда умнѣйшіе и благороднѣйшіе люди, не замѣчая того, ошибаются въ самой основѣ.

Въ своемъ отвѣтномъ письмѣ Герценъ разъяснилъ Печерину, что освободительную роль онъ приписываетъ не философіи и литературѣ, а наукѣ: единственная причина пауперизма и рабства— невѣжество, и только наука можетъ дать массамъ [illegible] и кровъ;

САРАТОВСКОЕ
Digitized by Google

«не пропагандой, а химіей, механикой, технологіей, желѣзными дорогами она можетъ поправить мозгъ, который вѣками сжимали физически и нравственно». На это Печеринъ отвѣтилъ письмомъ, страстность котораго очень далека отъ того клерикальнаго покоя, какой Герценъ увидѣлъ въ чертахъ лица Печерина. Предполагая въ своемъ собесѣдникѣ антипода, Герценъ выразилъ свою мысль съ умышленной рѣзкостью, довелъ ее до крайности, которой въ дѣйствительности былъ чуждъ и тогда; разумѣется, и въ 1853 году онъ ждалъ спасенія не отъ одной химіи и желѣзныхъ дорогъ, а шестнадцать лѣтъ спустя онъ самъ во всеуслышаніе заявитъ, что міру нужна прежде всего проповѣдь—проповѣдь неустанная, равно обращенная къ хозяину и къ работнику. Но передъ Печеринымъ были строки, не допускавшія двухъ толкованій; здѣсь шла рѣчь объ основѣ всѣхъ убѣжденій—о выборѣ между духомъ и матеріей, между землею и небомъ,—и Печеринъ почувствовалъ себя глубоко задѣтымъ. Привожу почти полностью его письмо, такъ какъ сочиненія Герцена, гдѣ оно напечатано, едва ли доступны многимъ изъ моихъ читателей [1]). «Признаюсь вамъ откровенно, ваше послѣднее письмо навело на меня ужасъ, и ужасъ очень эгоистическій, признаюсь и въ этомъ. Что будетъ съ нами, когда *ваше* образованіе одержитъ побѣду? Для васъ *наука*—все, альфа и омега. Не та обширная наука, которая обнимаетъ всѣ способности человѣка, видимое и невидимое, наука—такъ, какъ ее понималъ міръ до сихъ поръ; но наука ограниченная, узкая, наука матеріальная, которая разбираетъ и разсѣкаетъ вещество и ничего не знаетъ, кромѣ него. Химія, механика, технологія, паръ, электричество, великая наука пить и ѣсть, поклоненіе личности, какъ бы сказалъ Мишель Шевалье. Если *эта* наука восторжествуетъ, горе намъ! Во времена гоненій римскихъ императоровъ христіане имѣли по крайней мѣрѣ возможность бѣгства въ степи Египта, мечъ тирановъ останавливался у этого непереходимаго для нихъ предѣла. А куда бѣжать отъ тиранства вашей матеріальной цивилизаціи? Она сглаживаетъ горы, вырываетъ каналы, прокладываетъ желѣзныя дороги, посылаетъ пароходы, журналы ея проникаютъ до раскаленныхъ пустынь Африки, до непроходимыхъ лѣсовъ Америки. Какъ нѣкогда христіанъ влекли на амфитеатры, чтобъ ихъ отдать на посмѣяніе толпы, жадной до зрѣлищъ, такъ повлекутъ теперь насъ, людей молчанія и молитвы, на публичныя торжища и тамъ спросятъ: «Зачѣмъ вы бѣжите отъ нашего общества? Вы должны участвовать въ на-

[1]) Какъ и предшествующія два письма, оно было написано по-французски и сообщено Герценомъ въ переводѣ. Соч. А. И. Герцена, т. IX, стр. 267 и сл.

Digitized by Google

шей матеріальной жизни, въ нашей торговлѣ, въ нашей удивительной индустріи. Идите витійствовать на площади, идите проповѣдывать политическую экономію, обсуживать паденіе и возвышеніе курса, идите работать на наши фабрики, направлять паръ и электричество. Идите предсѣдательствовать на нашихъ пирахъ, рай здѣсь на землѣ, — будемъ ѣсть и пить, вѣдь мы завтра умремъ!» Вотъ что меня приводитъ въ ужасъ, ибо гдѣ же найти убѣжище отъ тиранства матеріи, которая больше и больше овладѣваетъ всѣмъ... Стоило ли покидать Россію изъ-за умственнаго каприза? Россія именно начала съ науки такъ, какъ вы ее понимаете, она продолжаетъ наукой. Она въ рукахъ своихъ держитъ гигантскій рычагъ матеріальной мощи, она призываетъ всѣ таланты на служеніе себѣ и на пиръ своего матеріальнаго благосостоянія, она сдѣлается самая образованная страна въ мірѣ. Провидѣніе ей дало въ удѣлъ матеріальный міръ, она сдѣлаетъ рай изъ него для своихъ избранныхъ. Она понимаетъ цивилизацію именно такъ, какъ вы ее понимаете. Матеріальная наука составляла всегда ея силу. Но мы, вѣрующіе въ безсмертную душу и въ будущій міръ, какое намъ дѣло въ этой цивилизаціи настоящей минуты? Россія никогда не будетъ меня имѣть своимъ подданнымъ».

Оленя ранили стрѣлой! Голый матеріализмъ, исповѣданіе котораго Печеринъ увидѣлъ въ словахъ Герцена, заставилъ и его довести свою мысль до крайности; въ своей апологіи духа онъ совершенно игнорируетъ матеріальную сторону жизни и, значитъ, страданія массъ, отстаивая интересы исключительно небольшой горсти людей, склонныхъ къ созерцанію,—и въ этомъ смыслѣ Герценъ справедливо отвѣчалъ ему потомъ, что если шумъ рынка мѣшаетъ, то не рынокъ надо уничтожить, а самому отойти. Но суть дѣла была для Печерина, конечно, не въ этомъ: его ужаснула матеріальность самаго идеала. Ему, утописту по натурѣ, выросшему на Шиллерѣ и вскормленному утопическимъ соціализмомъ Сенъ-Симона и Фурье, возложившему на себя тяжелый крестъ Бога любви, Бога духа,—ужасъ и отвращеніе внушала эта программа новаго соціализма, умалчивавшая о душѣ и ставившая себѣ цѣлью только общую сытость. Это ли тотъ «лучшій міръ», образъ котораго неизгладимо былъ напечатлѣнъ въ его душѣ? и ради этого стоило ли бы жить и отдавать свою жизнь на службу человѣчеству?

Эти письма, я сказалъ, равно характерны и для Герцена, и для Печерина. Въ половинѣ 30-хъ годовъ Герценъ отшатнулся бы отъ той программы, которую намѣтилъ теперь въ своемъ письмѣ, и въ основѣ безусловно согласился бы съ Печеринымъ; но съ тѣхъ поръ онъ, въ ногу съ вѣкомъ, далеко ушелъ отъ тѣхъ мыслей,

Digitized by Google

Печеринъ же, уйдя изъ жизни, остался тѣмъ, чѣмъ былъ тогда: римская сутана консервировала въ немъ утопическій идеализмъ 30-хъ годовъ. Онъ замуровалъ себя въ католичество и уцѣлѣлъ, но уцѣлѣлъ какъ окаменѣлость; въ этомъ было его несчастіе и въ этомъ его красота, потому что прекраснѣе той мечты, которой онъ былъ вѣренъ, человѣчество не знаетъ.

Характерно и то, что его взглядъ на Россію остался тотъ же, какой былъ общъ всѣмъ нашимъ идеалистамъ въ 30-хъ годахъ; такъ и Станкевичъ полагалъ, что въ русскомъ народѣ практическій элементъ преобладаетъ надъ прочими и что человѣческая сторона «заснула въ немъ подъ звукъ валдайскаго колокольчика, подъ говоръ ярмарокъ». Къ 1853 году, послѣ славянофильской пропаганды и огромныхъ успѣховъ въ изученіи народа, какіе были сдѣланы за это время, взглядъ русской интеллигенціи на народъ усцѣлъ радикально измѣниться; но до Печерина уже ничто не проникло сквозь стѣны монастыря, — онъ остался при старомъ убѣжденіи.

XIV.

Я не знаю, что̀ удивительнѣе въ жизни Печерина: его переходъ въ католичество и постриженіе въ 1840 году, или тотъ новый переломъ, который совершился въ немъ двадцать лѣтъ спустя и о которомъ мнѣ предстоитъ теперь разсказать.

Этотъ переломъ несомнѣненъ, но о причинахъ его мы ничего не знаемъ. Въ отрывкѣ изъ своихъ воспоминаній (о баронессѣ Розенкампфъ), писанномъ въ 1869 году, упомянувъ о томъ, какъ въ 1830 году его разбудилъ отъ дремоты громъ іюльской революціи, онъ продолжаетъ: «Съ тѣхъ поръ я уже болѣе не засыпалъ... *Ахъ, нѣтъ! виноватъ, грѣшный человѣкъ! Я проспалъ двадцать лучшихъ лѣтъ моей жизни (1840—1860).* Да что же тутъ удивительнаго! Вѣдь это не рѣдкая вещь на святой Руси. Сколько у насъ найдется людей, которые или проспали всю жизнь, или проиграли ее въ карты! *Я и то, и другое сдѣлалъ: и проспалъ, и проигрался впухъ*».

Въ этомъ недвусмысленномъ признаніи—такая пучина душевной муки, не бурной, а разсудительной и тѣмъ болѣе глубокой, столько горькаго раскаянья и безнадежности, что, читая, сжимается сердце. Въ 1860—61 гг., когда совершился въ немъ этотъ переворотъ, Печеринъ уже шестой или седьмой годъ мирно жилъ въ редемптористскомъ монастырѣ въ Лимерикѣ; позади были 20 лѣтъ суровой, замкнутой жизни, гдѣ каждый день былъ расписанъ по получасамъ на дѣла благочестія, гдѣ личная воля должна была

Digitized by Google

каждый день сызнова умирать (mourir tous les jours à la volonté prorre, требовалъ уставъ), двадцать лѣтъ святости и неустанной проповѣди евангельскаго слова среди униженныхъ и несчастныхъ,— проповѣди, по всѣмъ признакамъ, вѣнчавшейся блестящимъ внѣшнимъ успѣхомъ. Если это было долгій сонъ,—что же теперь разбудило Печерина? Или онъ убѣдился, такъ поздно, что одного *слова* не довольно, чтобы обновить міръ? или увидѣлъ, что новые пути къ обновленію, найденные съ тѣхъ поръ, какъ онъ удалился изъ жизни, успѣшнѣе ведутъ къ цѣли, и горько пожалѣлъ о богатыхъ силахъ своей молодости, растраченныхъ безплодно въ погонѣ за химерой? Во всякомъ случаѣ мы можемъ сказать одно: самое его пробужденіе свидѣтельствуетъ о томъ, что подъ сутаной и клобукомъ въ немъ не умеръ живой духъ и не погасла мечта о лучшемъ мірѣ. Не житейскихъ утѣхъ взалкала его душа; напротивъ, конецъ своей жизни онъ проведетъ еще въ большемъ удаленіи отъ міра, еще въ большемъ смиреніи и безмолвіи. Снова поднимать нить мірского дѣла тамъ, гдѣ онъ оборвалъ ее, было поздно,— оставалось признать себя заживо мертвымъ, совсѣмъ уйти отъ людей и терпѣливо ждать конца.

Прежде всего, разъ ошибка была сознана, надо было покончить съ безплоднымъ прошлымъ. Печеринъ, повидимому, не сразу рѣшился на это: только 5 октября 1863 года онъ выступилъ изъ ордена редемптористовъ. Въ этомъ орденѣ нелегко получить диспенсъ; принимая монашество, редемптористъ, сверхъ трехъ обычныхъ монашескихъ обѣтовъ, даетъ четвертый, въ силу котораго онъ обязывается оставаться въ орденѣ до гроба подъ страхомъ анаѳемы; единственный случай, когда разрѣшается просить объ увольненіи,— явная воля на то Бога (manifestation authentique des volontés de Dieu) [1]). Печеринъ мотивировалъ свою просьбу желаніемъ удалиться отъ внѣшнихъ дѣлъ и всецѣло посвятить себя созерцательной жизни въ качествѣ трапписта. Какъ видно, отцы ордена очень дорожили имъ, потому что, по словамъ лимерикскаго настоятеля, они приложили всѣ усилія, чтобы удержать его отъ этого поступка, доказывая ему, что его стремленіе уединиться есть ничто иное, какъ искушеніе.

Выйдя изъ лигворіанскаго ордена, онъ дѣйствительно вступилъ въ орденъ траппистовъ (въ монастырь Mount Mellaray въ Ирландіи), посвященный исключительно созерцанію и аскезѣ, одинъ изъ суровѣйшихъ въ католичествѣ. «Многіе думали тогда,—пишетъ отецъ редемптористъ O'Laverty изъ Лимерика, — что онъ сдѣлалъ этимъ

[1]) Desurmont, цит. соч., стр. 84.

Digitized by Google

большую ошибку и что его истиннымъ призваніемъ было проповѣдничество и миссіонерство. То, что многіе думали тогда, оказалось справедливымъ. Слабое здоровье дѣлало его непригоднымъ для суровой, трудной жизни трапписта, ему очень скоро сказали, что у него нѣтъ призванія къ ней. По нашимъ правиламъ тѣ, кто оставляетъ насъ, не принимаются обратно; но въ виду изъ ряда вонъ выходящей чистоты его жизни (his extraordinary virtue) былъ возбужденъ вопросъ объ исключеніи въ его пользу. Какимъ-то образомъ эти переговоры не привели ни къ чему, и онъ удалился въ частную жизнь», т.-е. снялъ монашескую одежду и остался просто священникомъ. Разумѣется, дѣло надо понять такъ, что онъ самъ не пожелалъ вернуться въ орденъ редемптористовъ, несмотря на увѣщанія своихъ бывшихъ начальниковъ.

Теперь онъ имѣлъ досугъ—впервые послѣ многихъ лѣтъ. Опять, какъ четверть вѣка назадъ, онъ былъ одинокъ въ пустынѣ чуждаго ему міра, старый, надломленный, съ страшнымъ сознаніемъ роковой ошибки и съ единой надеждой на избавительницу-смерть впереди. И тутъ, какъ видно, вполнѣ ожила его душа и, содрогаясь, подвела итогъ проигранной жизни. Измученное сердце жаждало участія, а кругомъ—все чужое, ни одной родной души.

Въ самомъ концѣ августа 1865 года И. С. Аксаковъ, тогда редакторъ «Дня», неожиданно получилъ въ Москвѣ письмо изъ Дублина съ приложеніемъ длиннаго стихотворенія и визитной карточки: Rev-d Vladimir Petcherine. Въ этихъ стихахъ Печеринъ разсказывалъ потрясающую исторію своей жизни. Вотъ они.

Non! sa chaleur n'est pas toute glacée!
De souvenir je le sens tressaillir...
Demoutier.

Не погибъ я средь крушенья,
Не пришелъ еще мой часъ!
И средь бурнаго волненья
Мой свѣтильникъ не погасъ!
И подъ часъ, какъ молньи, блещутъ
Мысли юности моей,
И въ груди моей трепещутъ
Вдохновенья прежнихъ дней.
Чудится: плывутъ въ эѳирѣ
Звуки пѣсней удалыхъ,
И волшебница на лирѣ
Мнѣ поетъ о снахъ златыхъ.

Рано, рано съ утренней зарею
Вышелъ я изъ хижины родной,
И зеленый лѣсъ передо мною
Расцвѣталъ весеннею красой.

Digitized by Google

На вѣтвяхъ алмазами сверкали
Капли крупныя росы ночной,
Дикіе цвѣты благоухали
Въ пышномъ лонѣ зелени густой...
На соснѣ, соснѣ высокой
Птичка дивная сидитъ,
И ея живое око
Прямо въ небеса глядитъ.
Встрепенулась и запѣла,
И весь лѣсъ безмолвенъ сталъ;
Птичка пѣла, пѣла, пѣла,
А я слушалъ и молчалъ.
Заливалась, разливалась,
Будто соловей, она,
И мнѣ пѣснь ея казалась
Грустью тайною полна.
Райская была то птица
И о раѣ пѣснь вела,
И *туда* меня пѣвица
И манила, и звала:
„Вѣчнымъ солнцемъ тамъ сіяетъ
Правды незакатный свѣтъ!
Тамъ любовь не умираетъ
И разлуки вовсе нѣтъ!
„О, духъ, жаждою томимый,
Тамъ тебя блаженство ждетъ!
Тамъ струей неутомимой
Истины потокъ течетъ.
„Тамъ подъ небомъ вѣчно чистымъ
Будешь птичкою парить,
Какъ пчела, изъ розъ душистыхъ
Сладкій медъ ты будешь пить!
„Что тебѣ страна родная
Межъ тумановъ и снѣговъ?
Тамъ—свобода золотая,
Жизнь эѳирная духовъ!“ [1]).
Птичка пѣла, пѣла, пѣла,
А я слушалъ—и мечталъ!
Быстро жизнь моя летѣла;
Дни прошли—и я не зналъ.

И красуется, какъ прежде, въ пышной
Зелени густой, могучій лѣсъ;
Но пѣвицы дивной ужъ не слышно
И навѣки слѣдъ ея исчезъ.

---

[1]) Въ сохранившемся подлинникѣ эта строфа имѣетъ такой видъ:

Что тебѣ твой край родимый
Средь зимы и средь цѣпей?
Тамъ свобода! тамъ любимый
Дѣтскій сонъ души твоей!

Digitized by Google

Время хладною рукой сорвало
Юности вѣнокъ съ главы моей:
Все померкло—сердце перестало
Вѣрить сладкимъ пѣснямъ вешнихъ дней...

Безпріютнымъ сиротою
Я у хижины родной
Постучался въ дверь клюкою—
Мнѣ отвѣтилъ гласъ чужой:
„Кто ты, странникъ? изъ какого края?
Гдѣ твой Богъ? и гдѣ твоя семья?..
Или, можетъ быть, судьбина злая
На изгнанье обрекла тебя?
„Есть народная святыня!
Есть завѣтный кровъ родной!
И семейство, какъ твердыня,
Насъ хранитъ въ годинѣ злой.
„Неужель на бѣломъ свѣтѣ
Некому тебя обнять,
Пріютить, пригрѣть на сердцѣ
И тебѣ „люблю“ сказать?“

Странникъ.

Ахъ! повѣрь: и мнѣ не чужды были
Ласки матери родной!
И друзья мнѣ счастіе сулили,
И звѣзда свѣтила предо мной!

Но я слышалъ гласъ Красы незримой;
Этотъ гласъ меня очаровалъ:
Я отца, и мать, и край родимый—
Все на жертву *Ей* отдалъ!

Гдѣ ты? гдѣ, Краса небесная!
Гдѣ? въ какой странѣ тебя найду!
За горами ль за высокими?
За морями ль за широкими?
Всюду за тобой пойду!

Предо мной вездѣ Она мелькала
И манила за собой;
Я за ней—Она вдругъ исчезала,
Будто призракъ въ тьмѣ ночной.

И теперь бездомнымъ сиротою
По міру одинъ брожу,
Сладкаго вездѣ ищу покою—
И нигдѣ не нахожу.

Въ письмѣ, сопровождавшемъ это стихотвореніе, Печеринъ писалъ И. С. Аксакову: «Милостивый государь! Благородный духъ Вашего журнала давно привлекаетъ мое вниманіе, хотя, къ со-

Digitized by Google

жалѣнію, я не всегда имѣю случай читать его. Сверхъ того, тамъ часто встрѣчается дорогое для меня имя Ѳ. В. Ч(иж)ова. Неизбѣжная судьбина—ineluctabile fatum—отдѣляетъ меня отъ родины, но прилагаемое стихотвореніе покажетъ вамъ, что я не забылъ ни русскаго языка, ни русскихъ думъ. Я самъ не могу себѣ объяснить, для чего я посылаю вамъ эти стихи. Это какое-то темное чувство—или просто желаніе переслать на родину хоть одинъ мимолетный, умирающій звукъ. Примите увѣреніе, и пр.».

Аксаковъ немедленно напечаталъ и это письмо, и стихотвореніе [1]), предпославъ имъ горячо написанную передовую статью. «Мы не знаемъ,—писалъ онъ,—найдется ли въ Россіи человѣкъ, которому глубокая скорбь этихъ искреннихъ, сердечныхъ, ароматическихъ стиховъ не выворотила бы всего сердца! Это братъ нашъ скорбитъ и страдаетъ, это родная намъ душа бьется, какъ птица въ клѣткѣ, изнываетъ, гибнетъ и стонетъ! Онъ нашъ, нашъ, нашъ—даже подъ латинскихъ фрокомъ!—онъ имѣетъ полное право на наше участіе и состраданіе! Неужели нѣтъ для него возврата? Ужели поздно, поздно?.. Русь проститъ заблужденія, которыхъ поводъ такъ чистъ и возвышенъ, она оцѣнитъ страстную, безкорыстную жажду истины, она съ любовью раскроетъ и приметъ въ объятія своего заблудшаго сына!»

XV.

Проснулось ли въ Печеринѣ неистребимое влеченіе сына къ родинѣ-матери, или, можетъ быть, освобожденіе крестьянъ и все вообще «дней Александровыхъ прекрасное начало» заставили его измѣнить свое мнѣніе о Россіи, — во всякомъ случаѣ переломъ, совершившійся въ Печеринѣ около 1861 года, духовно вернулъ его Россіи. Это сказалось уже до его выступленія изъ ордена: приблизительно съ половины 1862 года начинается въ «Колоколѣ» длинный рядъ отмѣтокъ о пожертвованіи В. Печеринымъ то 1, то 2 фунт. стерл. въ «Общій фондъ», на поддержку нуждающихся русскихъ эмигрантовъ. Но особенно рѣзко обнаруживается этотъ поворотъ въ немъ съ той минуты, когда онъ покидаетъ монашество. Въ октябрѣ 1864 года написалъ онъ то стихотвореніе, приведенное выше, гдѣ мы читаемъ такія ясныя строки:

Послѣ долгихъ треволненій
Вижу снова брегъ родной;

годъ спустя, въ августѣ 1865 года, онъ присылаетъ И. С. Аксакову стихотвореніе для напечатанія въ «Днѣ», и спустя три не-

[1]) „День", 1865 г., № 29, отъ 2 сентября.

Digitized by Google

дѣли впервые послѣ многихъ-многихъ лѣтъ пишетъ письмо старому другу Никитенкѣ, повергая его тѣмъ въ радостное удивленіе; наконецъ, вѣроятно, въ этомъ же году начинается его переписка съ его племянникомъ, Поярковымъ, жившимъ въ Одессѣ. Мы увидимъ дальше, что съ этихъ поръ сношенія съ Россіей становятся для Печерина какъ бы главнымъ жизненнымъ интересомъ. Онъ былъ, разумѣется, далекъ отъ мысли о возвращеніи въ Россію—что̀ онъ могъ бы тамъ дѣлать?—да онъ и вообще уже не думалъ объ остальныхъ своихъ дняхъ. Но въ безсонной работѣ сознанія, снова и снова разбиравшаго роковую ошибку его жизни, эта ошибка неизмѣнно связывалась съ мыслью о Россіи; то стихотвореніе 1868 г., «Иронія судьбы», отрывокъ изъ котораго приведенъ выше, начинается такъ:

Не сбылися предсказанья
Лжепророковъ и друзей;
Расплылись, какъ дымъ, мечтанья
Гордой юности моей.
Можетъ быть, чего-то ждала
Русь святая отъ меня:
Надъ главой моей сіяла
Вѣстница златого дня.
Но денницы блескъ летучій
Всѣмъ надеждамъ измѣнилъ;
Мракъ внезапный, черной тучи
Свѣтлый день мой затемнилъ.
Чья жъ вина? вина ль Россіи?
Кто же станетъ мать винить!

и т. д.

Въ библіотекѣ московскаго университета хранится старая кожаная папка съ бумагами Печерина, присланная сюда вѣроятно послѣ его смерти. Здѣсь—рукописные подлинники нѣсколькихъ его стихотвореній, какъ юношескихъ, 30-хъ годовъ, такъ и позднѣйшихъ, 1864—76 гг.; послѣднія большею частью приведены нами въ этой статьѣ. Кромѣ того, здѣсь находится 23 письма къ Печерину его племянника С. Ѳ. Пояркова и 9—Никитенка. Эти письма любопытны какъ біографическими подробностями, содержащимися въ нихъ, такъ и указаніями на то, чѣмъ интересовался Печеринъ въ послѣдній періодъ его жизни—въ 60 и 70-хъ годахъ.

Письма Пояркова обнимаютъ время съ апрѣля 1865 г. по іюнь 1873 г., когда, вѣроятно, Поярковъ умеръ. Первыя письма полны подробностей о здоровьи отца Печерина, жившаго въ Одессѣ, гдѣ жилъ въ это время и Поярковъ. Матери Печерина, очевидно, уже не было въ живыхъ; но она была жива еще въ январѣ 1857 г. Старикъ имѣлъ въ Одессѣ собственный домъ, очень ветхій, гдѣ

Digitized by Google

жилъ уже лѣтъ 30; нашъ Печеринъ, оказывается, также бывалъ въ Одессѣ. У старика одна нога была контужена, и онъ почти не двигался; изрѣдка онъ приписываетъ двѣ-три строки въ письмѣ Пояркова, въ родѣ слѣдующихъ: «Милей другъ Валодя я боленъ нагою мались за меня богу даю тебе мое благославленіе атецъ твой Сергѣй Печеринъ». При немъ находился старый слуга Никифоръ, безъ сомнѣнія крѣпостной, въ студенческіе годы жившій при молодомъ Печеринѣ въ Петербургѣ; послѣ смерти старика, случившейся 18 августа 1866 года, Поярковъ помѣстилъ Никифора въ городскую богадѣльню. Мы узнаемъ также, что Печеринъ хорошо зналъ Кіевъ и Подольскую губернію; Поярковъ, можетъ быть по его просьбѣ, сообщаетъ ему о судьбѣ различныхъ его родственниковъ за истекшую четверть вѣка и пр. Вообще эти письма до нѣкоторой степени проливаютъ свѣтъ на семейную обстановку Печерина; такъ, прося его о присылкѣ автобіографическихъ свѣдѣній, Поярковъ прибавляетъ: «Всѣ усилія мои пополнить скудныя мои свѣдѣнія о Вашемъ прошломъ словесными бесѣдами съ дѣдушкою (т.-е. отцомъ Печерина) не привели ни къ какому результату, какъ какъ старикъ не только не зналъ, но и не подозрѣвалъ значенія и сущности той среды, въ которую Вы были поставлены воспитаніемъ и выборъ которой, сколько можно догадываться, шелъ вразрѣзъ намѣреніямъ Вашего батюшки». Въ другой разъ онъ пишетъ (въ іюлѣ 1867 г.): «Я медлилъ отвѣтомъ на послѣднее Ваше письмо... Я и теперь затрудняюсь отвѣчать на Ваше письмо, потому что вполнѣ понимаю, какія тяжелыя чувства бужу въ Вашемъ воспоминаніи о дѣтской обстановкѣ. Мнѣ тѣмъ труднѣе взяться за это, потому что придется сознаться, что и конецъ былъ продолженіемъ начала. Чтобы слова мои не показались неправдою, прилагаю при семъ случайно уцѣлѣвшую у меня изъ груды подобныхъ записокъ послѣднихъ годовъ. Я вполнѣ понималъ главную причину оставленія Вами Россіи. Картина обстановки Вашей въ домашнемъ быту такъ наглядна, что не только Вы бы не примирились съ нею до сихъ поръ, но даже для насъ было болѣе нежели тяжело, — для насъ, гдѣ въ большей части окружающее того же колорита».

Поярковъ часто и подробно сообщаетъ Печерину о ходѣ земской, судебной и другихъ реформъ; впрочемъ, какъ видно изъ писемъ, Печеринъ въ это время постоянно читалъ русскія газеты. Повидимому, въ своихъ письмахъ къ Пояркову онъ говорилъ о «демократическомъ» назначеніи Россіи, потому что Поярковъ, поклонникъ Каткова, отвѣчаетъ ему: «Демократическое назначеніе нашей родины прививается что-то очень плохо... Нѣтъ, не наша задача осуществить демократизмъ» и т. д. Печеринъ также, очевид-

Digitized by Google

но, спрашивалъ, дѣйствительно ли, какъ можно судить по газетамъ, соціализмъ въ послѣднее время сдѣлалъ большіе успѣхи въ Россіи. Какъ онъ вообще смотрѣлъ на политическій режимъ Россіи и на производимыя въ ней реформы, показываютъ слѣдующія строки изъ письма Пояркова къ нему отъ 18 марта 1870 года: «Сравнивая строй управленія Англіи съ нашимъ, Вы останавливаетесь на мысли, что могутъ ли всѣ реформы наши достигать желаемаго результата при измѣнчивости нашихъ законоположеній...» Эту самую мысль Печеринъ мимоходомъ выразилъ въ отрывкѣ изъ своихъ воспоминаній, напечатанномъ въ 1870 г. въ «Русскомъ Архивѣ»: перечисляя науки, необходимыя для русскаго народа, онъ доходитъ до юриспруденціи, но останавливается: «Ну, тутъ, кажется, надо еще немножко подождать, когда у насъ будутъ законы, а то изъ чего же тутъ хлопотать? Какое тутъ законовѣдѣніе, когда вы не увѣрены, что вчерашній законъ не будетъ завтра же отмѣненъ?..»

Наконецъ, изъ писемъ Пояркова мы узнаемъ, что Печеринъ въ эти годы писалъ свою автобіографію. Толчкомъ къ этому послужило напечатаніе въ 1865 году въ аксаковскомъ «Днѣ» приведеннаго выше стихотворенія. По словамъ Пояркова, оно произвело глубокое впечатлѣніе на его одесскихъ знакомыхъ; въ обществѣ заговорили о Печеринѣ: «Онъ нашъ; отдайте намъ его. Онъ нашъ потому, что не измѣнилъ служенію мысли даже въ то время, когда свободно бродилъ только звѣрь, а человѣкъ ходилъ пугливо... Онъ—та самая краса, которой онъ самъ такъ тщетно искалъ, но внутреннему голосу которой такъ искренно служилъ». Отъ Пояркова требовали подробностей о жизни Печерина, и вотъ онъ рѣшился обратиться къ послѣднему съ просьбою—въ письмахъ частями разсказать ему свою біографію, которую Поярковъ намѣренъ былъ затѣмъ напечатать: «Только такимъ путемъ,—писалъ онъ,—я могу удовлетворить общему желанію и только этимъ путемъ до Васъ дойдутъ въ печати всѣ отклики сочувствія къ Вамъ русскихъ».

Печеринъ не заставилъ себя долго просить: въ концѣ октября Поярковъ уже благодаритъ его за присылку перваго автобіографическаго письма и стихотвореній; затѣмъ послѣдовала, очевидно, цѣлая серія такихъ писемъ, хотя и съ большими промежутками. За два года (къ половинѣ 1867 г.) Печеринъ довелъ разсказъ до своего отъѣзда изъ Россіи; продолжалъ ли онъ свои записки и дальше, по письмамъ Пояркова нельзя установить. Съ своей стороны, Поярковъ усердно собиралъ все, что имѣло отношеніе къ жизни Печерина: забралъ къ себѣ всѣ его письма къ родителямъ, разыскалъ у старика юношескія письма В. С. и изъ письма отъ 23 марта 1836 г. узналъ, въ какихъ томахъ «Московскаго Наблюдателя» и

Digitized by Google

Плюшаровскаго Словаря были напечатаны его произведенія, разспрашивалъ Никифора объ ихъ петербургскомъ житьѣ и съ его помощью разыскалъ идиллію Печерина «Руѳь» безъ обозначенія года (она неизвѣстна намъ), наконецъ нашелъ его портретъ масляными красками, неизвѣстно когда присланный. «За неимѣніемъ портрета моей матери,—пишетъ онъ,—Вашъ портретъ, напоминая мнѣ Васъ, напоминаетъ мнѣ и ту, которая учила меня любить Васъ и благоговѣть передъ Вашимъ именемъ. Она говорила мнѣ: есть въ нашемъ родѣ и почетные, и достаточные, но только одинъ свѣтильникъ».

Осенью 1867 г. Печеринъ прислалъ Пояркову рекомендательныя письма къ старымъ своимъ друзьямъ, Никитенкѣ и Ѳ. В. Чижову; съ первымъ Поярковъ видѣлся въ декабрѣ этого года, со вторымъ, въ Москвѣ,—лѣтомъ слѣдующаго. О Чижовѣ онъ писалъ Печерину: «Онъ полонъ самыхъ задушевныхъ воспоминаній о Васъ... Онъ самъ хотѣлъ писать къ Вамъ и увѣрить Васъ, что въ Москвѣ есть кружокъ, помнящій Васъ и любящій Васъ». Чижовъ просилъ Пояркова въ слѣдующій пріѣздъ привезти имѣющіеся у него матеріалы для біографіи Печерина; писалъ ли онъ объ этомъ и самому Печерину, мы не знаемъ, но въ ноябрѣ 1870 г. Поярковъ сообщаетъ Печерину, что согласно его, Печерина, письму, отправилъ Чижову эти матеріалы: «Ѳ. В. Чижовъ просилъ меня прислать ему не только тѣ письма, которыя Вы назначили (вѣроятно автобіографическія), но все, что только я имѣлъ, обѣщая въ цѣлости и сохранности возвратить ихъ мнѣ, какъ принадлежность моего семейства. Поэтому я привелъ въ порядокъ, подшилъ и отправилъ ему все, что имѣлъ, и обѣщалъ ему сообщать также и послѣдующія Ваши письма». Дѣло въ томъ, что Чижовъ, очевидно, брался напечатать автобіографію Печерина въ какомъ-либо изъ русскихъ журналовъ. Попытки къ этому дѣлались, повидимому, уже и раньше; по крайней мѣрѣ, еще весною 1866 года Поярковъ, говоря въ письмѣ къ Печерину о положеніи печати въ Россіи, прибавлялъ: «Петербургскія редакціи затруднились даже напечатать Ваши воспоминанія», и дальше въ томъ же письмѣ сообщалъ, что «Современникъ» и «Отечеств. Записки» охотно берутся напечатать статью изъ его, Печерина, сочиненій. Старанія Пояркова, какъ видно, оказались безуспѣшными, и теперь за дѣло взялся Чижовъ. Дѣйствительно, въ 1870 году онъ напечаталъ въ «Русскомъ Архивѣ» тѣ воспоминанія Печерина о баронессѣ Розенкампфъ, которыя мы выше не разъ цитировали. Это, повидимому, порадовало Печерина: онъ захотѣлъ увидѣть въ русской печати и остальныя свои записки. Въ апрѣлѣ 1872 г. Поярковъ сообщаетъ ему

Digitized by Google

содержаніе письма Чижова: въ этомъ году едва ли удастся осуществить печатаніе, по цензурнымъ причинамъ; а въ августѣ того же года пишетъ: «Предположенія Ваши о печати, по моему мнѣнію, очень осуществимы, и я сообщилъ ихъ Ѳедору Васильевичу». На этомъ, повидимому, дѣло и остановилось; только еще въ томъ же «Русскомъ Архивѣ» за 1871 годъ появилось частное письмо Печерина о классицизмѣ, вѣроятно къ Чижову; мы вернемся къ нему ниже[1]).

Подъ 28 сентября 1865 года Никитенко отмѣтилъ въ своемъ «Дневникѣ»: «Получилъ премилое письмо изъ Дублина отъ Печерина»[2]); 14 октября онъ отвѣчалъ ему: «Послѣ болѣе четверти столѣтія я встрѣчаюсь съ вами лицомъ къ лицу въ заочной бесѣдѣ, безцѣнный Владиміръ Сергѣевичъ. Я праздную въ моемъ сердцѣ это святое возрожденіе нашей дружбы», и т. д. Сохранившіяся письма Никитенка къ Печерину обрываются на 1869 годѣ. Изъ нихъ видно, что Печеринъ сообщалъ Никитенкѣ о своихъ лингвистическихъ изслѣдованіяхъ, вѣроятно, по арабскому языку. «Въ послѣднемъ письмѣ вашемъ,—пишетъ Никитенко,—вы сказали о вашихъ изученіяхъ и трудѣ, который долженъ быть плодомъ ихъ. Боже мой! думалъ я и думаю, что̀ если бы возникшее изъ этихъ великихъ и обширныхъ изученій было явлено свѣту на русскомъ языкѣ и внесено было въ сокровищницу русской небогатой еще науки!» Печеринъ въ это время обучалъ русскому языку Аткинсона, будущаго переводчика русскихъ классиковъ; онъ спрашиваетъ у Никитенка совѣтовъ насчетъ учебниковъ русской грамматики и исторіи русской литературы, сообщаетъ ему отзывы англичанъ о русской литературѣ, между прочимъ о Крыловѣ. Его письма и разсказы Пояркова удостовѣряютъ Никитенка, что Печеринъ при всѣхъ треволненіяхъ и превратностяхъ жизни «сохранился въ своемъ типѣ», и, вспоминая давно минувшіе годы, онъ говоритъ о немъ и о себѣ: «Примѣненіе къ Донъ-Кихоту не къ вамъ однимъ относится. Развѣ и я не былъ такимъ же Донъ-Кихотомъ? Вы были весь пылъ и рѣшимость; я былъ сдержаннѣе и, если можно такъ выразиться, скептичнѣе васъ». Уже вскорѣ послѣ возобновленія переписки Пе-

---

[1]) Чижовъ, какъ видно, не вернулъ Пояркову, умершему въ 1873 году, печеринскихъ бумагъ, и онѣ находятся, вѣроятно, среди *Переписки* Чижова, переданной въ 1878 году его душеприказчикомъ, С. И. Мамонтовимъ, на храненіе въ Румянцевскій музей съ разрѣшеніемъ вскрыть не ранѣе 40 лѣтъ со дня смерти Чижова (ум. 14 ноября 1877 г.). Обильный матеріалъ для біографіи Печерина находится также, несомнѣнно, въ *Дневникѣ* Чижова (19 книгъ и тетрадей), поступившемъ тогда же въ музей на тѣхъ же условіяхъ.

[2]) Никитенко, III, стр. 48.

Digitized by Google

черинъ прислалъ Никитенкѣ свой портретъ, и Никитенко писалъ въ своемъ «Дневникѣ» 1 ноября 1865 г.: «Письмо и фотографическая карточка отъ Печерина изъ Дублина. Сколько воспоминаній соединяется съ этимъ милымъ лицомъ, которое, судя по портрету, мало измѣнилось! Та же мягкость въ чертахъ, то же добродушіе, то же умное, оригинальное выраженіе во всемъ складѣ лица. А въ письмѣ его сколько наблюдательности, ума и знанія, пріобрѣтеннаго наукою и опытомъ! О Россіи онъ говоритъ съ любовью, хотя не видно, чтобы онъ желалъ возвратиться въ нее» [1]). А что переживалъ въ эти годы Печеринъ, показываютъ слѣдующія строки изъ письма къ нему Никитенка, писанныя четыре года спустя; «Грустно было мнѣ читать тѣ строки вашего второго письма, гдѣ вы съ такою трогательною прелестью говорите о вашемъ печальномъ одиночествѣ. Кромѣ богатствъ ума, знанія, идей, вамъ природа дала еще другое великое богатство — богатство благороднаго, любящаго сердца, и я понимаю, какъ должно быть для васъ тяжело оставаться одинокимъ посреди всей этой роскоши и блеска».

XVI.

Въ одномъ изъ этихъ писемъ Никитенко говоритъ о себѣ, что единственное, что̀ уцѣлѣло въ злополучномъ крушеніи его надеждъ и стремленій, это — нѣкоторое мужество, «готовое между прочимъ безъ ропота пожать то, что посѣялъ».

Этимъ мужествомъ вполнѣ обладалъ Печеринъ. Тотчасъ по оставленіи ордена траппистовъ, ставъ свѣтскимъ католическимъ священникомъ, онъ взялъ мѣсто капеллана при одной изъ большихъ дублинскихъ больницъ — Mater misericordiae. Здѣсь прожилъ онъ до послѣдняго дня, утѣшая больныхъ евангельскимъ словомъ, въ кроткомъ самоотреченіи и съ яснымъ сознаніемъ міра и самого себя. Каково было это сознаніе, показываютъ слѣдующіе его стихи, написанные, несомнѣнно, въ началѣ 70-хъ годовъ [2]):

Прочь, о демонъ лучезарный,
Демонъ счастья и любви!
Искуситель-міръ коварный,
Вспять страдальца не зови!
Хитрая сирена-младость,
Давнихъ пѣсень мнѣ не пой!
Кровныхъ узъ святая сладость,
Мнѣ не внятенъ голосъ твой!

---

[1]) Ibid. 56.

[2]) Они были напечатаны Н. С. Тихонравовымъ въ *Рус. Стар.* за 1875 г.

Digitized by Google

За небесныя мечтанія
Я земную жизнь отдалъ,
И тяжелый крестъ изгнанія
Добровольно я подъялъ.
Подъ вѣнкомъ моимъ терновымъ,
Въ потѣ блѣднаго лица
Подвигъ трудный и суровый
Совершу я до конца.
И, какъ жертву примиренья,
Я принесть себя готовъ
На алтарь Твой всесожженья,
О превѣчная любовь!
Жизни бурной треволненья
Претерпѣвъ, о мой челнокъ!
Въ пристани уединенья
Пріютися одинокъ!
Слышь! отъ всѣхъ концовъ вселенной
Голосъ тайный вопіётъ:
„Все земное—прахъ! все—тлѣнно!
„Все, какъ дымъ, какъ тѣнь, пройдетъ!“
Этотъ вопль, повсюду слышный,
Къ намъ изъ рода въ родъ гремитъ:
Соломонъ въ чертогахъ пышныхъ
„Суета суетъ!“ гласитъ.
Карлъ, властитель величавый,
Блескомъ царскаго вѣнца
Утомленъ, отъ шума славы
Скрылся въ кельѣ чернеца.
Тяжкую сложивъ порфиру,
Саванъ смерти онъ надѣлъ,—
Взглядъ прощальный бросивъ міру,
Заживо себя отпѣлъ.

Я упоминалъ уже, что библіотека Печерина была въ половинѣ 80-хъ годовъ подарена, вѣроятно имъ самимъ, московскому университету. Она не велика—въ ней всего 183 названія. Просматривая ея каталогъ, нельзя догадаться, что она принадлежала католическому монаху: это—небольшая, но хорошо подобранная библіотека русскаго ученаго-лингвиста, человѣка просвѣщеннаго, интересующагося современной умственной жизнью Европы и освободительнымъ движеніемъ въ Россіи, любящаго поэзію. Сочиненій, касающихся католическаго богословія или католической церкви, здѣсь всего 4—5. Наибольшее число книгъ относится къ области языковѣдѣнія и классической литературы; первое мѣсто по количеству занимаютъ грамматики, хрестоматіи и словари персидскаго, санскритскаго, индусскаго, сирійскаго, еврейскаго, бенгальскаго и особенно арабскаго языка, которымъ, очевидно, всего больше зани-

Digitized by Google

мался Печеринъ въ 60-хъ годахъ: среди этихъ книгъ находятся двѣ каллиграфически написанныя имъ самимъ арабскія рукописи— переводъ евангелія отъ Матѳея на 190 страницахъ, и другая подъ заглавіемъ: Horae Arabicae, 1862 — 63, Dublini, на 115 листахъ. Второе по количеству мѣсто принадлежитъ многочисленнымъ изданіямъ греческихъ и римскихъ классиковъ, и здѣсь любопытно отмѣтить, что какъ разъ въ 60-е и 70-е годы Печеринъ пріобрѣтаетъ новыя, полныя изданія ихъ. Третье мѣсто занимаютъ русскія книги, *исключительно* (если не считать посмертнаго изданія сочиненій Пушкина) 1860—80 годовъ. Это по преимуществу заграничныя изданія; если возможно, что Герценъ и послѣ 1853 года продолжалъ присылать Печерину свои изданія, то «Записки» П. Долгорукова 1863 г., его же брюссельскій «Листокъ» 1862 г., «Впередъ» за 1876 г. и пр. Печеринъ выписывалъ, конечно, самъ. Мы находимъ здѣсь сочиненія Лермонтова, Достоевскаго, Писемскаго, «Войну и миръ», «Дымъ» Тургенева, пѣсни Рыбникова и пр., отдѣльные №№ «Рус. Арх.», «Вѣстн. Евр.» и «Отеч. Зап.» 1869—82 гг., даже Евангеліе по-русски именно 1862 г. и Библію того же года. Затѣмъ надо поставить небольшое собраніе европейскихъ поэтовъ: Гейне, Шиллера, Гете, Тассо, Аріосто, Данте, Камоэнса и пр., всѣ въ подлинникахъ, и небольшую же группу книгъ, особенно характерную для умонастроенія Печерина въ послѣдній періодъ его жизни: Бюхнеръ, Фейербахъ, Ренанъ и Штраусъ 1861—1876 гг.

У насъ такъ мало свѣдѣній, по которымъ мы могли бы судить о міровоззрѣніи Печерина въ эти годы, что мы не должны пренебрегать и такими сухими статистическими данными. Мы уподобляемся пушкинской Татьянѣ въ кабинетѣ Онѣгина — послѣдуемъ же и дальше ея примѣру: какъ Онѣгинъ—и Печеринъ имѣли привычку читать съ карандашомъ въ рукѣ, и «вездѣ его душа

Себя невольно выражаетъ
То краткимъ словомъ, то крестомъ,
То вопросительнымъ крючкомъ.

Вотъ сборникъ посмертныхъ статей Герцена 1870 г. Печеринъ подчеркиваетъ слова Герцена о Чичеринѣ: «онъ считалъ правительство гораздо выше общества и его стремленій», и на полѣ своимъ красивымъ, четкимъ почеркомъ приписываетъ: «А можетъ быть и правда». Противъ разсказа о революціонной дѣятельности Бакунина въ 40-хъ годахъ, гдѣ Герценъ называетъ его одною изъ тѣхъ личностей, «мимо которыхъ не проходитъ ни современный міръ, ни исторія», Печеринъ, подчеркнувъ эти слова, пишетъ сбоку: «А много ли объ немъ останется въ исторіи?» Въ четвер-

Digitized by Google

той части «Былого и Думъ» 1866 г. онъ подчеркиваетъ слова Герцена (по поводу вліянія Маццини на итальянскій народъ): «Не разумъ, не логика ведетъ народы, а вѣра, любовь и ненависть», и дѣлаетъ къ этимъ словамъ выноску: «Не чистымъ разумомъ живутъ народы, а святыми преданіями, баснями—зачѣмъ же вы это забываете, Герценъ?» Онъ подчеркиваетъ у Гейне (1869) стихъ: Meinem eignen Stern vertrauend—онъ самъ такъ долго вѣрилъ въ свою звѣзду! Противъ словъ: eine welterlösende Idee онъ саркастически ставитъ два восклицательныхъ знака, онъ отмѣчаетъ слова: Denn nicht der Muth, sondern die Geduld regiert die Welt, и подчеркиваетъ стихи: Suchte ich die Zeit zu tödten mit Gedanken. Въ «Кто виноватъ» онъ отмѣчаетъ слова Дмитрія Яковлевича (ч. II, гл. 4), сказанныя точно о немъ: «Просто сердцу и уму противно согласиться въ возможности того, чтобъ прекрасныя силы и стремленія давались людямъ для того, чтобы онѣ разъѣдали ихъ собственную грудь», какъ и аналогичныя двѣ строки нѣсколько выше.

Но всего характернѣе тѣ отмѣтки, которыя даютъ понятіе о томъ, какъ онъ теперь относился къ революціонному періоду своей жизни, къ тѣмъ годамъ, когда «его звѣзда вела его въ Парижъ». Онъ съ явнымъ сочувствіемъ читалъ у Герцена ѣдкую характеристику «хористовъ революціи», революціонной толпы, усваивающей лишь риторическую сторону движенія, людей «съ огромными притязаніями, но безъ выдержки и силы на трудъ»: эти слова онъ подчеркнулъ, какъ въ другомъ мѣстѣ подчеркнулъ слова: «желаніе сильныхъ страстей, громкихъ дѣлъ», и въ «Кто виноватъ» 1859 г. слова: «Нельзя, да и не нужно всѣмъ выступать на первый планъ», и ниже: «Наша жажда видныхъ и громкихъ общественныхъ положеній показываетъ великое несовершеннолѣтіе наше». Очевидно, отъ тѣхъ лѣтъ онъ сохранилъ глубокое отвращеніе къ французамъ: онъ подчеркиваетъ всѣ строки, гдѣ Герценъ бичуетъ фразерство французовъ, ихъ пустоту и любовь къ эффектамъ. Въ томъ мѣстѣ «Посмертн. статей», гдѣ Герценъ разсказываетъ о своемъ свиданіи съ Ледрю-Ролленомъ, увѣрявшимъ его, что Парижъ совершенно готовъ и революція уже все равно что сдѣлана — la révolution est faite: c'est clair comme bonjour, Печеринъ противъ этихъ словъ приписалъ: «о, шарлатанъ!» Онъ отмѣчаетъ сбоку всю длинную тираду Герцена о національномъ характерѣ французовъ въ Alpendrücken (X, 83) и внутри ея подчеркиваетъ: «они идутъ отъ словъ къ словамъ», «громадныя стремленія безъ возможныхъ средствъ и ясныхъ цѣлей», «напыщенная и дутая риторика»; въ 37-й гл. «Былого и Думъ» онъ отчеркиваетъ такую же характеристику французовъ-революціонеровъ: «Ломанье, хвастовство и привычка къ фразѣ до та-

Digitized by Google

кой степени проникли въ кровь и плоть ихъ, что люди гибли, платили жизнію изъ-за актерства, и жертва ихъ все-таки была *ложь*». Въ одной книгѣ, изданной въ 1871 г., онъ къ слову приписалъ на полѣ: «Deutsche Wissenschaft und deutsche Waffen haben Gott sei Dank Frankreich gedemüthigt!»

Чрезвычайно любопытны, какъ и легко себѣ представить, помѣтки Печерина на его экземплярѣ «Kraft und Stoff» Бюхнера (14-е изд., 1876 г.). Уже подъ первымъ предисловіемъ онъ написалъ:

Mit Worten lässt sich herrlich streiten,
Mit Worten ein System bereiten,
An Worte lässt sich trefflich glauben,
Vom Worte darf man kein jota rauben.

Однако онъ читалъ эту книгу очень внимательно, многое подчеркивалъ и часто дѣлалъ въ ней помѣтки на поляхъ. Тамъ, гдѣ Бюхнеръ говоритъ о мозгѣ, какъ «мѣстопребываніи души», онъ приписалъ: «Wo ist die Seele meiner Uhr?» Гдѣ идетъ рѣчь о невозможности, съ естественно-научной точки зрѣнія, личнаго безсмертія, онъ замѣчаетъ: «Contradictio in terminis. Was persönlich ist, ist notwendigerweise beschränkt in Raum und Zeit»; противъ словъ Бюхнера о томъ, что во время сна душа человѣка въ подлинномъ смыслѣ слова уничтожается, онъ пишетъ на полѣ: «aber die Träume?»; въ другихъ мѣстахъ онъ ограничивается ироническимъ parla come un dio или Kauderwelsch, и т. п. Но, быть можетъ, всего характернѣе помѣтки Печерина на поляхъ дневника, веденнаго во время Ватиканскаго собора 1870 года знаменитымъ богословомъ Фридрихомъ, ярымъ противникомъ куріи и папскихъ притязаній. Надо помнить, что догматы, провозглашенные на этомъ соборѣ (непогрѣшимости папы и непорочнаго зачатія), были впервые и съ большой силою выставлены какъ разъ основателемъ того ордена, къ которому столько лѣтъ принадлежалъ Печеринъ, и внесены имъ, какъ мы видѣли, въ уставъ ордена. Помѣтки Печерина на дневникѣ Фридриха дышатъ горячей ненавистью ко всему папскому режиму, отвращеніемъ къ своекорыстію куріи и къ лживости, раболѣпію, невѣжеству съѣхавшихся въ Римъ прелатовъ; онъ съ явнымъ сочувствіемъ отмѣчаетъ всѣ такія наблюденія Фридриха, всѣ его доводы противъ провозглашенія тѣхъ догматовъ, и испещряетъ поля книги восклицаніями въ родѣ: «ловушка!», «quid est veritas?», «le fanatique!», «propos de vieille femme», «sic volo, sic jubeo» (объ авторитетѣ папы), и т. п. По поводу словъ Пія IX: «Le tradizione son io», онъ пишетъ: «L'état c'est moi! et après—1789 et 1792»; по поводу словъ Фридриха, что католическая церковь оскудѣла сильными характе-

Digitized by Google

рами, онъ замѣчаетъ: «Zeichen des Verfalls»; когда рѣчь заходитъ о богословскихъ семинаріяхъ, онъ заявляетъ: «il est temps d'en finir avec la théologie»; упоминается ли въ текстѣ папа Гонорій II, онъ характеризуетъ его словами: «der alte Narr!» Въ одномъ мѣстѣ Фридрихъ приводитъ длинную цитату изъ одного итальянскаго богословскаго трактата, ратовавшаго за признаніе папской непогрѣшимости, и всю ее Печеринъ комментируетъ помѣтками въ родѣ: «stupid child», «rhetoric!», «che rivoluzioni ha impedito il papa?» (авторъ доказывалъ, что усиленіе авторитета папы дастъ послѣднему возможность еще успѣшнѣе, чѣмъ донынѣ, предупреждать революціи). Одинъ нѣмецкій епископъ, принадлежавшій къ оппозиціи, предвидя свое неизбѣжное отлученіе, сокрушался только о томъ, что будетъ съ его діоцезой,—Печеринъ замѣчаетъ: «qu'elle aille au diable!» Тамъ, гдѣ Фридрихъ говоритъ, что, можетъ быть, нигдѣ въ христіанскомъ мірѣ чувство права и справедливости не развито меньше, чѣмъ въ Римѣ и папской области, Печеринъ пишетъ на полѣ: «verissime!» [1]) и т. д., и т. д.

Просматривая всѣ эти помѣтки, несомнѣнно принадлежащія рукѣ Печерина (его почеркъ легко узнать среди многихъ), конечно никто не сказалъ бы, что ихъ писалъ убѣжденный католическій священникъ; онѣ заставляютъ думать, что и въ началѣ своего монашества Печеринъ вовсе не усвоилъ «всѣхъ предразсудковъ своего званія», какъ утверждалъ Чижовъ. И здѣсь, и въ составѣ своей библіотеки, и въ своихъ письмахъ къ Герцену, и въ приведенныхъ выше стихотвореніяхъ онъ является просто широко-просвѣщеннымъ человѣкомъ и идеалистомъ чистой воды. Можно удивляться тому, что 23 года католической жизни и монашеской практики не искалѣчили его души и точно безъ слѣда прошли надъ нею. Но онъ и вообще представляетъ собою рѣдкій образецъ неизмѣнчивости характера — не только въ основѣ, въ своемъ упорномъ до конца исканіи «красы небесной», но и въ мелочахъ: его послѣднія стихотворенія, на разстояніи 30—40 лѣтъ, написаны тѣмъ же размѣромъ, какимъ онъ въ юности переводилъ шиллеровское «Желаніе лучшаго міра», и въ нихъ, уже старикомъ, онъ безпрестанно возвращается мыслью къ той звѣздѣ, о которой онъ когда-то писалъ Строгонову и Чижову.

Выше уже было упомянуто письмо Печерина 1871 года о классическомъ образованіи. Умное, полное изящнаго остроумія, написанное тѣмъ блестящимъ литературнымъ языкомъ, которымъ

---

[1]) Надо замѣтить, что, по сообщенію procuratore римскаго отдѣла ордена редемптористовъ, Печеринъ однажды короткое время былъ въ Римѣ.

Digitized by Google

Печеринъ мастерски владѣлъ и спустя 35 лѣтъ послѣ оставленія Россіи, оно любопытно, какъ свидѣтельство перемѣны, происшедшей во взглядахъ Печерина. Если Герценъ въ 1869 году не написалъ бы тѣхъ своихъ строкъ о единоспасающей силѣ технологіи и химіи, если подъ конецъ жизни онъ возлагалъ всѣ свои надежды на «проповѣдь», то Печеринъ, наоборотъ, кончилъ примиреніемъ съ духомъ вѣка, признаніемъ цѣнности матеріальнаго прогресса. «Ты очень мѣтко назвалъ себя *аскетомъ труда*, — пишетъ онъ: — въ этихъ словахъ заключается вся суть современнаго міра, да этимъ же разрѣшается вопросъ между классиками и реалистами. Отъ классицизма все какъ-то пахнетъ монастыремъ, душною кельею, книжнымъ ученьемъ, словопреніемъ, а отъ реализма вѣетъ свѣжій, утренній вѣтерокъ пробуждающейся новой жизни». Теперь онъ иначе смотрѣлъ и на Россію: онъ оставался при старомъ убѣжденіи о практичности русскаго народа, но уже не осуждалъ ея. Въ своихъ воспоминаніяхъ о баронессѣ Розенкампфъ, писанныхъ въ 1869 году, онъ спрашиваетъ себя, почему русскимъ не дается наука, и отвѣчаетъ: потому, что правительство въ своихъ просвѣтительныхъ начинаніяхъ идетъ наперекоръ народному духу: «Для русскаго свѣжаго, практическаго народа надо бы преподаваніе ограничить предметами первой необходимости, практически-полезными для государственной жизни, напр., восточными языками, науками физико-математическими, медициною... Россія вмѣстѣ съ Соединенными Штатами начинаетъ новый циклъ въ исторіи; такъ изъ чего же ей съ особеннымъ терпѣніемъ и любовью рыться въ какихъ-нибудь греческихъ, римскихъ, вавилонскихъ или ниневійскихъ развалинахъ! Она, пожалуй, сама сумѣетъ подготовить матеріалы для будущихъ археологовъ и филологовъ». Въ письмѣ о классицизмѣ онъ возвращается къ этому замѣчанію и картинно изображаетъ, какъ нѣкій будущій филологъ обезсмертитъ себя, поставитъ *ѣ* вмѣсто *е* въ древней рукописи Пушкина: Vir doctissimus et illustrissimus N. N., verum reipublicae litterarum decus, eo quo pollet ingenii acumine, pro *e*, quod librariorum incuria irrepserat, nunc demum, Minerva afflante, *ѣ* feliciter restituit. Vide Annot. ad *Puchkinii Opera omnia*. Editio nova et acuta, e Codice Mosquiensi vetustissimo adornata, notis variarum et indice copiosissimo instructa. Lipsiae. Apud Teufesdreckium. A. D. 2871.

Характерны еще въ устахъ католическаго священника слѣдующія строки о мнимой полезности классическаго образованія въ борьбѣ съ нигилизмомъ: указавъ на Германію, гдѣ всего больше изучали классиковъ и гдѣ все-таки явились и Штраусъ, и Фейербахъ, Печеринъ говоритъ: «Все это сущій вздоръ! Вы напрасно

Digitized by Google

хлопочете, господа: ходъ ума человѣческаго затормозить нельзя. Еще прежде васъ римская церковь попыталась было пріостановить круговращеніе земли, объявивши его опаснымъ для вѣры и добрыхъ правовъ; но на зло имъ земля все-таки вращается на своей оси... Eppur si muove!» [1])

XVII.

А годы шли, настала старость: Печеринъ приближался къ семидесяти годамъ. Все дальше уходила земная жизнь и одна за другою обрывались послѣднія нити, связывавшія его съ міромъ: умеръ отецъ, прекратилась переписка съ Никитенкой, умеръ и Поярковъ. Только съ Чижовымъ Печеринъ, повидимому, поддерживалъ еще дѣятельную переписку. Среди его бумагъ сохранилось стихотвореніе, написанное 4 мая 1875 года: оно поразитъ читателя. Эти строки писалъ человѣкъ, отрѣшившійся отъ всего земного, точно плоть его сдѣлалась эѳирной, поднявшійся до крайней грани, гдѣ уже нѣтъ ни раскаянія, ни желанія, ни страха,— почти безплотный духъ, легкій, свѣтлый и радостный.

Чижову.

Легкое поднявъ вѣтрило,
Въ утломъ челнокѣ одинъ
Я плыву, о другъ мой милый,
Вдоль таинственныхъ пучинъ.
Волны плещутъ предо мною,
Солнце надъ главой блеститъ,
И, качаемый волною,
Быстро мой челнокъ летитъ.
Въ отуманенное море
Бросилъ я свою ладью,
На привольи, на просторѣ
Беззаботно я пою:
Eh! vogue ma nacelle!
O doux zéphyr, sois moi fidèle!
Espérance!
Confiance!—
Le refrain
Du pèlerin.

Наконецъ, въ ноябрѣ 1877 года умеръ и Чижовъ; въ кожаной папкѣ Печерина лежитъ его послѣднее письмо къ Чижову отъ 23 января н. ст. 1878 г. съ почтовой помѣткою о возвра-

[1]) Цитирую по *Матеріаламъ* проф. Боброва, т. I, стр. 170.

Digitized by Google

щеніи въ Дублинъ за смертью адресата. «Наконецъ всякому терпѣнію есть конецъ,—пишетъ Печеринъ. — Скажи, ради Бога, что сталось съ тобою, любезный Чижовъ. Твое послѣднее письмо лежитъ у меня на столѣ. Оно отъ 10-го октября, а теперь по-вашему 11-е января, стало быть цѣлыхъ три мѣсяца. Ты никогда не оставлялъ меня такъ долго безъ отзыва. Что же это значитъ? Если ты такъ сильно боленъ, что писать не можешь, то ты могъ бы увѣдомить меня черезъ какое-нибудь третье лицо. Не забудь, что ты единственная и послѣдняя нить, связывающая меня съ Россіею,—если она порвется, то все прощай. Въ крайнемъ недоумѣніи, не зная ни какъ, ни что, я больше писать не могу и съ нетерпѣніемъ буду ожидать отвѣта. Твой В. Печеринъ».

Это — послѣднее, что̀ мы знаемъ изъ жизни Печерина. Онъ умеръ въ госпиталѣ Mater misericordiae 5—17 апрѣля 1885 года, семидесяти восьми лѣтъ отъ роду [1]).

Когда-нибудь, несомнѣнно, будетъ написана полная его біографія по-русски, потому что память о немъ не можетъ умереть; мнѣ же было радостью вглядываться въ его свѣтлый образъ и разсказывать о небесной мечтѣ, за которую онъ отдалъ свою земную жизнь.

М. Гершензонъ.

---

[1]) Эта статья была уже окончена, когда мы получили отъ голландскихъ и ирландскихъ редемптористовъ точную дату дня рожденія Печерина: онъ родился 15 іюня 1807 года, по однимъ свѣдѣніямъ—въ Кіевѣ, по хроникѣ Mount St. Alphonsus—въ Одессѣ. Пользуюсь случаемъ сообщить здѣсь и другія поправки къ первой части біографіи П.—„Лингвистъ“, о которомъ говоритъ Никитенко и котораго я тамъ отождествлялъ съ Печеринымъ, повидимому—не Печеринъ, какъ показываетъ запись у Никитенка подъ 19 іюня 1845 г. Далѣе, вотъ дополнительныя свѣдѣнія о службѣ П. въ московскомъ университетѣ. Въ „Отчетѣ“ этого университета за 1835 г. сказано: „И. д. э.-о. проф. В. Печеринъ (преподаетъ греч. словесность и древности) рязанской губ., изъ дворянъ, 28 лѣтъ, исправляетъ должность съ 7 авг. 1835 г.; жалованья 2000 руб. (ассигн.)“. Въ „Отчетѣ“ за 1836 г. сказано: „Г. Печеринъ студентамъ 2 и 3 курсовъ. по 3 часа въ недѣлю, объяснялъ происхожденіе и духъ поэмъ Гомера и читалъ съ комментаріями Одиссею“—а въ выноскѣ къ этимъ строкамъ прибавлено: „Г. Печеринъ началъ преподаваніе съ Января 1836 г. студентамъ 2 и 3 курса, и по окончаніи академическаго года уволенъ былъ съ Высочайшаго соизволенія за границу въ Берлинъ на 4 мѣсяца, но до сего времени въ университетъ не явился, о чемъ донесено высшему начальству“. Жалованье въ этомъ отчетѣ показано 3500 р. и 400 квартирныхъ денегъ.

Digitized by Google

Два правовыхъ идеала[1]).

Счастіе и міръ, равенство и братство, свободная личность и свободное общество—не объ этомъ ли думаемъ мы обыкновенно, когда произносимъ эти слова: правовой идеалъ? Не объ этомъ ли издавна думали и мечтали всѣ, которые обращали свой взоръ къ тому, чего нѣтъ еще въ жизни, но что должно быть въ ней?

Когда, утомленные тяжелыми условіями общественной жизни, утомленные зрѣлищемъ раздора, несправедливости и вражды, мы обращаемся мыслью къ лучшимъ чаяніямъ нашего духа, передъ нами рисуются свѣтлые образы общественной гармоніи, согласія и мира. И каждый разъ эти свѣтлыя мечты, подобно крыльямъ, поднимаютъ духъ нашъ надъ несовершенной дѣйствительностью и заставляютъ смотрѣть впередъ, идти навстрѣчу новымъ и лучшимъ формамъ жизни.

Но какъ идти и къ чему стремиться? Лишь только мы начинаемъ думать объ этомъ, какъ передъ нами встаютъ различные пути и задачи. Какъ разгадать этотъ сфинксъ, который представляетъ будущее, какъ найти путь, который велъ бы несомнѣнно къ цѣли? Какъ разрѣшить сложную проблему соглашенія общественныхъ противорѣчій и примирить постоянную борьбу интересовъ, стремленій и страстей? Сколь бы ни были однако различны и противоположны тѣ многочисленные отвѣты, которые даются на этотъ вопросъ, мнѣ кажется, всѣ ихъ можно подвести подъ два опредѣленныхъ типа. Въ соотвѣтствіи съ этимъ мы можемъ намѣтить два основныхъ способа созидать проекты лучшаго будущаго. Первый типъ, первый способъ основанъ на предположеніи, что желанная гармонія душъ и полная солидарность стремленій можетъ быть достигнута въ небольшихъ и замкнутыхъ союзахъ, которые ставятъ своею цѣлью идеалъ счастливаго устроенія немногихъ. Достигнуть этой цѣли—устроить счастіе немногихъ—кажется не только болѣе доступнымъ, но и единственно возможнымъ. И вотъ тѣ, которые такъ

---

[1]) Публичная лекція, читанная въ Москвѣ 6 ноября. Печатается съ дополненіями.

Digitized by Google

думаютъ, мечтаютъ о небольшихъ и интимныхъ союзахъ, о тѣсныхъ и солидарныхъ братствахъ, о счастливыхъ колоніяхъ и замкнутыхъ государствахъ, которые строго поддерживаютъ установленную гармонію, и, оградивъ себя отъ всякихъ внѣшнихъ и чуждыхъ вліяній, остаются вѣрными своему первоначальному духу.

Совершенно иныя основанія имѣетъ другой способъ идеальныхъ построеній. Не близкая гармонія достигнутаго блаженства *немногихъ*, а отдаленный и трудный идеалъ нравственнаго объединенія *всѣхъ* является его цѣлью. Союзъ всемірнаго гражданства на почвѣ всеобщаго права—такъ опредѣляетъ Кантъ основныя черты этого правового идеала. Пока это общечеловѣческое и всемірное объединеніе не будетъ достигнуто, всякое состояніе мира и права можетъ считаться лишь временнымъ, а не постояннымъ и прочнымъ.

Мы высказываемъ эту идею и тотчасъ же чувствуемъ, сколь абстрактной, утопической и далекой можетъ она показаться съ перваго раза. Позвольте же мнѣ разъяснить вамъ, что, напротивъ, она вполнѣ конкретна, въ высшей степени практична и чрезвычайно близка къ самымъ насущнымъ нашимъ задачамъ и нуждамъ, что какъ разъ, наоборотъ, мысль о возможности счастливаго и прочнаго устроенія немногихъ есть не болѣе какъ утопія, которая при извѣстныхъ обстоятельствахъ можетъ служить скорѣе препятствіемъ къ разрѣшенію соціальнаго вопроса, чѣмъ путемъ къ нему. Для того, чтобы въ этомъ убѣдиться, войдемъ въ болѣе подробное обсужденіе двухъ намѣченныхъ правовыхъ идеаловъ.

I.

Идеалъ счастливаго устроенія немногихъ! Какъ часто останавливаются на этомъ тѣ, которые приходятъ въ отчаяніе отъ общаго хода человѣческой жизни, отъ необъятнаго моря человѣческихъ бѣдствій и несовершенствъ. Предполагаютъ возможнымъ: если уже нельзя передѣлать и спасти всѣхъ, такъ спасти хоть нѣкоторыхъ, хоть немногихъ. Не такъ давно въ поэтической формѣ эта мысль была выражена въ одномъ англійскомъ романѣ. Героиня—женщина съ страстнымъ и горячимъ желаніемъ найти выходъ изъ общественныхъ бѣдствій,—послѣ опытовъ и исканій на этомъ пути приходитъ къ заключенію, что нельзя облагодѣтельствовать и устроить всѣхъ—предъ нами неисчерпаемое море, цѣлый потопъ страданій и бѣдствій, которыхъ нѣтъ возможности залѣчить и утѣшить. Но если это невозможно, заключаетъ она, пусть хоть кто-нибудь будетъ счастливъ, пусть хоть гдѣ-нибудь расцвѣтаютъ цвѣты, царитъ красота и идетъ прекрасная человѣческая жизнь! Это выводъ не но-

Digitized by Google

вый—за много вѣковъ до насъ онъ былъ классически намѣченъ Платономъ и послѣ того не разъ повторенъ и въ теоретическихъ построеніяхъ, и въ практическихъ попыткахъ. Сущность этихъ построеній и попытокъ я могъ бы выразить такъ: предполагается возможнымъ разрѣшить соціальный вопросъ, создавъ для этого особую подходящую обстановку. Не въ существующемъ обществѣ, какъ оно есть, не среди его грѣховъ и соблазновъ, а уйдя отъ него и замкнувшись, создавъ свою особую гармоничную жизнь,—вотъ какъ предполагается осуществить идеалъ совершеннаго общества. Большей частью для этой цѣли предполагается какой-либо лучшій край, какой-либо чудесный и отдаленный островъ, избирается мѣсто особенно благопріятное за тридевять земель отъ окружающихъ несовершенствъ,—новая земля для новыхъ людей! Какъ часто, начиная съ Платона, мечтали о такихъ счастливыхъ островахъ и колоніяхъ прекрасныхъ душъ, о замкнутыхъ государствахъ; и не только мечтали, но пытались осуществить на практикѣ: стоитъ лишь вспомнить проектъ блаженной Икаріи, опыты учрежденія фаланстеръ, братство сенсимонистовъ. Иногда съ этимъ сочетается мысль объ опрощеніи жизни, о бѣгствѣ отъ культуры, о приближеніи къ естественному быту, и тогда возникаютъ проекты и опыты робинзонадъ, въ родѣ нашихъ земледѣльческихъ колоній въ духѣ Толстого.

Разрѣшеніе соціальнаго вопроса кажется тутъ легкимъ и простымъ: вмѣсто того чтобы дожидаться, пока разовьются массы, пока просвѣщеніе проникнетъ повсюду, пока измѣнятся всѣ люди, взять немногихъ счастливыхъ избранниковъ судьбы и примѣромъ ихъ образцовой жизни показать, чего люди могутъ достигнуть, если они захотятъ слѣдовать опредѣленному плану жизни.

Нельзя не сказать, что такіе планы блаженнаго существованія отвѣчаютъ нѣкоторой глубокой потребности человѣческой природы: человѣку хочется хотя бы въ мысли и въ мечтѣ имѣть конкретный образъ достигнутаго блаженства и спокойной гармоніи душъ. Хочется имѣть гдѣ-нибудь хотя бы уголокъ счастія, хочется опредѣленной картины будущаго, тихой пристани жизненныхъ исканій и странствій. Всѣ эти желанія и представленія вытекаютъ изъ глубоко-коренящейся въ человѣческой природѣ потребности счастія. Жизнь человѣческая по существу есть трагизмъ, вѣчная борьба духа съ самимъ собою, какъ говорилъ Гегель; а душѣ нашей присуща склонность къ идилліямъ, къ моментамъ спокойствія и остановки въ жизненной борьбѣ. И невольно хочется задержать эти прекрасные моменты отдыха и счастія, сдѣлать ихъ длительнымъ состояніемъ, общимъ правиломъ, постояннымъ закономъ жизни, личной и общественной. Но возможно ли это? Коварный и проницатель-

Digitized by Google

ный спутникъ Фауста не былъ ли правъ, когда предупреждалъ его подумать прежде, чѣмъ сказать преходящему мгновенію:

Прекрасно ты! Остановись!

Мы обдумываемъ эти идеалы счастливыхъ колоній и приходимъ къ заключенію, что всѣ подобныя попытки осуществить острова счастія среди моря человѣческихъ невзгодъ не болѣе, какъ утопіи. Это—утопіи уединеннаго блаженства, не осуществимыя на практикѣ и нежелательныя въ принципѣ. Роковой недостатокъ всѣхъ такихъ проектовъ, если ихъ проводить послѣдовательно и до конца, это—замкнутость, исключительность жизни. Для того, чтобы устроиться хорошо и счастливо не въ примѣръ другимъ, надо отдѣлиться отъ этихъ другихъ и замкнуться въ себѣ, надо создать свою особую и самобытную жизнь; иначе и въ этотъ счастливый уголокъ земли вторгнутся несовершенства міра, людскіе недостатки; иначе чужія бѣдствія сольются съ этимъ счастіемъ и затуманятъ ясные горизонты счастливой земли. И совершенно послѣдовательно авторы подобныхъ проектовъ проповѣдуютъ полное обособленіе отъ прочаго міра. Тогда спасеніе будетъ достигнуто, и счастіе станетъ прочнымъ. Подобно Платону и Фихте, они даютъ проекты уединенныхъ колоній и замкнутыхъ государствъ, разобщенныхъ съ прочимъ міромъ и пытающихся именно на почвѣ этой замкнутости и разобщенности устроить свой счастливый бытъ.

Но тщетная мечта! Каждый разъ, убѣгая отъ міра, несутъ его съ собою и въ себѣ. Или же онъ приходитъ, наплываетъ на этихъ немногихъ счастливцевъ, чтобы смѣшать и спутать ихъ планы и предположенія. Какъ часто дѣлались практическія попытки осуществить такіе планы; достаточно вспомнить, что однихъ опытовъ учрежденія фаланстеръ по плану Фурье и его учениковъ было около сорока, и каждый разъ всѣ подобныя начинанія кончались однимъ и тѣмъ же: внутренними разногласіями и распаденіемъ этихъ первоначально дружныхъ обществъ и братствъ. Очевидно, уйти на прекрасный островъ, создать уединенную колонію прекрасныхъ душъ, это — химера, которая самымъ замысломъ своимъ осуждена на безплодность. Дѣло въ томъ, что не только должно, но и можно спасти только всѣхъ. Только тотъ идеальный типъ общественнаго устройства можетъ считаться окончательнымъ и предѣльнымъ, который хочетъ дать выходъ и надежду всѣмъ труждающимся и обремененнымъ, и только на этой основѣ можно строить свой общественный идеалъ.

Мы сослались на практику жизни, которая столько разъ безжалостно разрушала самые прекрасные планы счастливаго устроенія

Digitized by Google

немногихъ. Но практика жизни сама по себѣ не доказательство. Часто она идетъ наперекоръ нашимъ нравственнымъ идеаламъ, и тѣмъ не менѣе мы утверждаемъ ихъ самобытную силу, вопреки всякимъ практическимъ доводамъ и указаніямъ. Для того, чтобы обнаружить дѣйствительную несостоятельность какихъ-либо идеальныхъ построеній, надо войти въ ихъ принципіальное обсужденіе, и тогда самый ихъ практическій неуспѣхъ станетъ для насъ яснымъ и понятнымъ.

Я думаю, намъ удастся уяснить себѣ полную невозможность утопій гармонической жизни, если мы обратимъ вниманіе на то, что проекты этого рода, вмѣстѣ съ обѣщанной ими гармоніей, несутъ съ собою духъ принудительнаго сектантства и упорнаго консерватизма. Ставя цѣлью своей осуществить нѣкоторый разсудочно-задуманный и логически-стройный планъ, эти проекты требуютъ отъ человѣческой природы болѣе, чѣмъ она можетъ дать: они требуютъ такой стройности, такой согласованности общественной жизни, при которой живая человѣческая личность приносится въ жертву абстрактному плану.

Въ самомъ дѣлѣ, какъ ни заманчиво звучитъ это обѣщаніе провести гармонизацію жизни, осуществить хотя бы въ маломъ размѣрѣ солидарность и дружескую близость людей, мы не должны забывать, что никогда это не можетъ быть достигнуто безъ ущерба для самаго дорогого изъ общественныхъ благъ, какимъ является свобода. Что иное можетъ означать осуществленная гармонія и неизмѣнная солидарность душъ, какъ не тягостное насиліе надъ человѣческой свободой? Одно изъ двухъ: или гармонія, или свобода; или принудительный режимъ полнаго согласія, въ которомъ противорѣчія и различія стерты и уничтожены, въ которомъ неожиданныя осложненія первоначальнаго плана заранѣе преграждены; или свободный путь для широкаго проявленія всякихъ новыхъ возможностей и творческихъ силъ, свободная почва для всякихъ противорѣчій и конфликтовъ, на которыхъ зрѣетъ и растетъ человѣческая личность. Въ какихъ бы яркихъ краскахъ ни рисовали намъ прекрасную гармонію идеальнаго общества, мы твердо знаемъ одно: въ своемъ осуществленіи гармонія эта неизбѣжно превратится въ принудительную задержку личнаго развитія, въ вынужденный режимъ внѣшняго согласія. Иначе не можетъ быть тамъ, гдѣ исчезаетъ внутреннее единство душъ; а оно непремѣнно исчезаетъ, если только отдѣльныя лица развиваются и растутъ, если они идутъ самобытными и оригинальными путями, прокладываютъ новые пути. Въ этомъ—жизнь, въ этомъ—законъ жизни. Въ свободномъ движеніи, въ разнообразіи человѣческихъ силъ проявляется животво-

Digitized by Google

рящій духъ исторіи, духъ развитія и прогресса. И все это хотятъ замѣнить принудительной гармоніей, вынужденной вѣрностью установленному плану! Герценъ очень мѣтко отозвался въ свое время о планахъ фурьеристовъ: «Въ широкомъ, свѣтломъ фаланстерѣ ихъ тѣсновато: это устройство одной стороны жизни, другимъ неловко». Но не то же ли слѣдуетъ сказать о всѣхъ союзахъ подобнаго рода, все равно будетъ ли это небольшая колонія въ 5040 гражданъ, какъ проектировалъ Платонъ, или цѣлое замкнутое государство, образъ котораго пытался начертать Фихте?

Но, быть можетъ, ни одинъ изъ авторовъ подобныхъ построеній не чувствовалъ въ такой мѣрѣ, какъ Платонъ, всей шаткости того основанія, на которомъ онъ строилъ [1]). Онъ не видѣлъ другого выхода для рѣшенія соціальнаго вопроса; онъ думалъ, что единственная возможность правильной жизни открывается лишь для избранныхъ счастливцевъ, надлежащимъ образомъ воспитанныхъ и приспособленныхъ къ солидарной жизни въ обществѣ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ ясно сознавалъ, что, какъ ни удаляй людей отъ соблазновъ міра и отъ тлетворныхъ внѣшнихъ вліяній, все же остаются опасности внутреннія, которыя постоянно грозятъ установленной гармоніи жизни — измѣняющіяся воззрѣнія новыхъ поколѣній, пылкія стремленія молодежи, протесты массъ и, наконецъ, неподатливость человѣческой природы вообще, которую трудно удержать въ строго опредѣленныхъ рамкахъ. Все это — неизбѣжныя помѣхи для общаго согласія и единства. И что же дѣлаетъ Платонъ? Установивъ для гражданъ своего проектируемаго государства подробнѣйшіе законы, предусмотрѣвъ каждый шагъ ихъ жизни, онъ предлагаетъ организовать систему постоянныхъ увѣщаній и убѣжденій общества въ истинѣ основъ того государственнаго строя, который онъ хочетъ осуществить. Онъ предлагаетъ составить хоры, которые будутъ пѣть на разные лады гражданамъ, что добродѣтель и счастье неразлучны, что гражданинъ долженъ стремиться къ общему и не уклоняться отъ предначертаннаго пути. Пѣснопѣнія и славословія добродѣтели вѣчно раздаются въ этомъ обществѣ, даже старики участвуютъ въ этой задачѣ увѣщаній, какъ разсказчики поучительныхъ сагъ. Все это имѣетъ цѣлью внушить гражданамъ вѣрность опредѣленному духу, какъ бы загипнотизировать ихъ въ извѣстномъ направленіи и такимъ образомъ подчинить ихъ волю общему объединяющему всѣхъ режиму. Мы стараемся представить себѣ общественный бытъ, осуществленный по этому плану, и не можемъ не придти къ заключенію, что гармонія тутъ, можетъ быть,

---

[1]) Я имѣю здѣсь въ виду его позднѣйшій діалогъ „Законы“.

Digitized by Google

и достигнута, но зато жизнь исчезла: она смѣнилась какимъ-то заколдованнымъ сномъ спящаго царства, какимъ-то гипнозомъ добродѣтели — безразличіемъ замолкшихъ страстей и угасшихъ стремленій.

Таковъ результатъ, къ которому послѣдовательная и прозорливая мысль Платона привела его общественный идеалъ. Не менѣе любопытно средство Фихте, который, подобно Платону, не останавливался передъ тѣмъ, чтобы доводить исходное начало до его логическаго конца. Средство, надо сказать, ужасное, и я заранѣе спѣшу напомнить, что это было не болѣе какъ временное затменіе великаго ума. Достаточно извѣстно, что по всему облику своей горячей и страстной натуры знаменитый философъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и однимъ изъ величайшихъ проповѣдниковъ и пророковъ свободы. Проектъ, о которомъ я здѣсь говорю, былъ лишь мимолетнымъ увлеченіемъ этой вѣчно кипѣвшей мысли. Задумавъ начертать идеалъ гармоническаго общества, въ которомъ всѣ элементы должны пребывать въ полномъ и неизмѣнномъ равновѣсіи, Фихте встрѣчается съ вопросомъ: какъ устранить опасность нарушеній этого равновѣсія, какъ предотвратить непредусмотрѣнное проявленіе свободы, и, не колеблясь, онъ отвѣчаетъ на это системой широко организованнаго и бдительнаго полицейскаго надзора.

Каждый долженъ быть увѣренъ, что малѣйшее нарушеніе права будетъ непремѣнно наказано, и для этого слѣдуетъ учредить зоркій и неусыпный контроль государства надъ жизнью гражданъ. Полиція должна знать во всякую минуту дня и ночи, гдѣ находится и что дѣлаетъ каждый гражданинъ. Для облегченія ея задачи всѣ должны имѣть съ собою свои паспорты, по которымъ ихъ можно узнать. Главный источникъ зла въ современныхъ намъ обществахъ, говоритъ Фихте, заключается въ безпорядкѣ и въ невозможности установить настоящій порядокъ; въ обществѣ идеальномъ, напротивъ, все должно подчиняться порядку, все должно ходить по стрункѣ. Поэтому здѣсь нарушеніе права почти немыслимо. Государство устраняетъ отъ гражданъ всѣ неудобства и обезпечиваетъ каждому полученіе всѣхъ жизненныхъ благъ, на которыя онъ можетъ имѣть право, какъ человѣкъ [1]).

Эти выводы теоретической мысли знаменательны и важны. Въ свѣтѣ логической послѣдовательности многое становится яснымъ: разоблачаются обманчивые призраки, раскрываются ложные миражи. Выводы Платона и Фихте лучше всякихъ практическихъ

---

[1]) Цитирую по изложенію Чичерина, Исторія политическихъ ученій. Часть 3. Москва, 1874 г., стр. 434.

Digitized by Google

опытовъ убѣждаютъ насъ, что есть только два средства сохранить первоначальную гармонію общественнаго устройства: или гипнотическій сонъ мысли и чувства, или неусыпный полицейскій надзоръ надъ свободной жизнью. И не трудно предвидѣть, что на практикѣ придется скорѣе прибѣгнуть къ внѣшнимъ средствамъ полицейскаго принужденія, чѣмъ къ трудной системѣ нравственныхъ увѣщаній. Убѣдить всѣхъ быть вѣрными данному порядку, убѣдить ихъ не думать о другомъ, не искать новаго—для этого нужны сверхчеловѣческія усилія и способности. Лишь на время, подъ вліяніемъ порыва и воодушевленія, какая-нибудь группа лицъ можетъ увлечься планомъ предлагаемой жизни; но на временномъ порывѣ нельзя основать прочнаго устройства. Прошелъ первый энтузіазмъ, наступило охлажденіе, и все идетъ вразбродъ: это вѣчная исторія всѣхъ опытовъ подобнаго рода.

Самое страшное для этихъ опытовъ и проектовъ, что они не могутъ отвѣтить на вопросъ: осуществивъ извѣстное равновѣсіе общественныхъ силъ, какъ быть далѣе, какъ итти впередъ, какъ удовлетворить потребности прогресса? Ужели есть возможность предположить, что всѣ будутъ двигаться вмѣстѣ, нога въ ногу, не забѣгая другъ передъ другомъ, подобно солдатамъ въ военномъ строю? Но авторы утопій гармоническаго блаженства обыкновенно полагаютъ, что они открываютъ такой прекрасный бытъ, который можетъ держаться вѣчно. Передовыя по замыслу, эти утопіи оказываются въ высшей степени консервативными по существу: онѣ утверждаются на неподвижной основѣ. Бурный и широко разливающійся потокъ дѣйствительной жизни общества онѣ стремятся вдвинуть въ узкіе берега жизни придуманной и отвлеченной, поставить на пути плотины и преграды, остановить и успокоить то, что по существу предназначено къ вѣчному теченію и постоянному безпокойству.

И еще одно внутреннее противорѣчіе мы должны отмѣтить въ этихъ проектахъ. Если иногда они строятся и на демократической основѣ, по существу они являются аристократическими: къ лучшему жребію призываются здѣсь лишь немногіе; они выдѣляются, приподнимаются надъ остальнымъ человѣчествомъ; имъ достается въ удѣлъ счастливая доля и праведная жизнь; а остальные какъ хотятъ. Принципъ, на которомъ созидается здѣсь общеніе, самъ собою приводитъ къ духу аристократическаго сектантства, внушаетъ лицамъ, въ него входящимъ, мысль объ особомъ избранничествѣ, отдѣляетъ ихъ отъ другихъ, образуетъ особый сектантскій режимъ суроваго единомыслія, нетерпимость внутри и нетерпимость во внѣ. Этотъ духъ аристократическаго сектантства есть новое осужденіе подоб-

Digitized by Google

ныхъ плановъ. Здѣсь устраняется свободное и широкое отношеніе къ остальному міру, устраняется необходимое взаимодѣйствіе съ нимъ. Но всякое обособленное и обособляющееся существованіе обречено на то, что скоро изживетъ свой внутренній духъ и подвергнется опасности застоя.

Какой же выводъ сдѣлаемъ мы изъ всего этого? Не тотъ ли, что всякая попытка рѣшить соціальный вопросъ на почвѣ незыблемой гармоніи интересовъ и силъ есть не болѣе, какъ мечта, которая не только не ведетъ къ цѣли, а, напротивъ, уводитъ отъ нея? Это—прямая ошибка расчета, которая, къ сожалѣнію, не всегда остается только теоретическимъ недоразумѣніемъ, но не рѣдко создаетъ и практическія затрудненія. Сколь часто приходится считаться съ этимъ старымъ предразсудкомъ, будто каждый новый шагъ исторіи, каждая новая форма учрежденій и быта лишь тогда были бы желательны, если бы отъ нихъ можно было ждать всеобщаго удовлетворенія! Въ этомъ предразсудкѣ мы встрѣчаемъ ту же старую мысль о гармоніи, которая будто бы и можетъ, и должна достигаться каждой правильной формой быта. А между тѣмъ каждый новый шагъ исторіи, каждый новый успѣхъ правовыхъ формъ приноситъ съ собою новыя затрудненія и новые конфликты, и политикъ оцѣниваетъ прогрессъ въ правѣ не съ точки зрѣнія гармоніи, а съ точки зрѣнія свободы.

Мы подошли здѣсь къ тому разрѣшительному слову, къ тому лозунгу, который лежитъ въ основѣ второго изъ намѣченныхъ нами идеаловъ. Въ самомъ началѣ мы замѣтили, что опредѣляющую цѣль свою этотъ идеалъ относитъ въ безконечную даль. Посмотримъ же теперь, не представляетъ ли эта отдаленная цѣль, при ближайшемъ разсмотрѣніи, самую насущную и практическую нашу потребность? Ставить цѣль далеко впереди себя, въ безконечной перспективѣ движенія и прогресса, не окажется ли болѣе вѣрнымъ и практическимъ, чѣмъ искать ея вблизи, въ непосредственномъ удовлетвореніи элементарныхъ чувствъ и привычныхъ стремленій?

II.

Каждый правовой идеалъ, который строится въ предположеніи близкой гармоніи общественной жизни, обыкновенно отличается большой заботливостью въ разъясненіи всѣхъ подробностей и даже мелочей предполагаемаго строя. Для того чтобы сладить и сплотить воедино разрозненныя силы и создать изъ нихъ прочную и внутреннюю гармонію, очевидно, слѣдуетъ предусмотрѣть каждую подробность и предупредить каждую опасность. Надо дать картину

Digitized by Google

ясную и наглядную, чтобы убѣдить сомнѣвающихся, что такая гармонія вполнѣ возможна и осуществима.

Совершенно иной характеръ имѣютъ построенія другого рода, примѣръ которыхъ столь же отчетливо намѣченъ Кантомъ, сколько образецъ первыхъ классически предуказанъ Платономъ.

Прежде всего, вмѣсто подробной картины, которая могла бы успокоительно дѣйствовать на воображеніе, какъ ясный образъ достигнутаго блаженства, мы находимъ здѣсь лишь самыя скудныя и отвлеченныя черты. Это—двѣ-три идеи о братствѣ народовъ, о всемірно-гражданскомъ союзѣ, о необходимости всеобщаго права, и за всѣмъ этимъ лишь одно общее указаніе, выраженное съ тѣмъ спокойнымъ философскимъ сознаніемъ, которое дается углубленнымъ проникновеніемъ въ смыслъ вещей: только такое состояніе общества можно признать истинно-правомѣрнымъ, которое покоится на всеобщемъ признаніи права; всякое другое состояніе будетъ лишь временно-правомѣрнымъ. Вотъ и все болѣе существенное въ этомъ идеалѣ; далѣе слѣдуютъ второстепенныя и менѣе важныя черты. Но въ томъ немногомъ, что даютъ эти абстрактныя идеи, содержится гораздо болѣе, чѣмъ въ иныхъ конкретныхъ планахъ и подробнѣйшихъ разъясненіяхъ. Здѣсь нѣтъ картины законченнаго счастья, нѣтъ осуществленной гармоніи душъ, но зато даны вѣчныя предуказанія, намѣчающія путь для безконечныхъ стремленій. Это—идеалъ не только демократическій, но и вселенскій,—идеалъ общечеловѣческаго объединенія и всемірнаго равенства и гражданства.

Съ перваго раза этотъ идеалъ кажется такимъ далекимъ и непосильнымъ для человѣчества, привыкшаго ко всякимъ перегородкамъ и границамъ, сословнымъ, національнымъ, государственнымъ. Вмѣсто того, чтобы увлекать насъ заманчивой картиной достигнутаго и яснаго счастья немногихъ, онъ скорѣе отпугиваетъ какимъ-то безбрежнымъ, ускользающимъ отъ взоровъ и неяснымъ призракомъ нравственнаго объединенія всѣхъ.

Но мы начинаемъ обдумывать смыслъ этого идеала, который показался намъ безплотнымъ призракомъ, и убѣждаемся, что эта абстракція полна жизни, что тутъ открываются проспекты въ необозримую даль. Есть такія абстракціи, которыя представляютъ собою крылатыя идеи, вдохновенныя мечты, которыя по своему содержанію суть задачи огромной, вѣчной важности и безконечнаго значенія;—только по виду представляются онѣ абстрактными, а на самомъ дѣлѣ являются самыми конкретными и практическими требованіями жизни.

Въ самомъ дѣлѣ, если мы сравнимъ абстрактныя указанія Канта

Digitized by Google

съ конкретными образами хотя бы Платона, мы поймемъ, почему эти абстракціи такъ устойчивы, такъ прочны, такъ жизненны, а тѣ конкретные образы, напротивъ, такъ случайны, недолговѣчны и въ сущности отвлеченны. Чѣмъ заполняются всѣ подобныя конкретныя картины будущаго? Случайными желаніями и предположеніями ихъ авторовъ, отраженіемъ нуждъ ихъ эпохи. Продолживъ однѣ линіи жизни, совершенно измѣнивъ другія, присоединивъ къ нимъ третія, предполагаютъ создать живую картину будущаго. Но такое произвольное начертаніе грядущей судьбы общества, какъ бы ни было оно подчасъ художественно и конкретно, въ сущности остается совершенно абстрактнымъ и, такъ сказать, геометрическимъ. Личная мысль — самая геніальная, самая просвѣщенная — не въ силахъ предугадать конкретныхъ картинъ будущаго. То будущее, которое наступаетъ на смѣну знакомыхъ намъ образовъ и понятій, создается собирательной мыслью, коллективной работой массъ, тѣмъ загадочнымъ и сложнымъ творчествомъ жизни, въ которомъ сознательное перемѣшивается съ безсознательнымъ, должное и желательное съ возможнымъ и неизбѣжнымъ, предвидѣнное и привычное съ совершенно неожиданнымъ и необычнымъ.

Но если грядущее такъ неясно, если судьбы наши, судьбы нашего общества, судьбы всего человѣчества не въ нашей власти, одно зависитъ вполнѣ отъ насъ — это быть ясными въ нашемъ внутреннемъ мірѣ, въ нашихъ принципахъ, въ нашихъ представленіяхъ о должномъ. «Провидѣніе,—говоритъ Лор. Штейнъ,—скрыло будущее отъ взоровъ человѣка; масса другъ друга захватывающихъ обстоятельствъ, отъ которыхъ зависитъ конечный результатъ, необозримы и неисчислимы. Но оно вложило въ грудь человѣка чувство правды и обязанности, которое должно руководить насъ во тьмѣ, закрывающей будущее». Это сказано въ духѣ Канта, въ полномъ соотвѣтствіи съ его способомъ представлять себѣ будущее. Не внѣшнія подробности, не случайныя и временныя предположенія, подсказанныя затрудненіями и нуждами эпохи, а вѣчные завѣты духа, почерпнутые изъ самой глубины его внутренняго существа, даетъ намъ Кантъ. Онъ не говоритъ ничего относительно программы какого-либо даннаго текущаго дня, но зато его программа есть пророческое слово, которому суждено имѣть значеніе для каждаго дня, для каждаго поколѣнія и для каждой эпохи. И въ самомъ дѣлѣ, когда устарѣютъ завѣты вселенской правды, всеобщаго господства права, всеобщаго равенства и свободы? Это — тѣ путеводныя указанія, которыя, подобно звѣздамъ небеснымъ, способны вѣчно освѣщать нашъ путь, какъ бы долго мы ни шли, какъ бы близки ни были къ желанной цѣли. Для всеобщаго уравненія

Digitized by Google

и освобожденія всегда останется мѣсто; всегда останутся поводы для расширенія и дальнѣйшаго утвержденія справедливости и права. Цѣль относится тутъ, правда, въ безконечную даль; но зато она постоянно стоитъ передъ нами; она не обманетъ насъ, на нее можно положиться, какъ бы ни были измѣнчивы временныя историческія условія. Она не льститъ нашимъ мечтамъ о близкомъ достиженіи всеобщаго благоденствія, она не обѣщаетъ скораго счастья, тихой пристани, близкаго берега; надо разстаться съ нѣкоторыми привычными склонностями и надеждами, чтобы въ нее повѣрить. Но кто въ нее повѣрилъ, тотъ имѣетъ предъ собою не обманчивый миражъ, а дѣйствительную путеводную звѣзду.

Надо ли разъяснять, что идеалъ новаго времени и новаго государства въ своей глубочайшей основѣ покоится именно на этомъ стремленіи къ всемірному равенству и гражданству. Тогда какъ идеалъ греческаго государства есть автаркія, самоудовлетвореніе и замкнутость небольшого союза, который все имѣетъ въ себѣ и не нуждается въ сношеніяхъ съ другими, новое время представляетъ, напротивъ, побѣду международнаго общенія надъ началомъ государственной и національной исключительности. Мы еще страшно далеки отъ конечной цѣли, но жизнь идетъ къ тому; тысячи связей скрѣпляютъ союзъ народовъ, подготовляютъ тріумфъ всемірнаго гражданства. Уже наступаетъ время, когда зарождается сознаніе, что всякій соціальный вопросъ есть въ то же время вопросъ международный. Наступаетъ время, когда крѣпнетъ убѣжденіе, что выходъ изъ вражды общественныхъ классовъ, изъ соціальныхъ противорѣчій можетъ быть найденъ не на почвѣ обособленія отдѣльныхъ государствъ и обществъ, а на основѣ ихъ сближенія, на основѣ стремленія ихъ къ тому всемірному гражданскому общенію, въ которомъ Кантъ полагалъ конечную цѣль развитія права. Быть можетъ, въ нашу эпоху народы переживаютъ послѣдніе симптомы обособленія, въ видѣ этихъ неожиданныхъ взрывовъ имперіализма, милитаризма, протекціонизма, которые тревожатъ современную мысль. Быть можетъ, всѣ эти явленія, выражаясь языкомъ Гегеля, уже питаютъ въ нѣдрахъ своихъ свое противоположное. Но если они и не послѣдній разъ становятся на дорогѣ истинному прогрессу, все равно: будущее принадлежитъ не имъ. Наблюдая развитіе современнаго международнаго права, которое по своей неорганизованности, по отсутствію въ немъ признаннаго и властнаго авторитета называютъ иногда анархическимъ правомъ, нельзя не придти къ заключенію, которое такъ хорошо формулировано однимъ изъ самыхъ видныхъ современныхъ юристовъ: «Точно предусмотрѣть будущее не дано человѣку. Но если мы вспомнимъ огромные успѣхи этого анархи-

Digitized by Google

ческаго права въ новѣйшее время, позволительно думать, что развитіе его стремится къ той цѣли, на которую указывалъ Кантъ,— къ достиженію единаго правотворящаго гражданскаго общества. Цѣль эта безконечно отдаленна и никогда, быть можетъ, полностью недостижима, но, какъ говоритъ Кантъ, она представляетъ величайшую задачу, къ разрѣшенію которой человѣчество призвано самой природой». Такъ говоритъ не мечтатель, не утопистъ, а трезвый наблюдатель и замѣчательный знатокъ дѣйствительности, нѣмецкій юристъ Іеллинекъ. И въ самомъ дѣлѣ, возможно ли сомнѣваться въ томъ, что «разумная цѣль человѣчества не можетъ заключаться въ безконечномъ порожденіи борющихся, враждующихъ государствъ, чудовищныхъ левіафановъ, соперничающихъ въ величинѣ и разрушительной силѣ и пожирающихъ другъ друга» [1])? Нѣтъ, задача общественной организаціи будущаго не въ этомъ, а въ томъ, чтобы «объять все человѣчество и осуществить царство разума, мира и свободы».

Сдѣлаемъ теперь еще одинъ, заключительный, шагъ, чтобы раскрыть за этими стремленіями новаго времени ихъ основное движущее начало. На чемъ въ концѣ-концовъ основано наше убѣжденіе, что единое правотворящее гражданское общество есть конечный идеалъ исторіи? Отвѣтъ на это мы почерпаемъ въ томъ принципѣ, который является основнымъ началомъ для морально-философскихъ построеній—въ принципѣ личности. Что полнѣе и глубже удовлетворяетъ нравственное сознаніе личности: образъ небольшого самодовлѣющаго союза или идеалъ вселенскаго всемірно-гражданскаго равенства и братства? Въ разрѣшеніи этого вопроса едва ли можно встрѣтить затрудненіе.

Правда, съ перваго взгляда можетъ казаться, что именно небольшіе, болѣе тѣсные, болѣе интимные союзы лицъ лучше удовлетворяютъ свойственную человѣку потребность общенія. Они, конечно, важны и дороги для человѣка: своя семья, свой кругъ, свой народъ, все это близкое и родное намъ, должно сохраниться, но не въ исключительности и обособленіи отъ прочаго міра, а въ органической и неразрывной связи съ нимъ на почвѣ общаго равенства и свободы. Стоитъ допустить исключительность и обособленіе, какъ принципъ; стоитъ устранить общую органическую связь отдѣльныхъ союзовъ, устранить болѣе общіе объемлющіе союзы, чтобы сейчасъ же придти къ невозможнымъ результатамъ. Гдѣ границы, гдѣ перегородки, тамъ нетерпимость и замкнутость. А замкнутость, это значитъ эгоизмъ, — семейный, классовый, націо-

[1]) Слова кн. С. Н. Трубецкого, Ученіе о Логосѣ. М. 1900. Стр. 6.

Digitized by Google

нальный. И выходъ можетъ быть только одинъ: органическая связь отдѣльныхъ союзовъ между собою и съ цѣлымъ, признаніе въ качествѣ основы для всѣхъ болѣе широкаго общенія, которое всѣ ихъ включаетъ въ себѣ.

Но допустимъ, въ самомъ дѣлѣ, что нормальнымъ типомъ общенія явился бы свободный союзъ лицъ, не признающихъ надъ собою никакого высшаго союза и не знающихъ другого закона, кромѣ полной гармоніи интересовъ, кромѣ общаго сходства нравовъ и вкусовъ. Надъ входомъ въ это общеніе, быть можетъ, будетъ написано великое слово: свобода; но на самомъ дѣлѣ принципомъ его жизни будутъ исключительность и нетерпимость. Всякій уклоняющійся, всякій иначе мыслящій, всякій иначе живущій уже нарушаетъ общее согласіе, общую гармонію, и принципъ: кто не съ нами, тотъ противъ насъ, можетъ получить здѣсь самое послѣдовательное, самое жестокое толкованіе. Недопущеніе и отлученіе отъ общества, суровое различеніе нашихъ и не-нашихъ, новыя границы, новыя стѣны между отдѣльными группами,—стѣны, еще болѣе глухія, еще болѣе устойчивыя, — вотъ послѣдствія такихъ интимныхъ круговъ, понимающихъ общеніе, какъ сектантское согласіе, и соціальное единство, какъ полную гармонію душъ. Нѣтъ, не въ этихъ сектантскихъ общинахъ, не въ этихъ интимныхъ кружкахъ должны мы видѣть предѣльную цѣль соціальнаго прогресса и вообще не въ какихъ-либо замкнутыхъ и обособленныхъ союзахъ, а только въ союзѣ общечеловѣческой солидарности, въ которомъ безъ стѣсненій и препятствій происходитъ свободное движеніе силъ, въ которомъ союзы болѣе тѣсные, какъ звенья общей цѣпи, переплетены и связаны между собою и образуютъ одно живое солидарное цѣлое. Кто не нашелъ себѣ мѣста въ одномъ кругу, болѣе тѣсномъ, болѣе интимномъ, тотъ живетъ и дышитъ интересами болѣе широкими, тотъ—равноправный и признанный членъ всемірнаго гражданства. Великій политикъ древняго міра Аристотель думалъ, согласно воззрѣніямъ своего времени, что человѣкъ находитъ наиполнѣйшее удовлетвореніе въ государствѣ, какъ въ союзѣ совершеннѣйшемъ для жизни совершенной, какъ онъ выражался. Въ самомъ дѣлѣ, что лежало для грека внѣ предѣловъ его государства—міръ варваровъ, міръ, лишенный просвѣщенія и прекрасной гражданственности, міръ чуждый, неинтересный и ненужный съ эллинской точки зрѣнія. Современный взглядъ основанъ какъ разъ на другомъ началѣ—въ самомъ основаніи нашей цивилизаціи лежитъ великій христіанскій завѣтъ: нѣсть эллинъ, ни іудей, варваръ и скиѳъ, рабъ и свободь. И въ наши дни это не только идеальное начало; это — сама жизнь въ ея глубочайшемъ

Digitized by Google

органическомъ проявленіи. Современный человѣкъ живетъ столько же своимъ, народнымъ, сколько и чужимъ, общечеловѣческимъ, или чтобы лучше выразить эту мысль: общечеловѣческое стало для него такимъ же дорогимъ и своимъ, какъ то, что по рожденію своему онъ считаетъ своимъ и близкимъ. Искусство, наука, философія, вѣра, все высшее, все идеальное, все наиболѣе нами цѣнимое создается и существуетъ одинаково для всѣхъ; оно образуетъ тотъ общій воздухъ, которымъ всѣ мы дышимъ; великія истины облетаютъ весь міръ, великая правда покоряетъ всѣ сердца. Истина только и можетъ быть вселенской, сверхнаціональной. Одно солнце свѣтитъ надъ всѣми, и одна правда освѣщаетъ путь для человѣческихъ помысловъ и стремленій.

Мы пришли здѣсь, наконецъ, къ тому заключительному результату, который даетъ высшую санкцію идеалу нравственнаго объединенія всѣхъ. Эта санкція есть вѣра въ общечеловѣческую истину и вселенскую правду. Если мы настаиваемъ на томъ, что этотъ отдаленный идеалъ есть истинное руководящее начало для каждаго общества и для каждой эпохи, то именно потому, что мы вѣримъ въ единство человѣчества, въ единство общечеловѣческой истины. Кто стоитъ на точкѣ зрѣнія относительности всѣхъ нравственныхъ началъ, у того нѣтъ почвы для безусловнаго общечеловѣческаго идеала. И, напротивъ, кто нашелъ твердыя основанія для такого безусловнаго идеала, для того цѣль, лежащая впереди, ясна. Для того ясно, что все соотвѣтствующее этому идеалу, все, что расширяетъ и освобождаетъ жизнь даннаго общества, даннаго народа, правильно и вѣрно; а все, что обособляетъ данный народъ отъ другихъ, что отдаляетъ его отъ великой цѣли всемірнаго общечеловѣческаго гражданства, то неправильно и ложно. Въ этой идеѣ общечеловѣческой солидарности мы имѣемъ надежный признакъ для того, чтобы отличать должное и недолжное въ стремленіяхъ любого поколѣнія и любой эпохи.

Далекій и невѣдомый путь раскрывается человѣчеству впереди... Что ждетъ его на этомъ пути? куда придетъ оно въ своихъ исканіяхъ? Кто скажетъ, кто рѣшится сказать? Каждый новый шагъ въ будущее есть шагъ въ неизвѣстность; за первыми проблесками наступающаго дня открывается необозримая даль вѣковъ, слѣды которой теряются въ безконечности. Знаемъ ли мы, что ждетъ насъ, что ждетъ нашъ народъ, что ждетъ человѣчество? Почему же не оскудѣваютъ ряды борцовъ за лучшее будущее, почему такъ смѣло и прямо смотрятъ они впередъ, почему не ослабѣваетъ ихъ мужество и не меркнетъ взоръ? Не потому, что они знаютъ все, что будетъ, а потому, что они хотятъ того, что *должно* быть,

Digitized by Google

и умѣютъ хотѣть. Великій даръ—умѣть хотѣть! Этотъ даръ человѣкъ почерпаетъ изъ глубины своего существа, какъ высшее внушеніе нравственнаго долга. И счастливъ тотъ, кто можетъ повторить объ этомъ внушеніи знаменитыя слова: «Я не могу его искать и какъ бы только предполагать, какъ нѣчто, скрытое во мракѣ или лежащее въ безпредѣльности; я вижу его предъ собою и соединяю непосредственно съ сознаніемъ своего существованія»[1]).

Да, будущее невѣдомо и темно; но цѣль, открывающаяся для нравственныхъ усилій, ясна и опредѣленна. И если кто хочетъ запугать людей этой темнотою будущаго, если кто хочетъ видѣть впереди одни опасности и страхи, это значитъ онъ угасилъ тотъ единственный свѣтъ, который данъ человѣку—свѣтъ разума и нравственнаго сознанія. Надо вѣрить въ чудесный край добра и правды, надо вѣрить въ «праведную землю» нравственнаго идеала для того, чтобы совершать путь свой по этой несовершенной землѣ. У кого нѣтъ иной вѣры, какъ только въ грѣхи и несовершенства людей, для того некуда идти, для того вся жизнь человѣческая есть страшная, непроглядная тьма. Невольно припоминается мнѣ здѣсь скандинавская легенда, которая такъ хорошо извѣстна русскому читателю въ передачѣ Тургенева: царь сидитъ со своими воинами въ темномъ и длинномъ сараѣ вокругъ огня. Дѣло происходитъ ночью, зимой. Вдругъ небольшая птичка влетаетъ въ раскрытыя двери и вылетаетъ въ другія. Царь замѣчаетъ, что эта птичка—какъ человѣкъ въ мірѣ: прилетѣла изъ темноты и улетѣла въ темноту, и не долго побыла въ теплѣ и свѣтѣ... «Царь,—возражаетъ самый старый изъ воиновъ,—птичка и во тьмѣ не пропадетъ и гнѣздо свое сыщетъ...» Такова легенда. Старый воинъ своими простыми, но мудрыми словами учитъ насъ, что инстинктъ движенія и жизни есть лучшее руководство для того, чтобы вѣрно пробивать путь въ невѣдомой и страшной темнотѣ. Для того, чтобы не была она страшна, эта темнота, у человѣка есть одно вѣрное средство—озарить ее внутреннимъ свѣтомъ твердаго убѣжденія и при этомъ свѣтѣ итти впередъ, куда повелѣваетъ долгъ.

П. Новгородцевъ.

---

[1]) Кантъ. „Критика практическаго разума“.

Digitized by Google

Хроника науки, искусства и литературы.

Излученіе въ солнечной системѣ. На происходившемъ 23 августа собраніи Британской Асоціаціи извѣстный физикъ, проф. Пойнтингъ, произнесъ рѣчь, которую приводимъ въ сокращеніи.

Солнце непрерывно излучаетъ во всѣ стороны движущійся съ скоростью свѣта потокъ энергіи. Мы называемъ эту энергію то свѣтомъ, то теплomъ; ею поддерживаются всѣ проявленія жизни на нашей планетѣ, и она является первоисточникомъ всей нашей энергіи. Извѣстно, что этотъ безпрерывный потокъ энергіи состоитъ въ волнообразномъ движеніи. Если мы пропустимъ пучокъ солнечнаго свѣта или—все равно—пучокъ свѣта вольтовой дуги черезъ призму, то онъ разложится на спектральные цвѣта, отличающіеся другъ отъ друга длиной волны, при чемъ наибольшую длину волны (примѣрно $\frac{1}{12000}$ сантиметра) имѣетъ красный свѣтъ, а наименьшую (примѣрно $\frac{1}{26000}$ сантиметра)—фіолетовый.

Но видимый спектръ представляетъ лишь одну долю лучистаго потока—долю, дѣйствующую на органъ зрѣнія. За фіолетовымъ свѣтомъ находятся еще болѣе короткія волны, дѣйствующія на фотографическую пластинку или на флуоресцирующій экранъ и проникающія сквозь нѣкоторыя тѣла, не прозрачныя для обыкновеннаго свѣта. Также за краснымъ свѣтомъ находятся болѣе длинныя волны, проявляющіяся тепловыми дѣйствіями. Ихъ можно легко „отсѣять“ отъ видимыхъ лучей, пропуская пучокъ свѣта сквозь тонкую пластинку изъ вулканита. Кусочекъ фосфора, помѣщенный въ фокусѣ этихъ невидимыхъ лучей, вдругъ загорается; термометръ быстро повышается. Волны, наблюденныя и изученныя до сихъ поръ, составляютъ около девяти октавъ, простираясь отъ длинныхъ волнъ (длина—немногимъ менѣе $\frac{1}{100}$ сантиметра), изучаемыхъ проф. Рубенсомъ, до короткихъ волнъ, найденныхъ Шуманомъ въ излученіи водорода подъ дѣйствіемъ электрическаго разряда (длина волны=примѣрно $\frac{1}{80000}$ сантиметра). Нѣтъ никакого сомнѣнія, что этотъ рядъ можетъ быть еще продолженъ въ обѣ стороны.

Лучистая энергія представляетъ смѣсь волнъ различныхъ длинъ (или нѣкоторыхъ или всѣхъ); но глазъ изъ этихъ девяти или болѣе октавъ воспринимаетъ лишь одну съ небольшимъ.

Digitized by Google

Эти излученія испускаются не только раскаленными тѣлами, какъ солнце, электрическая дуга или пламя. Всѣ тѣла излучаютъ энергію—все равно, теплы ли они или холодны. Эта энергія течетъ со скоростью свѣта, отражаясь, разсѣваясь и поглощаясь при встрѣчѣ съ препятствіями. И хотя иныя радіаціи не ощущаются нашимъ глазомъ, все же онѣ чрезвычайно важны—потому, что онѣ снабжаютъ насъ тепломъ, и если бы онѣ прекратились, намъ пришлось бы погибнуть отъ холода.

Когда температура какого-либо тѣла повышается, количество испускаемыхъ имъ излученій возрастаетъ. Въ то же время мѣняется ихъ качество. Надо думать, что поверхность тѣлъ постоянно испускаетъ волны всякой длины—отъ самыхъ длинныхъ до самыхъ короткихъ; но холодными тѣлами испускаются въ замѣтной степени только длинныя волны. По мѣрѣ нагрѣванія тѣла интенсивность всѣхъ испускаемыхъ волнъ возрастаетъ; но интенсивность сравнительно короткихъ волнъ растетъ быстрѣе и наконецъ достигаетъ такой величины, что онѣ вызываютъ въ насъ зрительное ощущеніе; тогда мы говоримъ, что тѣло накалено докрасна или добѣла.

Количество излученія зависитъ отъ природы поверхности источника излученій: при той же самой температурѣ однѣ поверхности излучаютъ больше, чѣмъ другія. Болѣе всего излучаетъ такая поверхность, которая, будучи холодной, является совершенно черной. Чернота ея означаетъ, что она сполна поглощаетъ всѣ падающіе на нее лучи; будучи нагрѣтой, эта поверхность посылаетъ лучи всѣхъ сортовъ, и при данной температурѣ всякій сортъ лучей бываетъ представленъ въ полномъ размѣрѣ. Иными словами, при данной температурѣ ни одна поверхность не испускаетъ болѣе интенсивныхъ волнъ данной длины, чѣмъ поверхность абсолютно черная.

Одинъ очень простой опытъ обнаруживаетъ, что черная поверхность есть наилучшій источникъ излученій, то есть, что въ нагрѣтомъ состояніи она издаетъ больше энергіи, нежели какая бы то ни было поверхность, не поглощающая сполна падающихъ на нее лучей, а отчасти отражающая ихъ. Если нагрѣть докрасна платиновый листокъ съ нѣсколькими черными мѣтками, то оказывается, что эти мѣтки (черныя въ холодномъ состояніи) свѣтятся ярче, чѣмъ окружающія ихъ части металла; слѣдовательно, онѣ испускаютъ больше видимыхъ лучей въ сравненіи съ окружающимъ металломъ.

Уже давно производились опыты съ цѣлью узнать, въ какомъ соотношеніи находится излученіе совершенно чернаго тѣла [1]), то-есть количество испускаемой имъ энергіи, съ его температурой. Но только 25 лѣтъ тому назадъ найденъ былъ австрійскимъ физикомъ Стефаномъ законъ, находящійся въ удовлетворительномъ согласіи съ опытомъ. Законъ этотъ гласитъ, что количество излучаемой энергіи пропорціонально четвертой степени температуры, считаемой отъ абсолютнаго нуля, то есть отъ температуры *минусъ* 273° по скалѣ Цельсія. Приводимая ниже табличка, основанная частью на экспериментальныхъ данныхъ, полученныхъ Курльбаумомъ, показываетъ, сколько энергіи испускаетъ въ секунду

[1]) Такъ какъ „совершенно черное“ тѣло при достаточно высокой температурѣ является наиболѣе яркимъ, то проф. Пойнтингъ предлагаетъ замѣнить это названіе другимъ: „совершенный источникъ излученія“ или „совершенный лученспускатель“.

Digitized by Google

каждый квадратный сантиметръ поверхности „абсолютно чернаго тѣла“ или „совершеннаго лучеиспускателя“.

Абсолютная температура.	Количество калорій (число граммъ воды, нагрѣваемой на 1°) въ секунду.
0°	0
100° (температура кипѣнія жидкаго воздуха)	0.000127
300° (температура на земной поверхности)	0.0103
1000° (красное каленіе)	1.27
3000° (электрическая дуга)	103
6000°	1650
6250°	1930

Для иллюстраціи значенія закона Стефана высчитаемъ, какова должна быть температура солнца въ предположеніи, что солнце является совершеннымъ лучеиспускателемъ, то-есть что его поверхность въ холодномъ состояніи была бы совершенно черной.

Мы можемъ приблизительно оцѣнить количество энергіи, излучаемой солнцемъ, перехватывая пучокъ солнечнаго свѣта, измѣряя приносимое имъ тепло и затѣмъ высчитывая, какую долю полнаго солнечнаго излученія представляетъ этотъ пучокъ. Этотъ расчетъ впервые произвелъ Пулье; въ его приборѣ солнечные лучи падали на сосудъ съ водой, и оцѣнка солнечной энергіи производилась на основаніи повышенія температуры воды. Опыты этого рода сопряжены съ значительными трудностями, изъ коихъ главную составляетъ оцѣнка той доли энергіи, которая задерживается атмосферой. Поэтому мы до сихъ поръ не можемъ указать точной величины солнечнаго излученія и даже не знаемъ, остается ли оно постояннымъ или мѣняется. Впрочемъ, опыты проф. Ланглея дѣлаютъ послѣднее гораздо болѣе вѣроятнымъ.

Какъ бы то ни было, не будетъ далеко отъ истины принять, что потокъ солнечныхъ лучей, падающихъ отвѣсно на площадку въ 1 кв. сантиметръ, расположенную на границѣ земной атмосферы, нагрѣетъ въ теченіе секунды 1 граммъ воды на $\frac{1^\circ}{24}$ Ц., то есть дастъ $\frac{1}{24}$ калоріи въ секунду.

Но поверхность сферы, имѣющей центромъ солнце, а радіусомъ—разстояніе отъ солнца до земли, въ 46000 разъ превышаетъ поверхность солнца. Поэтому энергія съ 1 кв. сант. поверхности солнца распредѣляется на 46000 кв. сантиметровъ поверхности земли. Слѣдовательно, эта энергія равна $\frac{1}{24} \times 46000$, или 1920 калорій въ секунду. Но изъ предыдущей таблицы видно, что черная поверхность при 6250° абсолютной скалы (или круглымъ числомъ при 6000° Ц.) даетъ 1930 калорій въ секунду. Такимъ образомъ *температура излучающей поверхности солнца составляетъ 6000°*—предполагая, что солнце есть абсолютно черное тѣло, а это, вѣроятно, не далеко отъ истины.

Сдѣлаемъ еще другое примѣненіе закона Стефана.

Вообразимъ маленькое черное шарообразное тѣло, являющееся хорошимъ проводникомъ тепла и помѣщенное на полномъ солнечномъ свѣтѣ, на такомъ же разстояніи отъ солнца, какъ земля. Пусть его наибольшее сѣченіе имѣетъ площадь въ 1 кв. сант., такъ что это тѣло получаетъ ежесекундно $\frac{1}{24}$ калоріи.

Digitized by Google

Оно нагрѣется до такой температуры, при которой расходъ тепла будетъ равенъ приходу; и такъ какъ размѣры его малы, то теплота въ немъ будетъ быстро перемѣщаться, вслѣдствіе чего его температура будетъ повсюду приблизительно одинакова. Поверхность шара, имѣющаго наибольшее сѣченіе въ 1 кв. сант., равняется 4 кв. сант., такъ что разсматриваемое нами тѣло должно ежесекундно отдавать $\frac{1}{96}=0.0104$ калоріи съ каждаго кв. сантиметра своей поверхности. Изъ предыдущей таблицы видно, что это очень близко соотвѣтствуетъ температурѣ въ 300° абсолютной скалы, то-есть 27° Цельсія или $21^1/_2{}^0$ Реомюра.

Слѣдуетъ замѣтить, что это примѣнимо только къ небольшому шарообразному тѣлу. Плоская пластинка, перпендикулярная къ лучамъ солнца, была бы примѣрно на 60° Ц. теплѣе; будучи поставлена косо, она имѣла бы температуру значительно низшую.

Посмотримъ, какую температуру имѣлъ бы тотъ же черный шарикъ на другихъ разстояніяхъ отъ солнца. Такъ какъ количество получаемой (а слѣдовательно и отдаваемой вслѣдствіе излученія) теплоты измѣняется обратно пропорціонально квадрату разстоянія, то—на основаніи закона Стефана — температура будетъ измѣняться обратно пропорціонально квадратному корню изъ разстоянія.

Слѣдующая таблица указываетъ температуру маленькаго чернаго тѣла на разныхъ разстояніяхъ отъ солнца:

Разстояніе отъ центра солнца.	*Температура по Цельсію.*
800000 верстъ.	1200° (точка плавленія чугуна).
23 милліоновъ миль.	327° (почти точка плавленія свинца).
На разстояніи Меркурія.	210° (почти точка плавленія олова).
На разстояніи Венеры.	85° (нѣск. выше точки кипѣнія спирта).
На разстояніи Земли	27° (температура теплаго лѣтняго дня).
На разстояніи Марса.	— 30° (арктическій холодъ).
На разстояніи Нептуна.	—219° (азотъ въ твердомъ состояніи).

Отсюда между прочимъ видно, что температура на разстояніи земли замѣчательно близка къ средней температурѣ земной поверхности, обычно оцѣниваемой около 16° Ц. или 13° Р. Едва ли это совпаденіе представляетъ простую случайность. Количество тепла, получаемое земной поверхностью изнутри земли, ничтожно въ сравненіи съ количествомъ, получаемымъ отъ солнца; поэтому можно сказать, что земля излучаетъ столько тепла, сколько она получаетъ отъ солнца. Конечно, земля слишкомъ велика, чтобы проводимость ея могла играть значительную роль въ уравненіи температуры различныхъ странъ; но вращеніе земли вокругъ оси обезпечиваетъ приблизительное равенство температуръ на одной и той же широтѣ, а движенія атмосферы стремятся уравнять температуры на различныхъ широтахъ. На этомъ основаніи мы должны ожидать, что истинная температура земли въ сравненіи съ температурой нашего маленькаго чернаго шарика будетъ лишь немногимъ ниже (потому что земля отражаетъ нѣкоторую долю солнечныхъ лучей); и дѣйствительно, она оказывается примѣрно на 10° ниже[1]).

[1]) Первыя соображенія этого рода относительно температуры земли принадлежатъ проф. Вину.

Digitized by Google

Слѣдующая табличка даетъ среднія температуры поверхностей первыхъ четырехъ планетъ, предполагая, что онѣ находятся въ подобныхъ землѣ условіяхъ.

Меркурій	196° Ц.
Венера	79° „
Земля	17° „
Марсъ	—38° „

Всего интереснѣе случай Марса. Какъ извѣстно, день на Марсѣ почти такъ же продолжителенъ, какъ и у насъ; наклонъ его оси къ эклиптикѣ лишь немного превышаетъ нашъ, и у него есть родъ атмосферы. Поэтому, крайне маловѣроятно, чтобы его средняя температура значительно разнилась отъ—38° Ц. Его атмосфера быть можетъ менѣе плотна, такъ что температура дня на немъ выше; но зато температура ночи будетъ ниже. Даже наивысшая экваторіальная температура его не можетъ значительно превышать среднюю. При нѣкоторыхъ допущеніяхъ проф. Пойнтингъ находитъ, что она будетъ на 20° ниже нуля. Поэтому трудно повѣрить, чтобы дѣйствительно полярные льды Марса таяли лѣтомъ, наполняя водой рѣки или каналы.

Отъ теплового дѣйствія лучей перейдемъ къ зависящему отъ нихъ давленію.

Слишкомъ тридцать лѣтъ тому назадъ Клеркъ Максуелъ вывелъ изъ своей электромагнитной теоріи свѣта, что всякое излученіе, подобное свѣту, должно давить на поверхность, на которую оно падаетъ. Поэтому должно существовать также давленіе на всякую поверхность, отражающую свѣтъ или испускающую его; въ каждомъ случаѣ оно численно равно количеству энергіи въ кубическомъ сантиметрѣ потока. Существованіе „свѣтового давленія“ доказано на опытѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ Лебедевымъ и независимо отъ него Никольсомъ и Хёломъ: въ этихъ опытахъ пучокъ свѣта падаетъ на дискъ, подвѣшенный въ пустотѣ. Дискъ испытывалъ отталкиваніе, которое было измѣряемо и оказалось по величинѣ соотвѣтствующимъ требованіямъ Максуеловой теоріи. Послѣ того Никольсъ и Хёлъ повторили опытъ съ большей точностью, и теперь уже нѣтъ никакого сомнѣнія, что давленіе дѣйствительно существуетъ въ размѣрахъ, указанныхъ Максуеломъ.

Такимъ образомъ лучистая энергія солнца производитъ давленіе на всѣ небесныя тѣла, на которыя она падаетъ. Такъ какъ потокъ энергіи „разжижается“ по мѣрѣ своего расширенія, по закону обратной пропорціональности квадратамъ разстояній, то давленіе на данную площадь убываетъ согласно тому же закону. Мы знаемъ энергію кубическаго сантиметра солнечнаго свѣта на разстояніи земли, такъ какъ, двигаясь со скоростью свѣта, она доставляетъ $\frac{1}{24}$ калоріи въ секунду. Отсюда не трудно высчитать, что давленіе солнечнаго свѣта на всю землю составляетъ 70000 тоннъ, т.-е. бездѣлицу въ сравненіи съ тѣми тремя милліонами билліоновъ тоннъ, которые выражаютъ притяженіе земли солнцемъ.

Однако есть достопримѣчательное различіе между лучистымъ давленіемъ и Ньютоніанскимъ притяженіемъ. Именно, первое дѣйствуетъ на поверхность тѣла и является пропорціональнымъ ей, тогда какъ второе

Digitized by Google

проникаетъ сквозь поверхность, вліяя на каждую частичку вещества во всемъ объемѣ тѣла.

Положимъ, что мы могли бы раздѣлить землю на восемь равныхъ шаровъ. Каждый изъ нихъ имѣлъ бы діаметръ вдвое меньшій земного діаметра и поверхность, равную четвертой части поверхности земли. Всѣ восемь шаровъ имѣли бы вдвое большую поверхность, чѣмъ поверхность земли, и полное лучистое давленіе удвоилось бы, между тѣмъ какъ полное Ньютоніанское притяженіе оставалось бы прежнимъ.

Если бы процессъ дѣленія неопредѣленно продолжался, то очевидно, что наконецъ мы пришли бы къ шарамъ столь малыхъ размѣровъ и со столь значительной полной поверхностью, что притяженіе было бы уравновѣшено лучистымъ давленіемъ. Легко высчитать, что это случилось бы, если бы земля была раздроблена на шарики съ діаметромъ въ $\frac{1}{40000}$ сант. Иными словами, такой шарикъ, имѣющій ту же плотность, что и земля, не притягивается и не отталкивается солнцемъ. Такое равновѣсіе будетъ имѣть мѣсто на всѣхъ разстояніяхъ, ибо оба дѣйствія одинаково мѣняются съ разстояніемъ. При дальнѣйшемъ дѣленіи отталкивательное дѣйствіе взяло бы верхъ надъ притяженіемъ, и частицы уже отталкивались бы отъ солнца [1]).

Эти соображенія могутъ быть примѣнены къ теоріи кометныхъ хвостовъ. Мы можемъ считать, что ядро кометы состоитъ изъ мелкихъ метеоритовъ. Съ приближеніемъ къ солнцу они нагрѣваются: происходятъ взрывы; образуется тонкая пыль. Если эта пыль достаточно тонка, лучистое давленіе можетъ взять верхъ надъ притяженіемъ и погнать эту пыль прочь отъ солнца: въ хвостахъ кометъ мы имѣемъ не что иное, какъ огромныя струи такой пыли.

Представимъ себѣ далѣе прежній нашъ черный шарикъ, имѣющій 1 кв. сант. въ наибольшемъ сѣченіи и слѣд. 1.13 сант. въ діаметрѣ. Пусть плотность его равняется плотности земли. Притяженіе его солнцемъ превыситъ въ 42000 разъ лучистое давленіе. Но разсмотримъ, какую роль будетъ играть измѣненіе размѣровъ излучающаго тѣла. Пусть діаметръ солнца уменьшится вдвое. Тогда масса его уменьшится въ 8 разъ, поверхность въ 4 раза. Такимъ образомъ притяженіе уменьшится до $\frac{1}{8}$ прежняго значенія, а лучистое давленіе—до $\frac{1}{4}$ прежней величины; поэтому первое будетъ теперь превышать второе только въ 21000 разъ. Если еще уменьшимъ вдвое діаметръ, отношеніе притяженія къ отталкиванію будетъ 10500 и т. д. Если бы діаметръ солнца сталъ въ 42000 разъ менѣе дѣйствительнаго, слѣдовательно, былъ бы равенъ приблизительно 30 верстамъ, то притяженіе было бы равно отталкиванію. Иными словами, солнце, столь же горячее, какъ наше, но имѣющее діаметръ въ 30 верстъ, отталкивало бы тѣ тѣла, діаметръ которыхъ менѣе сантиметра, и притягивало бы тѣ, діаметръ которыхъ больше сантиметра.

Но существованіе солнца столь малыхъ размѣровъ съ температурой

[1]) Надо однакожъ сказать, что законъ отталкиванія при очень тонкомъ дробленіи уже не имѣлъ бы мѣста: вслѣдствіе дифракціи отталкиваніе было бы нѣсколько менѣе, чѣмъ вычислено выше.

Digitized by Google

въ 6000° было бы немыслимо. Поэтому допустимъ, что температура его въ 20 разъ менѣе, т.-е. равна 300° абсолютной скалы (приблизительно—температура земли). Тогда излученіе уменьшилось бы въ 20^4=160000 разъ, и для равновѣсія между притяженіемъ и отталкиваніемъ было бы нужно, чтобы діаметръ уменьшился еще въ 160000 разъ, слѣд., составлялъ бы вмѣсто 30 верстъ только 20 сантиметровъ. Подобнымъ путемъ не трудно разсчитать, что два равные шара, имѣющіе плотность и температуру земли, не притягивали бы и не отталкивали бы другъ друга, если бы діаметръ ихъ былъ около 6.8 сантиметровъ (размѣры небольшого мяча).

Эти соображенія могутъ быть примѣнены къ собраніямъ небольшихъ метеоритовъ. Находясь на такомъ же разстояніи отъ солнца, какъ земля, они могутъ (при условіи соотвѣтствующихъ размѣровъ) не обнаруживать стремленія къ сближенію; при меньшихъ размѣрахъ они могутъ даже отталкивать другъ друга.

Наконецъ, можно указать еще одно слѣдствіе лучистаго давленія. Выше было указано, что давленію подвергается также самый источникъ излученія. Представимъ себѣ излучающій шаръ, движущійся въ пространствѣ. Въ такомъ случаѣ онъ будетъ нѣсколько сгущать излучаемую имъ энергію съ той стороны, куда онъ движется, и разрѣжать ее съ противоположной стороны: поэтому и давленіе на него спереди будетъ нѣсколько больше, чѣмъ сзади. Эта разница будетъ тѣмъ значительнѣе, чѣмъ болѣе скорость и чѣмъ выше температура движущагося тѣла. Результатомъ этого является сила, стремящаяся уменьшить скорость тѣла. Вычисленіе показываетъ, что земля въ своемъ движеніи по орбитѣ подвергается такому сопротивленію, которое равно вѣсу 1 пуда съ небольшимъ. Это, конечно, величина ничтожная, и замѣтные результаты такого сопротивленія получились бы развѣ въ томъ случаѣ, если бы жизнь земли при нынѣшней ея температурѣ продолжалась сотни билліоновъ лѣтъ. Но и здѣсь имѣютъ большое значеніе размѣры тѣла. Съ уменьшеніемъ его діаметра увеличивается въ томъ же отношеніи сопротивляющаяся сила; и если бы земля имѣла размѣры орѣха, то дѣйствіе этой силы сказалось бы уже въ 100000 лѣтъ. Если бы она уменьшилась до размѣровъ тонкой пылинки съ діаметромъ въ $\frac{1}{1000}$ сант., то дѣйствіе обнаружилось бы уже въ 100 лѣтъ.

Вообразимъ пылевую частицу, отдѣляющуюся отъ земли и начинающую самостоятельное обращеніе вокругъ солнца. Она будетъ нагрѣваться солнцемъ и будетъ излучать во всѣ стороны. Въ своемъ движеніи она будетъ испытывать дѣйствіе силы, сопротивляющейся этому движенію и стремящейся замедлить его. Эффектъ этого сопротивленія скажется въ томъ, что солнце получитъ возможность притянуть частицу ближе къ себѣ, и это паденіе ея будетъ сопровождаться ускореніемъ ея движенія. Ускореніе движенія поведетъ къ увеличенію сопротивленія; въ то же время приближеніе къ солнцу вызоветъ повышеніе температуры, усиленіе излученія, а слѣдовательно новое увеличеніе сопротивленія. Поэтому частица будетъ все скорѣе и скорѣе двигаться по спиралевидной орбитѣ, пока, наконецъ, не упадетъ на солнце. Маленькіе метеориты, величиною въ орѣхъ, удаленные отъ солнца на разстояніе, равное радіусу земной орбиты, упадаютъ на солнце, вѣро-

Digitized by Google

ятно, въ теченіе нѣсколькихъ милліоновъ лѣтъ; тонкія пылинки—въ нѣсколько тысячъ лѣтъ.

Такимъ образомъ солнце вѣчно очищаетъ отъ пыли окружающее его пространство: болѣе мелкія частицы оно отталкиваетъ вдаль; болѣе крупныя притягиваетъ къ себѣ. Очень возможно, что наглядным результатомъ этого притяженія является зодіакальный свѣтъ,—то огромное пылеобразное кольцо, которое простирается отъ солнца далеко за предѣлы земной орбиты и которое является самымъ огромнымъ и самымъ таинственнымъ членомъ солнечной системы.

А. Бачинскій.

Свѣтящіяся растенія. Способность нѣкоторыхъ растеній издавать свой собственный свѣтъ неоднократно привлекала вниманіе ученыхъ. Разрозненныя свѣдѣнія о свѣтящихся растеніяхъ, подвергнутыя тщательной критикѣ и дополненныя многими новыми изслѣдованіями, собраны въ недавно появившейся книгѣ пражскаго ботаника Молиша „Leuchtende Pflanzen“. Сначала онъ разбираетъ вопросъ о свѣченіи водорослей. Оказывается, что только нѣкоторыя морскія перидинеи отличаются этимъ свойствомъ. Затѣмъ онъ излагаетъ свои собственныя изслѣдованія, проливающія новый свѣтъ на фосфоресценцію гнилого дерева. Это явленіе зависитъ отъ присутствія въ гниломъ деревѣ нѣкоторыхъ грибовъ со свѣтящимся мицеліемъ (грибницей). Одинъ изъ нихъ—нашъ извѣстный съѣдобный опенокъ; грибница его начинаетъ свѣтиться, какъ только достигнетъ нѣкотораго развитія. Шляпки же его не свѣтятся. Интересно замѣтить, что Молишу удалось культивировать опенокъ на хлѣбѣ и довести его до полнаго созрѣванія. Прежнія попытки приводили лишь къ развитію одной грибницы безъ плодовыхъ тѣлъ. Молишу удалось найти условія, при которыхъ опенокъ прекрасно развивается на хлѣбѣ; свѣченіе его при этомъ продолжается цѣлыми мѣсяцами. Но опенокъ не единственный грибъ, вызывающій свѣченіе дерева. Удалось выдѣлить изъ древесины и коры разныхъ деревьевъ еще другой грибъ, грибница котораго при культурѣ въ большихъ сосудахъ свѣтилась около $1^1/_2$ лѣтъ.

Новыя интересныя данныя сообщаются о свѣченіи гнилыхъ листьевъ. Это явленіе было извѣстно до сихъ поръ лишь для тропическихъ растеній; однако внимательныя наблюденія приводятъ автора къ тому выводу, что въ любомъ дубовомъ или буковомъ лѣсу множество опавшихъ листьевъ издаютъ свѣтъ. Причиной его также являются грибы.

Глава о свѣтящихся бактеріяхъ содержитъ также рядъ новыхъ данныхъ. Во-первыхъ, доказывается широкое распространеніе интенсивно свѣтящейся Bacterium phosphoreum (или Micrococcus phosphoreus Cohn). Она встрѣчается на мясѣ, въ погребахъ, на бойняхъ, въ мясныхъ лавкахъ, вообще вездѣ, гдѣ хранится мясо или дичь. Стоитъ только взять кусочекъ мяса, положить его въ стерилизованную чашечку и облить 3% растворомъ поваренной соли, и черезъ нѣсколько дней на мясѣ появятся свѣтящіеся островки колоній B. phosphoreum. Отсюда ихъ уже легко выдѣлить въ чистой культурѣ. Свѣченіе ихъ особенно сильно при низкихъ температурахъ (5°—20° С.). Оно отличается значительнымъ постоянствомъ, и Молишу удалось устроить лампу съ такимъ „живымъ“ свѣтомъ, культивируя этихъ бактерій на внутренней поверх-

Digitized by Google

ности большой конической колбы. Лампа эта дѣйствуетъ 2—3 недѣли; свѣтъ ея достаточенъ для различенія дѣленій термометра, циферблата часовъ и крупной печати. Пользуясь имъ, можно дѣлать фотографическіе снимки.

На морскихъ рыбахъ авторомъ книги найдено 4 новыхъ вида свѣтящихся бактерій. Одинъ изъ нихъ (B. lucifer) испускаетъ настолько сильный свѣтъ, что въ спектрѣ его удалось отличить присутствіе зеленаго, синяго и фіолетоваго цвѣтовъ. Для другихъ бактерій и грибовъ спектральный анализъ не далъ столь ясныхъ результатовъ.

Въ другихъ главахъ (о свѣченіи, какъ результатѣ инфекціи, объ общей физіологіи процессовъ свѣченія) Молишъ опирается главнымъ образомъ на работы своихъ предшественниковъ. Наконецъ, въ заключительной главѣ онъ разсматриваетъ критически свѣдѣнія, сообщаемыя нѣкоторыми авторами о свѣченіи высшихъ растеній. По мнѣнію Молиша, явленіе это представляетъ собой чисто физическій процессъ электрическаго разряда, наблюдаемый и на мертвыхъ объектахъ (огни св. Эльма). Справедливость своего взгляда авторъ старается доказать опытами съ электризаціей живого растенія.

Къ сожалѣнію, изслѣдованія Молиша не выясняютъ самаго важнаго вопроса, а именно вопроса о причинѣ свѣченія бактерій и грибовъ. Авторъ только высказываетъ предположеніе о томъ, что это свѣченіе зависитъ отъ особаго вещества (фотогена), которое свѣтится въ присутствіи воды и свободнаго кислорода. Но, конечно, это предположеніе удастся доказать лишь послѣ того, какъ гипотетическій „фотогенъ“ будетъ выдѣленъ изъ живой клѣтки.

Г. Риттеръ.

Къ шестидесятилѣтію кончины Крылова. Въ ноябрѣ исполнилось шестьдесятъ лѣтъ со дня кончины И. А. Крылова. Въ текущемъ же году вышелъ первый томъ собранія его сочиненій съ обстоятельной біографіей знаменитаго „дѣдушки“, написанной В. В. Каллашемъ [1]). Въ этомъ изданіи еще не появились басни—то, на чемъ зиждется неумирающая популярность Крылова. Другія его произведенія имѣютъ одинъ лишь историческій интересъ; самая личность ихъ автора тоже привлекаетъ къ себѣ не сочувственные, а только внимательные и удивленные взоры, и грузная масса равнодушія, которую представлялъ собою лѣнивый и сонный старикъ, никогда не будетъ обвѣяна въ потомствѣ дыханіемъ любви. Но басни его, басни, эта быль, одинаково затверженная дѣдами и внуками, расцвѣтившая собою нашъ обыденный разговоръ,—вотъ что сдѣлалось любимымъ достояніемъ русскаго общества. Въ проказливой мѣткости своего стильнаго языка, въ художественной оболочкѣ своей лукавой фабулы и характеристики онѣ живутъ—искристыя, свѣжія, звонкія—какъ живетъ сама жизнь, сама житейская мудрость.

Но житейская мудрость не есть самое высокое и цѣнное въ мірѣ. То, что проникнуто ею, стелется по землѣ и не служитъ идеальнымъ запросамъ духа. Крыловъ разлилъ по своимъ произведеніямъ большой и богатый жизненный опытъ, и если послушаться его басенъ, принять ихъ

[1]) Полное собраніе сочиненій И. А. Крылова. СПБ. 1904. Томъ I. Книгоиздательское товарищество „Просвѣщеніе“.

Digitized by Google

мораль, то можно хорошо приспособить себя къ дѣйствительности. Не этому учатъ великіе учители. И этому учить вообще не приходится, такъ какъ на приспособленіе къ жизни сами собою, безъ чужого поощренія, направляются заботы каждаго. Отсюда басня поневолѣ мелка. Да и потому, что она толкуетъ о животныхъ, о растеніяхъ, о низшихъ формахъ существованія, она не можетъ вмѣстить въ себя человѣческой многосторонности и тонкости. Міръ людей и міръ животныхъ несовмѣстимы. Широкіе и крупные штрихи, которыми пользуется басня, не соотвѣтствуютъ разнообразной игрѣ человѣческой физіономіи въ ея наиболѣе интересныхъ и глубокихъ переживаніяхъ. Басня скользитъ по поверхности. Баснописецъ не возвышается надъ другими; то, что онъ почерпаетъ изъ окружающаго, вполнѣ обыкновенно, и его устами говоритъ средній человѣкъ. Въ этомъ его характерный признакъ, даже, если хотите,—его сила и власть надъ умами, надъ средними умами. Баснописецъ говоритъ исключительно о томъ, что безспорно,—по крайней мѣрѣ, въ житейскомъ смыслѣ А безспорно все слишкомъ общее, не индивидуализованное, все чуждое оттѣнковъ. Потому и сюжетъ басни всегда имѣетъ характеръ общедоступный. Бродячій, онъ принадлежитъ всѣмъ; характерно, что на басню не существуетъ права собственности. Баснописецъ не видитъ въ жизни ничего сложнаго; она рисуется ему въ общихъ и немногихъ очертаніяхъ, и для него жизненные ларчики открываются просто, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ здѣсь бываютъ именно загадочныя и запутанныя сплетенія. Если жизнь проста и не нужны для нея мудрецы механики, то средній человѣкъ, а вслѣдъ за нимъ и баснописецъ, его патронъ, его рапсодъ, не можетъ не относиться къ наукѣ и философіи съ большою долей недовѣрія. Онѣ представляются ему въ свѣтѣ педантическомъ и смѣшномъ. Здравый смыслъ—самый надежный руководитель, высшій трибуналъ, который разрѣшаетъ всѣ загадки бытія. Слѣдуйте ему, какъ это дѣлалъ огородникъ,—и вамъ будетъ хорошо и выгодно; философъ же останется безъ огурцовъ, — а хуже такой участи ничего не можетъ и вообразить себѣ поклонникъ здравой разсудительности. Онъ признаетъ умѣренную пользу и скромную цѣну просвѣщенія, но пучина знаній для него страшна, и дерзкій умъ отважнаго водолаза находитъ себѣ погибельный и поучительный конецъ. Уже съ юныхъ дней надо слѣдить за тѣмъ, чтобы не напитаться ученьемъ вреднымъ. Червонецъ души теряетъ свой блескъ и цѣнность отъ чрезмѣрной культуры; о многихъ приходится даже такъ сказать: „они же грамотѣ, къ несчастью, знали“. Несчастье знанія расшатываетъ привычные устои жизни. Мысль, предоставленная самой себѣ, способна зажечь пожаръ, въ которомъ погибнутъ и ея зачинатель, и его послѣдователи. Поэтому не снимайте узды съ ретиваго коня; упоенный свободой, онъ сброситъ сѣдока и убьется самъ,—„какъ ни приманчива свобода, но для народа не меньше гибельна она, когда разумная ей мѣра не дана“. Вотъ почему сочинитель, это — супостатъ, худшій разбойника; онъ вселяетъ безвѣріе, отравляетъ умъ и сердце дѣтей и, что для обывателя особенно страшно, осмѣиваетъ супружество, начальства, власти. Онъ величаетъ безвѣрье просвѣщеніемъ, и если теперь цѣлая страна полна убійствами и грабежами, то этому виною не кто другой, какъ именно сочинитель. Вольтеру въ аду придется горше, чѣмъ разбойнику. Всякій порывъ, всякое стремленіе и сомнѣніе, всякое странствіе духа противны

Digitized by Google

умѣренному и спокойному человѣку, осѣдлому жителю жизни. Не спѣшите въ даль, вспомните судьбу бѣднаго голубка, который покинулъ родную землю и родного брата,—живите дома. И дома будьте домовиты, хозяйственны, заботливы, не отдавайтесь легкомысленно пѣснямъ: иначе васъ покараетъ и осмѣетъ жестокая добродѣтель муравья.

Міровоззрѣніе средняго человѣка въ сущности окрашено несимпатичной краской житейскаго пессимизма,—ее же принимаетъ и баснописецъ. Идите по жизни съ оглядкой, съ опаской, не довѣряйте людямъ. Берегитесь друга: онъ или хитеръ или глупъ, онъ или лиса или медвѣдь. И человѣческая дружба вообще устойчива только до первой кости, какъ вѣчный миръ заключается до первой ссоры. Когда васъ хвалятъ, то это корыстно, какъ взаимныя похвалы кукушки и пѣтуха, какъ лесть коварной лисицы; если вы повѣрите чужому одобренію, вы потеряете свой кусокъ хлѣба, свой кусокъ сыру. Не даромъ лучшій и наиболѣе художественный образъ, какой создалъ Крыловъ въ галлереѣ своихъ людей-животныхъ, это—лиса. Не вѣрьте, чтобы она когда-нибудь отрѣшилась отъ своей хитрости; дайте вору хоть милліонъ, онъ воровать не перестанетъ. Да и вообще печальна наша дѣйствительность, гдѣ приходится терпѣть обиды отъ осла и гдѣ паукъ норовитъ заткать солнце орлу.

Слишкомъ хорошее знаніе жизни съ ея опасностями, которыя требуютъ быть на сторожѣ, не исключаетъ, впрочемъ, критическаго отношенія къ тому, что въ ней сильно, властно и богато, не исключаетъ искренняго и смѣлаго демократизма. Всѣ эти воеводы и судьи, умные умомъ своихъ секретарей, всѣ эти „осиновые чурбаны“ въ роли царей, аристократы-гуси и волки, пасущіе овецъ,—никто изъ нихъ не ускользаетъ отъ насмѣшки баснописца. И онъ видитъ и цѣнитъ не только нарядные листы, но слышитъ и голосъ корней, подземную работу скромныхъ и темныхъ кормильцевъ.

И все же Загорѣцкій поступилъ бы напрасно, если бы, назначенный цензоромъ, онъ, согласно своему обѣщанію, налегъ на басни, „смерть свою“. „Насмѣшки вѣчныя надъ львами, надъ орлами“ въ сущности не страшны. Сатирикъ самъ никогда не бываетъ чуждъ предмету своей сатиры. А сатирикъ-баснописецъ особенно добродушенъ, и ужъ ни въ какомъ случаѣ онъ не радикаленъ, не опасенъ. Басни могъ бы писать и Молчалинъ. Ихъ пишетъ человѣкъ спокойный. Трудно представить себѣ баснописца не старикомъ; самъ Крыловъ выступилъ въ этой роли уже на пятомъ десяткѣ. Басни пишетъ человѣкъ довольный и примиренный. И удовлетворенность баснописца не есть то высшее просвѣтленное благоволеніе къ жизни, та гетевская мудрость, которая побуждаетъ жить съ міромъ въ мирѣ, принять и благословить его: нѣтъ, баснописецъ доволенъ потому, что онъ не требователенъ. Зато онъ и самъ не удовлетворяетъ чужимъ требованіямъ, когда они идутъ за предѣлы неподражаемой формы и сверкающаго юмора.

Ю. А.

Digitized by Google

Литературное обозрѣніе.

„Я люблю слушать, когда въ театрѣ музыканты настраиваютъ скрипки и трубы. Ухо ловитъ множество отдѣльныхъ вѣрныхъ нотъ, порою услышишь красивую фразу... и ужасно хочется скорѣе услышать, что именно будутъ играть музыканты". Эти слова Максима Горькаго г. Рѣдько остроумно поставилъ эпиграфомъ къ своей статьѣ „Диссонансы настроенія", напечатанной въ октябрьской книгѣ *Русск. Бог.* Рѣчь идетъ о двойственности настроенія русской интеллигенціи. Авторъ исходитъ изъ того наблюденія, что властителями думъ современнаго нашего общества являются въ равной мѣрѣ три художника, безконечно далекіе другъ отъ друга по своему взгляду на жизнь: Чеховъ, не вѣрящій въ нее, видящій въ ней только пошлость, глупость, звѣрство и страданія, Максимъ Горькій, воспѣвающій радость бытія и творческую мощь человѣка, и Л. Андреевъ, пѣвецъ мистическаго ужаса жизни и отчаянія за человѣка. И выяснивъ эти основныя черты ихъ творчества, авторъ съ грустнымъ недоумѣніемъ спрашиваетъ: „Кто же изъ этихъ разныхъ писателей *ближе* отвѣчаетъ читательскому настроенію? И что же въ концѣ-концовъ будутъ играть музыканты?"

Этимъ вопросомъ и кончается статья: авторъ не пытается отвѣчать на него. Да и какой возможенъ отвѣтъ, разъ вопросъ такъ поставленъ? Тутъ остается либо безпомощно развести руками, либо огуломъ признать публику несовершеннолѣтней, готовой рукоплескать безъ разбора всякому писателю, если только онъ талантливо пишетъ. Возможно, что именно на эту послѣднюю мысль авторъ желалъ навести читателя своимъ сопоставленіемъ, не рѣшившись изъ вѣжливости произнести ее вслухъ; возможно, что своей статьею онъ хотѣлъ сказать: вы, безпрестанно твердящіе о необходимости обновить жизнь, есть ли у васъ самихъ ясное отношеніе къ жизни? Чтобы обновлять жизнь, надо прежде всего вѣрить въ нее и въ себя—вы же вѣрите съ Горькимъ и не вѣрите съ Чеховымъ и Андреевымъ.

Если бы дѣло обстояло такъ, какъ утверждаетъ г. Рѣдько, его выводъ, его удивленіе были бы совершенно законны. Но этого нѣтъ: онъ просто, какъ это часто бываетъ, вывелъ вѣрное заключеніе изъ трехъ невѣрныхъ посылокъ. Досадно видѣть, какъ въ тысячный разъ повторяется здѣсь это грубое непониманіе Чехова, это упорное нежеланіе признать въ немъ что-либо иное, чѣмъ искусство бытописанія, это неумѣнье отличить его самого отъ его дѣйствующихъ лицъ. Неужели нужно еще и теперь доказывать, что не Чеховъ „не вѣритъ въ жизнь",

Digitized by Google

а его печальные герои, и что читателей привлекала къ нему именно его глубокая вѣра въ потенціальную красоту жизни и человѣка? Люди, томившіеся въ сумеркахъ, полюбили его не за искусство, съ которымъ онъ изображалъ эти сумерки, а за то, что онъ весь былъ страстная тоска по яркому солнцу, по голубому небу, или, вѣрнѣе, за то, что онъ сумѣлъ выразить эту тоску, жившую въ нихъ самихъ. И оттого между нимъ и Горькимъ нѣтъ той пропасти, которую видитъ г. Рѣдько: они оба, хотя на разныхъ языкахъ, говорили больному поколѣнію о лучшемъ, что жило въ немъ,—о его тоскѣ по здоровью и силѣ, они оба въ магическомъ зеркалѣ показали Иванову его образъ, какимъ онъ долженъ былъ бы быть,—образъ человѣка, выпрямленнаго, по выраженію Г. Успенскаго, во весь человѣческій ростъ, съ тою только разницею, что Чеховъ говорилъ о высшей духовной красотѣ человѣка, тогда какъ Горькій рисовалъ идеалъ безконечно болѣе грубый, идеалъ крѣпкихъ мышцъ и цѣльныхъ чувствъ. Увлеченіе Горькимъ было и естественно, и благотворно, но если ужъ говорить о незрѣлости нашего общества, то, на нашъ взглядъ, она выразилась всего болѣе въ томъ, что Горькій сумѣлъ на время затмить Чехова. Правда, это продолжалось недолго: стихійная, полуживотная мощь Челкаша и Мальвы только на минуту опьянила молодежь. Творчество Горькаго было спасительно, какъ крутая реакція противъ рефлексіи и нытья, какъ сильный толчокъ, пробуждающій отъ дремоты; но его положительное содержаніе было слишкомъ примитивно, оно не могло удовлетворить проснувшагося, и послѣ первой минуты опьяненія русское общество неизбѣжно должно было вернуться къ Чехову, который звалъ его не назадъ, къ первобытной цѣльности (въ этомъ смыслѣ проповѣдь Горькаго по существу своему реакціонна), а впередъ, къ истинно-человѣчному, къ идеалу сознательной гармоніи духа и жизни. Г. Рѣдько со своимъ формальнымъ пониманіемъ жизни, какъ чего-то внѣ насъ лежащаго, къ чему личность относится, какъ сапожникъ къ требующему починки башмаку, не замѣтилъ ни этого сходства между обоими художниками, ни этого различія; онъ не понимаетъ, что, читая Чехова и читая Горькаго, читатель одинаково былъ увлеченъ одной думой—о томъ, что̀ онъ есть и, главное, что̀ онъ не есть и чѣмъ долженъ былъ бы быть. Чрезъ обоихъ, какъ чрезъ два оптическихъ стекла, онъ жадно вглядывался въ собственную душу, и это же самое заставило его полюбить г. Леонида Андреева, который сумѣлъ показать ему въ его душѣ еще невѣдомыя ему бездны. Смѣшно говорить о пессимизмѣ г. Андреева. Пессимистическаго искусства (понимая пессимизмъ въ философскомъ смыслѣ) вообще нѣтъ и не можетъ быть. О пессимизмѣ въ искусствѣ можетъ говорить только тотъ, кто подъ жизнью разумѣетъ единственно эмпирическую дѣйствительность; но кто преодолѣлъ этотъ грубый взглядъ, для кого каждое явленіе есть лишь моментъ въ безконечномъ процессѣ совершенствованія и наличная дѣйствительность неотдѣлима отъ идеальной жизни, какъ движеніе неотдѣлимо отъ своей цѣли, тотъ знаетъ, что искусство есть высшее утвержденіе жизни, на какое способенъ человѣкъ. Пусть всѣ фигуры на картинѣ темны, пусть нѣтъ на ней источника свѣта,—свѣтъ есть, только его источникъ за предѣлами картины, и чѣмъ фигуры темнѣе, тѣмъ отдаленнѣе источникъ свѣта отъ того мѣста, гдѣ происходитъ дѣйствіе картины. Сказать о г. Андреевѣ, какъ это дѣлаетъ г. Рѣдько, что онъ вѣритъ только въ „стѣну“, окружающую

Digitized by Google

прокаженныхъ несокрушимой стѣной, все равно, что сказать о живописцѣ, изобразившемъ на картинѣ темную шахту, что онъ не знаетъ о существованіи солнца.

Какія все это элементарныя истины, и какъ прискорбно, что ихъ приходится повторять снова и снова! Въ послѣдней книжкѣ „Вѣстника знанія“ г. П. М. Пильскій предъявилъ нашей критикѣ рядъ тяжелыхъ обвиненій, и съ нимъ приходится во многомъ согласиться. Онъ говоритъ о томъ, что она близорука и деспотична, что ея публицистическій аршинъ въ приложеніи къ искусству невѣренъ и коротокъ, и что пора положить конецъ этому „идейному крѣпостничеству“. Да оно и падаетъ само собою: въ послѣдніе годы не разъ отмѣчалось, какъ тотъ или иной писатель достигъ популярности помимо или даже наперекоръ критикѣ, и сами художники, какъ справедливо замѣчаетъ г. Пильскій, давно уже перестали смотрѣть на критику, какъ на учителя. Указывая на новыя вѣянія въ литературѣ, разрушающія старую эстетику, авторъ справедливо требуетъ для нихъ полнаго простора: „Нельзя отлить разъ навсегда формы и для всѣхъ отпустить одну и ту же политуру; безполезно и невозможно наставлять доктринерскимъ тономъ: „пишите такъ; изображайте этакъ; оттуда-то берите темы; въ такомъ-то освѣщеніи разрабатывайте ихъ...“ Жизнь бѣжитъ, и надо стеречь этотъ нервный, трепетный бѣгъ. А насъ тоненькими-тоненькими, рѣжущими тѣло веревочками привязываютъ къ старымъ разваливающимся тачкамъ и, грозя пальцемъ, говорятъ: „смотрите же, безъ тачекъ ни на шагъ!“ И отъ этого происходитъ то, что въ хорошемъ журналѣ начинаютъ находить себѣ пріютъ не талантъ, а послушаніе, не собственная, настоящая физіономія, а вытянутое отраженіе въ зеркалѣ чужой критической воли,—рабъ и послушникъ чужой указки“.

Да, тяжелый грѣхъ лежитъ на нашей критикѣ; будущій историкъ покажетъ, какъ глубоко она извратила вкусъ публики и какъ многократно заставляла самихъ художниковъ уклоняться отъ прямого пути,—но онъ же разскажетъ и ея исторію. Honny soit qui mal y pense! Мы не призваны судить прошлаго, мы должны только понять его, и историкъ разскажетъ нашимъ потомкамъ, какъ случилось, что въ великой борьбѣ за свободу подъ знамя возстанія были призваны всѣ духовныя проявленія русскаго общества, не исключая и поэзіи и критики, и какъ это было въ ту пору неизбѣжно. Эта пора теперь, повидимому, прошла: молодое художество явно выходитъ изъ-подъ публицистической ферулы и возвращается къ истинной задачѣ искусства—къ интуитивному постиженію жизни въ ея глубочайшихъ основахъ. И совершенно правъ г. Пильскій, когда говоритъ, что это новое искусство требуетъ новой критики, которая была бы не деспотическимъ педагогомъ, а „психологическимъ комментаріемъ души писателя, толмачомъ его образнаго языка линій и красокъ“. Мы считаемъ неотъемлемой заслугой А. Л. Волынскаго, что онъ первый въ наше время пробилъ брешь въ твердынѣ догматической критики; его бунтъ противъ нея былъ благотворенъ, несмотря даже на то, что въ сущности онъ и самъ не открывалъ искусству полнаго простора, а только хотѣлъ замѣнить публицистическій догматъ инымъ, мистическимъ, и несмотря на вопіющую несправедливость, съ какою онъ судилъ нашу старую публицистическую критику, не желая или не умѣя понять ея роковыхъ судебъ.

Digitized by Google

Но, пожалуй, и его не приходится винить за это: человѣку, выросшему въ догматизмѣ, трудно стать свободнымъ,—его всегда тянетъ замѣнить старый догматъ другимъ. Любопытно видѣть, какъ въ этотъ грѣхъ впалъ и г. Пильскій, такъ горячо и убѣжденно требующій для художника полной свободы. Во второй части своей статьи онъ разбираетъ нѣсколько разсказовъ, помѣщенныхъ въ послѣднихъ книжкахъ нашихъ толстыхъ журналовъ. Между прочимъ, онъ останавливается на прекрасномъ разсказѣ г. Первухина „Свисташкино счастье“ (*Міръ Божій*, сент.). Сюжетъ разсказа можно передать въ двухъ словахъ: Свисташка—лакей столичной гостиницы, уже немолодой и развращенный до мозга костей; онъ знаетъ случаи, когда люди его положенія ловкостью въ подлыхъ услугахъ гостямъ достигали вершины счастья — капитала, позволявшаго имъ пріобрѣсти собственную гостиницу, и мысль о такомъ счастьѣ, о своемъ „отелѣ“, владѣетъ имъ неотступно. Онъ женился недавно, съѣздивъ въ деревню, на миловидной и ангельски-кроткой дѣвушкѣ—обаятельный образъ, превосходно удавшійся художнику. И вотъ однажды гость, молодой кутящій графъ, увидѣвъ въ коридорѣ пришедшую къ мужу Марусю, въ пьяномъ видѣ предлагаетъ Свисташкѣ тысячу рублей, если онъ приведетъ къ нему жену. Мысль объ этой огромной суммѣ уязвила Свисташку; два дня онъ боролся съ собою и, наконецъ, рѣшился. А графъ тѣмъ временемъ прокучивалъ послѣднія привезенныя деньги, какъ онъ и обыкновенно время отъ времени наѣзжаетъ въ столицу изъ своего имѣнія только на короткій срокъ—„освѣжиться“,—и когда Свисташка, наконецъ, привелъ обезсилѣвшую отъ безмолвныхъ мукъ и рыданій Марусю, пьяный графъ встрѣтилъ его заявленіемъ, что онъ опоздалъ и что денегъ нѣтъ—всѣ забрала француженка. Конецъ разсказа производитъ потрясающее впечатлѣніе.

Спустившись со своею дрожащею спутницей съ лѣстницы, Свисташка у подъѣзда гостиницы остановился, держа за руку Марусю. Потомъ потянулъ ее въ сторону. Маруся не сопротивлялась. Сдѣлавъ шаговъ десять отъ подъѣзда, Свисташка взялъ правую руку Маруси своею лѣвою рукой и грубо повернулъ женщину къ себѣ лицомъ.

— Ну?—сказалъ онъ какъ будто спокойнымъ голосомъ.

Марусѣ показалось, что онъ радъ, и она улыбнулась слабою, робкою, дѣтскою улыбкою.

— Богъ спасъ, Евсташа!—пролепетала она.

— Богъ спасъ? Отъ тысячи? Отъ своего счастья? Отъ своего отеля? Да? Богъ спасъ?

Маруся, все такъ же робко, по-дѣтски улыбаясь, кивнула головою и сказала:

— Пойдемте домой, Евстафій Ильичъ! Пойдемте, милый, голубчикъ...

Въ этотъ моментъ Свисташка взмахнулъ кулакомъ и опустилъ его на лицо жены. Что-то хрястнуло подъ ударомъ кулака, что-то охнуло... Маруся подалась назадъ и стала падать, какъ-то присѣдая, словно не рѣшаясь, навзничь или на грудь упасть. Кулакъ Свисташки еще разъ мелькнулъ въ воздухѣ и ударилъ по головѣ женщины. Сзади кто-то закричалъ, и еще, и еще...

И вотъ по поводу этого окончанія г. Пильскій упрекаетъ автора въ недостаткѣ смѣлости, заставившемъ его слишкомъ поздно привести Марусю къ графу: „Не надо быть особеннымъ любителемъ мелодрамы или поклонникомъ жестокости въ талантѣ, — говоритъ онъ, — чтобы отъ души пожалѣть загубленную картину невольнаго принужденнаго паденія женщины, брошенной любимымъ человѣкомъ въ оплаченныя

Digitized by Google

объятія чужого. Тутъ всѣ условія для автора, чтобы обнаружить размахъ, вскрыть трагическія бездны, показать потрясающую борьбу чистоты съ грязью жизни". Что это, какъ не новая критическая ферула? Не говоря уже о томъ, что мы рѣшительно отказываемся понять, почему паденіе Маруси было бы при данныхъ въ разсказѣ условіяхъ правдоподобнѣе ея избавленія или почему оно было бы художественнѣе этого трогательнаго „Богъ спасъ, Евсташа!", сказаннаго съ робкой улыбкой; но куда-же дѣвалось благоговѣйное уваженіе къ свободѣ художника, которое г. Пильскій такъ краснорѣчиво проповѣдуетъ въ теоретической части своей статьи, зачѣмъ и онъ приковываетъ художника къ новой тачкѣ, пусть даже къ тачкѣ трагической красоты? Г. Первухинъ *не* написалъ паденія Маруси; мы не имѣемъ права заподозрѣть его въ неискренности ради приличія или прекраснодушія; значитъ, такова была его художественная концепція, и напиши онъ иначе, такъ, какъ хотѣлось бы г. Пильскому, онъ навѣрное написалъ бы дурно, фальшиво.

И вторично г. Пильскій на протяженіи немногихъ страницъ впадаетъ въ тотъ же грѣхъ при разборѣ „Дневника Олёны". Этотъ разсказъ (*Правда*, авг.), на который, вѣроятно, обратили вниманіе многіе читатели, принадлежитъ къ лучшему, что за послѣдніе годы появлялось въ нашей беллетристикѣ. Нельзя достаточно надивиться поразительному искусству, съ какимъ анонимный авторъ шутя преодолѣваетъ величайшія трудности психологіи и языка (разсказъ ведется отъ лица простой деревенской бабы), и высокой художественности цѣльнаго, какъ слитокъ золота, разсказа. Между прочимъ Олёна разсказываетъ здѣсь своему другу, докторшѣ, для которой и предназначается ея дневникъ, какъ надъ ней, опоивъ ее водкою, совершилъ насиліе дядя Данила; она говоритъ и не договариваетъ, и обрываетъ на томъ, какъ Данила настигъ ее, когда она, убѣгая отъ него, упала въ яму, и какъ онъ взялъ ее на руки, а у нея уже и крику не было, „только въ головѣ звонъ, какъ въ колокола". И слѣдующая ея запись въ дневникѣ: „Какъ вы велѣли, я ничего никому не говорила. Скажу только попу на духу, потому что томно мнѣ очень". Г. Пильскій опять недоволенъ: не показавъ читателю первыхъ минутъ тоски, боли и стыда, авторъ де „не далъ главнаго, серьезнаго, важнаго"; если бъ онъ не выбралъ формы дневника, ему не пришлось бы такимъ образомъ „затушевать бездну". И дались г. Пильскому эти трагическія бездны! А главное, зачѣмъ онъ свое пристрастіе къ нимъ навязываетъ художникамъ?

Г. Пильскій назвалъ свою статью: „Новыя вѣянія". Они есть, эти новыя вѣянія, и ихъ не побѣдить ни замалчиваніемъ, ни глумленіемъ. Пусть они выступаютъ на первыхъ порахъ съ юношеской рѣзкостью и нетерпимостью, пора же понять, что не все въ нихъ мода и озорство. Въ прошлый разъ я коснулся нашего декадентства; какъ бы ни смотрѣть на него съ чисто-этической и съ общественной точки зрѣнія, можно ли отрицать, что въ немъ слышится искренній крикъ душевной боли и что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ симптоматическимъ явленіемъ? Одно изъ двухъ: или передъ нами начало органическаго и нормальнаго измѣненія общественнаго духа, или же это—симптомъ, хотя бы и слабый, какого-то пока тайнаго недуга. Въ обоихъ случаяхъ явленіе заслуживаетъ внимательнаго изслѣдованія, которое неминуемо должно пролить свѣтъ на процессы, совершающіеся въ нѣдрахъ общественнаго самосо-

Digitized by Google

знанія. Въ нашей почвѣ образовалась трещина, небольшая, но растущая; что это? возникнетъ ли новый материкъ или оторвется небольшой островокъ? Дѣло критики—добросовѣстно и съ уваженіемъ къ чужой мысли изучить новое движеніе и объяснить его обществу. Но какъ далека отъ этого наша журнальная критика! Всякій разъ, когда мы встрѣчаемъ такія недостойныя нападки, полныя злости, глумленія и, главное, невѣжества, намъ вспоминаются мѣткія слова одного изъ нашихъ декадентовъ: „они неправы, потому что они злѣе насъ".

И не одна критика: такихъ наѣздовъ не чуждаются по временамъ и художники. Въ ноябрьской книгѣ *Русской Мысли* напечатана новая пьеса г. Боборыкина, комедія въ 4-хъ дѣйствіяхъ подъ названіемъ: „Упразднители", идущая сейчасъ на сценѣ Московскаго Малаго театра. Если бы не эти два обстоятельства,—что она напечатана на страницахъ довольно распространеннаго журнала и что въ теченіе сезона ее пересмотритъ нѣсколько тысячъ зрителей,—о ней не стоило бы и упоминать. Не то, чтобы она была совсѣмъ лишена художественности; напротивъ, характеры двухъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ—Зѣватова и Анны Неуталовой—въ общемъ даже недурно выдержаны. Но отношеніе автора къ жизни, къ людямъ и мыслямъ запечатлѣно такимъ безнадежнымъ легкомысліемъ, такимъ, я сказалъ бы, бездушіемъ, что по истинѣ становится „страшно за человѣка". Извѣстна спеціальность г. Боборыкина—уловлять новые моменты; каковы бы они ни были, они всѣ для него—не больше, какъ сюжеты для романовъ или комедій. О внутреннемъ отношеніи художника къ предмету его изображенія, о любви или ненависти здѣсь нѣтъ и рѣчи, нѣтъ ни пониманія новой мысли, ни даже желанія ее понять. Каждое новое умственное движеніе для г. Боборыкина—ничто иное, какъ курьезъ, „послѣдній крикъ" моды (такъ и назвалъ онъ свой разсказъ на модную тему объ идеализмѣ, напечатанный недавно въ *Русск. Вѣд.*). И такъ изъ года въ годъ, опошливая все свѣжее и молодое, засоряетъ онъ умъ русской публики и развращаетъ ея совѣсть своими безчисленными произведеніями; и такъ испорченъ вкусъ этой публики, что это преступное легкомысліе можетъ процвѣтать и давать успѣхъ въ странѣ, породившей „Авторскую исповѣдь" Гоголя и „Исповѣдь" Толстого.

На этотъ разъ г. Боборыкинъ избралъ сюжетомъ тоже одинъ изъ „послѣднихъ криковъ"—т. наз. ницшеанство, т.-е. то самое стремленіе къ безусловной свободѣ личности, о которомъ мы говорили прошлый разъ. „Упразднители"—это прежде всего люди, сознательно отвергающіе буржуазную мораль; такихъ въ пьесѣ съ полдюжины, и, Боже мой, до чего они карикатурны, до чего убоги ихъ мысли, желанія и поступки! Ницшеанство въ нихъ, разумѣется,—либо юродство, какъ въ Дрыгинѣ, либо озорство, какъ въ Максинѣ, Чуркинѣ и пр., либо ширма для мошенническихъ продѣлокъ, какъ у Присягина; а если Зѣватовъ и долженъ быть представителемъ принципіальнаго ницшеанства, то его философія не идетъ дальше рацей о томъ, что „*все*—сутолока, миражъ, глупый самообманъ". „Съ кого они портреты пишутъ"? гдѣ, въ какой московской „меблировкѣ" (по терминологіи г. Боборыкина) случалось ему видѣть такихъ людей? Ихъ нѣтъ и они невозможны; все это придумано и сочинено съ использованіемъ нѣсколькихъ вѣрныхъ наблюденій, зачерпнутыхъ на самой поверхности теченія. Выдумано и все остальное—этотъ графъ Перемышевъ, не устающій повторять: „чѣмъ хуже, тѣмъ

Digitized by Google

лучше", этотъ молодой плутъ Каркудиновъ, ненавидящій мужика и радѣющій объ интересахъ четвертаго сословія, и вся убогая фабула пьесы, и все отношеніе этихъ карикатурныхъ куколъ къ „интригѣ". Не поймешь, зачѣмъ такъ распинается Анна, зачѣмъ Зѣватовъ соглашается принять ея помощь, а потомъ приходитъ ругать ее за это „непрошенное вмѣшательство въ его судьбу", и т. д., и т. д. Упразднителямъ противопоставлены „трудъ, служеніе обществу и народу" главнымъ образомъ въ лицѣ земскаго дѣятеля Солодова, и столько благородства въ этомъ нестерпимо-корректномъ господинѣ, такой преизбытокъ убѣжденности и всяческихъ гражданскихъ добродѣтелей, что такъ и кажется: уйдетъ со сцены—и непремѣнно напьется мертвецки, чтобы хоть на часъ избавиться отъ корректности. Рядомъ съ нимъ — его поклонница Анна, тоже гражданско-добродѣтельная на помѣщичій манеръ, и на подмогу имъ даны еще два „положительныхъ типа": идеальная женщина-врачъ и земскій докторъ. Пьеса кончается, разумѣется, торжествомъ гражданскихъ добродѣтелей и законнымъ бракомъ Солодова и Анны, и если ее передъ опущеніемъ занавѣса еще тревожитъ опасеніе за судьбу этихъ добродѣтелей въ виду многочисленности и дерзости упразднителей, то онъ, вставъ въ позу, изъявляетъ готовность принять ихъ удары на свою грудь: „Я не боюсь ихъ! Пусть приходятъ! Пусть кричатъ: „все на смарку!" и т. д. Такова пьеса, которую счелъ возможнымъ включить въ свой репертуаръ Малый театръ и которая находитъ зрителей.

Обзоръ театра.

„Ивановъ" на сценѣ Художественнаго театра. Постановка „Иванова" — одна изъ лучшихъ въ Художественномъ театрѣ, можетъ быть наилучшая. Реализмъ, выдержанный въ мельчайшихъ подробностяхъ,— и ни слѣда искусственности, преднамѣренности и того подчеркиванія, которое такъ раздражало въ „Трехъ сестрахъ" и еще въ „Вишневомъ садѣ". На всемъ колоритъ чеховской мягкости: настроеніе, которымъ насыщена пьеса, нашло себѣ полное пластическое воплощеніе на сценѣ.

И эта цѣльность впечатлѣнія достигнута прежде всего игрою артистовъ, заслуживающей всякой похвалы. Не говорю уже о жизненности позъ и жестовъ, рѣчей и молчанія: есть нѣчто болѣе трудное, что здѣсь было достигнуто, — именно, вѣрность дистанцій, въ какихъ отстоятъ другъ отъ друга фигуры на сценической картинѣ, умѣнье занять и сохранять, не выдвигаясь впередъ, то самое мѣсто въ общей перспективѣ пьесы, которое указалъ авторъ дѣйствующему лицу. Это въ частностяхъ почти неуловимо и правилъ на это нѣтъ, но ничто не способствуетъ въ большей степени усвоенію зрителемъ истиннаго смысла пьесы; и въ „Ивановѣ" это самоотреченіе артистовъ, не имѣющее ничего общаго съ обезличеніемъ персонажей, было доведено до совершенства. И еще надо сказать спасибо артистамъ за то, что они, сколько можно, смягчили шаржъ, котораго довольно много въ „Ивановѣ", какъ и во всѣхъ чеховскихъ пьесахъ.

Старый барскій домъ съ облупленными колоннами, полная нѣги іюль-

Digitized by Google

ская ночь и яркій свѣтъ мѣсяца, изъ оконъ несутся мягкіе, полные звуки рояля и віолончели: „Уймитесь, волненія страсти“; отчего же всѣмъ здѣсь такъ больно и такъ трудно? Вотъ изъ-за угла снова показались Ивановъ и докторъ, которому онъ, прохаживаясь, чтобы не слышала жена, разсказываетъ свою исторію; вамъ хочется заткнуть уши, чтобы не слышать этого нуднаго голоса, этой мучительной и безнадежной исповѣди. Зачѣмъ скрывать? Всякая болѣзнь уродлива, а Ивановъ тяжело боленъ, со всѣми признаками хроническаго недуга: его эгоизмъ, его вѣчное сосредоточеніе на мысли о своей болѣзни внушаютъ отвращеніе. Таково начало перваго дѣйствія. Теперь вспомните ту сцену въ концѣ третьяго дѣйствія, когда Ивановъ такъ безжалостно топчетъ ногами кроткую умирающую женщину, отдавшую ему все, когда онъ бросаетъ ей въ лицо грубое оскорбленіе и смертный приговоръ: чудное дѣло! вы уже давно начали примиряться съ нимъ, и какъ разъ въ эту минуту вы окончательно прощаете ему все и проникаетесь къ нему глубокимъ сочувствіемъ. Тамъ вы смотрѣли на него глазами доктора Львова, здѣсь—глазами Чехова.

А докторъ Львовъ до конца не мѣняетъ своего взгляда, и, вѣроятно, даже самоубійство Иванова представляется ему естественнымъ результатомъ его разоблаченія. Львовъ по исполненію не удался Чехову: это скорѣе ходячая схема, чѣмъ живой человѣкъ; но по замыслу онъ кажется мнѣ однимъ изъ оригинальнѣйшихъ созданій покойнаго художника,—притомъ однимъ изъ тѣхъ, которыя больше всего даютъ возможность заглянуть въ его собственную душу. Львовъ дѣйствительно честенъ; больше того, онъ—идеалистъ, способный многимъ пожертвовать ради своихъ убѣжденій; но въ его убѣжденіяхъ нѣтъ ничего, кромѣ голой логики добродѣтелей, кромѣ того правосудія, о которомъ сказано: summum jus—summa injuria. Это страшно-скудная, „бездарная“ натура, лишенная всякаго органа для пониманія великой сложности и ирраціональности человѣческаго духа; онъ ничего не прощаетъ людямъ, потому что ничего не понимаетъ въ нихъ, потому что у него нѣтъ другого мѣрила для ихъ оцѣнки, кромѣ его нравственно-логическаго аршина. И когда онъ этимъ прямолинейнымъ аршиномъ измѣряетъ сложную и запутанную психику Иванова, вы содрогаетесь отъ ужаса предъ его слѣпой жестокостью и всей душой протестуете за право Иванова, за ваше собственное право быть понятымъ человѣчески, во всей совокупности вашего существа и вашего прошлаго.

Этому пониманію учитъ насъ Чеховъ, и образъ Львова только усиливаетъ выразительность урока. Львовъ—прямая противоположность Чехову въ его оцѣнкѣ человѣческихъ дѣлъ; для Чехова, съ его глубокой психологической прозорливостью, съ его любовной бережливостью въ отношеніи къ нѣжнымъ корневымъ нитямъ и росткамъ человѣческаго духа, нѣтъ зрѣлища болѣе тяжелаго, какъ эта безжалостная прямолинейность Львовыхъ, и, я думаю, изображать Львова для него было мучительно. Львовъ—такой же зритель развертывающейся въ пьесѣ трагедіи Иванова, какъ и мы; предъ его глазами проходятъ тѣ самыя событія и та самая психологія, на которыя мы смотримъ здѣсь сквозь художественную призму, — и вотъ подъ конецъ онъ произноситъ Иванову смертный приговоръ, намъ же и въ голову не приходитъ мысль о какомъ-либо приговорѣ и мы не только прощаемъ Иванову то, чего онъ

Digitized by Google

самъ не можетъ себѣ простить,—мы горячо беремъ его сторону противъ тѣхъ *внѣшнихъ* силъ, которыя загубили его недюжинную личность.

Я намѣренно подчеркиваю *внѣшнихъ*, потому что такова, несомнѣнно, мысль Чехова. Г. Булгаковъ въ своей недавней лекціи о Чеховѣ какъ мыслителѣ (*Новый путь*, окт.) пытается формулировать отвѣтъ Чехова на вопросъ, преслѣдовавшій его на протяженіи всего его творчества: „Отчего такъ велика сила обыденщины, сила пошлости? отчего человѣка такъ легко одолѣваютъ мертвящая повседневность, будни духа?"—и приходитъ къ такому выводу: „Насколько мы находимъ у Чехова—не отвѣтъ на этотъ безотвѣтный вопросъ, а данныя для такого отвѣта, причину паденій и безсилія человѣческой личности далеко не всегда можно искать въ неодолимости тѣхъ внѣшнихъ силъ, съ которыми приходится бороться—быть разбитымъ и даже исковерканнымъ неодолимой силой послѣ борьбы съ ней прекрасно и достойно героя, но—увы!—ее приходится видѣть во внутренней слабости человѣческой личности, въ слабости или безсиліи голоса добра въ человѣческой душѣ, какъ бы въ ея прирожденной слѣпотѣ и духовной поврежденности". При такомъ ограничительномъ „не всегда" съ этой формулировкой еще можно было бы согласиться, но дальше г. Булгаковъ уже совсѣмъ игнорируетъ „внѣшнія силы" и провозглашаетъ Чехова чистымъ пѣвцомъ общечеловѣческой скорби — именно скорби о безкрылости человѣка, о его неспособности подняться надъ землею. Но вѣдь это невѣрно. Г. Булгаковъ впалъ въ ошибку, противоположную той, въ какую впадало большинство писавшихъ о Чеховѣ: они игнорировали общечеловѣческую сторону его творчества, г. Булгаковъ — бытовую. Сравнивая Чехова съ Байрономъ въ ихъ міровой скорби, г. Булгаковъ упускаетъ изъ виду одно существенное различіе между ними—что Байрона занимаетъ всегда только отдѣльная личность, микрокосмъ человѣческаго духа, и потому онъ своихъ героевъ охотнѣе всего изображаетъ внѣ ихъ земной обстановки, какъ Манфреда, или по крайней мѣрѣ на почвѣ, чуждой ихъ прошлому, какъ Донъ-Жуана. Чеховъ же ни одного образа не нарисовалъ безъ бытового фона и ни объ одномъ изъ главныхъ своихъ персонажей не упустилъ разсказать, какъ дошелъ онъ до жизни такой.

Можно ли сказать объ Ивановѣ, что его несчастіе и уродство—въ „слабости горѣнія его сердца къ добру"? Конечно, нѣтъ: голосъ добра ему и теперь такъ же внятенъ, какъ пять лѣтъ назадъ, обыденщина его не засосала, онъ не опошлился; но въ немъ не осталось силъ слѣдовать голосу добра, въ немъ больна воля. Іонычъ, Лебедевъ—тѣ опошлились, Ивановъ только надорвался (онъ и разсказываетъ, какъ случилось, что у него „треснула спина", какъ у того рабочаго, который взвалилъ себѣ на спину два мѣшка ржи); сопоставьте Іоныча съ Ивановымъ: Іонычъ уцѣлѣлъ, потому что приспособился къ средѣ, Ивановъ гибнетъ, потому что внутренно остался вѣренъ голосу добра. Значитъ, чеховскій вопросъ долженъ быть формулированъ иначе: не почему слабъ человѣкъ (этотъ вопросъ охватывалъ бы только Іонычей и Лебедевыхъ), а почему дурна и всемогуща жизнь какъ она есть, почему она слабыхъ растлѣваетъ, а непокорныхъ сламываетъ, какъ сломала она Иванова. А этотъ вопросъ есть вопросъ не о личности въ ней самой, какъ у Байрона, а объ *условіяхъ* ея роста и увяданія—и онъ не менѣе общечеловѣченъ, чѣмъ та міровая скорбь, которую приписываетъ Чехову

Digitized by Google

г. Булгаковъ, потому что, разумѣется, смѣшно было бы думать, что Чеховъ хочетъ выставить дядю Ваню или Иванова спеціальнымъ продуктомъ именно русскаго быта и именно 80-хъ годовъ: онъ изображаетъ вѣчныя трагедіи духа въ ихъ конкретныхъ, мѣстно и временно, воплощеніяхъ.

Но вернемся къ постановкѣ „Иванова“. Иванова играетъ г. Качаловъ. Роль эта необычайно трудна: артистъ долженъ изобразить не только настоящаго, надломленнаго Иванова, но и того, который „вѣровалъ не такъ, какъ всѣ, женился не такъ, какъ всѣ, горячился, рисковалъ“, словомъ—„былъ счастливъ и страдалъ, какъ никто во всемъ уѣздѣ“; зритель долженъ, видя его больнымъ, вѣрить, что въ здоровомъ состояніи онъ былъ способенъ сдвигать горы, хотя бы только и уѣздныя. Г. Качаловъ вполнѣ достигаетъ этого, особенно въ послѣдней сценѣ, передъ самоубійствомъ: рѣшеніе покончить съ собою вернуло ему былую твердость, и онъ стоитъ среди этихъ встревоженныхъ людей спокойно и сильно; въ эту минуту вы вѣрите г. Качалову, что здоровый Ивановъ былъ смѣлый и свободный человѣкъ. Да и на всемъ его обликѣ съ начала до конца лежитъ печать благородства; онъ во всякую минуту двумя головами выше всѣхъ окружающихъ. Не менѣе трудна, уже по своей схематичности, роль доктора Львова; г. Москвинъ задумалъ интересный типъ и превосходно выдерживаетъ его, но намъ кажется, что Львовъ долженъ быть менѣе суетливъ, не дергаться въ такой степени. Выше всякой похвалы г. Станиславскій въ роли графа Шабельскаго; въ немъ все—совершенство, отъ чуднаго грима и барски-картаваго р до глубокой серьезности какъ въ смѣшномъ, такъ и въ трогательномъ: яркій, вполнѣ живой образъ, надолго остающійся въ памяти. Анна Петровна и у Чехова вышла блѣдною; нѣкоторая жесткость, вообще свойственная умной игрѣ г-жи Книпперъ, на этотъ разъ особенно вредитъ ей, такъ что, несмотря на великое страданіе Анны, зритель уноситъ изъ театра гораздо меньше состраданія съ нею, чѣмъ, напримѣръ, съ Шабельскимъ. Очень хороша г-жа Тарина-Саша со своей дѣвической угловатостью и горячей искреиностью, такъ прекрасно вырастающая въ послѣдней сценѣ; превосходны всѣ безъ исключенія второстепенныя дѣйствующія лица, и вообще весь спектакль доставляетъ большое эстетическое наслажденіе.

М. Гершензонъ.

Digitized by Google

Библіографія.

Куно Франке. Исторія нѣмецкой литературы въ связи съ развитіемъ общественныхъ силъ (съ V вѣка до настоящаго времени). Переводъ съ англійскаго П. Батина. Книгоиздательство М. В. Пирожкова. Спб. 1904. Цѣна 3 руб.

Трудъ Куно Франке, первое изданіе котораго вышло въ свѣтъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Америкѣ, подъ заглавіемъ „Social forces in German Literature", безспорно, принадлежитъ къ числу капитальныхъ изслѣдованій, посвященныхъ нѣмецкой словесности. Начавъ съ эпохи великаго переселенія народовъ, авторъ доходитъ до Гауптмана и Зудермана и даетъ на протяженіи своего труда немало яркихъ и талантливыхъ характеристикъ отдѣльныхъ эпохъ и литературныхъ теченій. Его основная точка зрѣнія отнюдь не отличается шаблонностью, и, несмотря на то, что онъ излагаетъ давно знакомые, съ разныхъ сторонъ освѣщенные его предшественниками факты, его книга не является только лишнимъ повтореніемъ чего-то хорошо извѣстнаго, даже нѣсколько избитаго, не подходитъ къ типу блѣдныхъ, ординарныхъ, хотя подчасъ тоже весьма обстоятельныхъ трудовъ по исторіи нѣмецкой словесности, въ родѣ „Die deutsche Nationallitteratur des 19-ten Jahrhunderts" Фридриха Кирхнера и другихъ подобныхъ сочиненій, періодически появляющихся на германскомъ книжномъ рынкѣ. Противъ его основной идеи можно возражать, во многихъ случаяхъ его можно упрекнуть въ односторонности и преувеличеніяхъ,—мы сейчасъ это увидимъ на отдѣльныхъ примѣрахъ,—но нельзя отрицать, что у него есть свой взглядъ на историческія судьбы нѣмецкой литературы и вполнѣ искреннее желаніе нарисовать стройную, законченную картину ея постепеннаго развитія.

Уже самое заглавіе перваго изданія книги Франке—„Общественныя силы въ нѣмецкой литературѣ" — даетъ понятіе о его взглядѣ на исторію словесности, о той мѣркѣ, которую онъ будетъ прилагать къ отдѣльнымъ произведеніямъ или школамъ. Въ предисловіи къ книгѣ еще болѣе выясняется точка зрѣнія автора, заявляющаго здѣсь, что всѣ его предыдущія занятія „естественно заставляли его обращать вниманіе скорѣе на содержаніе, чѣмъ на форму литературныхъ произведеній, и видѣть въ нихъ прежде всего проявленіе тѣхъ или другихъ народныхъ силъ, разсматривать ихъ главнымъ образомъ, какъ продуктъ національной культуры". По мнѣнію Франке, давно уже чувствовалась потребность въ книгѣ, которая, „основываясь на самостоятельномъ изученіи источниковъ, давала бы ясное представленіе о всѣхъ великихъ умственныхъ движеніяхъ въ Германіи, поскольку они проявлялись въ ея литературѣ, выясняла бы взаимную связь между этими умственными движеніями и общественно-политическими условіями жизни народныхъ массъ, откуда онѣ исходили или на которыя воздѣйствовали". Франке задался цѣлью написать именно подобную книгу, имѣлъ въ виду „представить анализъ тѣхъ соціальныхъ, религіозныхъ и моральныхъ силъ, которыми обусловливалось развитіе германской литературы въ ея цѣломъ" (стр. 2). Авторъ связываетъ развитіе не только германской, но и вообще всякой литературы, съ вѣчною борьбою или столкновеніемъ двухъ противоположныхъ стремленій: къ личной свободѣ и къ коллективной сплоченности. „Первое ведетъ къ наблюденію и воспроизведенію всего выдающагося, оригинальнаго, индивидуальнаго, короче—къ реалистическому направленію. Второе—къ наблюденію и воспроизведенію всего возвышеннаго и прекраснаго, многозначительнаго и универсальнаго, короче—къ идеализму".

Digitized by Google

Стремленіе автора сблизить исторію литературы съ исторіей, установить тѣсную связь между словесностью и жизнью, опредѣлить вліяніе соціальныхъ и политическихъ факторовъ и той среды, съ которою приходится имѣть дѣло писателю, само по себѣ, конечно, вполнѣ основательно и заслуживаетъ несомнѣннаго сочувствія. Тѣ труды историко-литературнаго и критическаго содержанія, которые анализируютъ дарованіе и творчество литератора внѣ связи съ извѣстною обстановкою или эпохою, производятъ въ наши дни довольно странное впечатлѣніе. Таковъ былъ, напр., этюдъ Зиромскаго, „Lamartine poète lyrique", гдѣ совершенно игнорировался историческій фонъ дѣятельности Ламартина и по большей части говорилось только о его „paysage intérieur". Но, возставая противъ подобной односторонности, легко впасть въ противоположную крайность. Отодвигать на второй планъ самый процессъ художественнаго творчества, вдохновеніе, фантазію, равнодушно относиться къ требованіямъ эстетики, придавать формѣ, слогу только самое ничтожное значеніе, не значитъ ли это — быть въ своемъ родѣ столь же одностороннимъ, какъ и тѣ критики, которые хотятъ оторвать литературу отъ жизни или ставятъ красоты стиля выше всего остального?.. Помимо того, настаивая на зависимости историческаго развитія литературы отъ борьбы между стремленіями къ личной свободѣ и коллективной сплоченности, авторъ, естественно, долженъ классифицировать всѣ литературныя явленія, руководясь этимъ общимъ взглядомъ, иногда насильственно включая ихъ въ ту или другую рубрику и поневолѣ оставляя безъ особаго вниманія все, что некстати нарушало бы гармонію набрасываемой имъ картины... Результатомъ этого являются отдѣльныя ошибки, натяжки, образцы произвольныхъ сужденій и явнаго неумѣнія или нежеланія опредѣлить, въ чемъ состоитъ истинное значеніе тѣхъ или другихъ художественныхъ произведеній...

Вотъ нѣсколько примѣровъ, взятыхъ изъ новаго періода исторіи нѣмецкой литературы. Въ Гердерѣ авторъ видитъ „перваго крупнаго представителя коллективизма". Гетевскій „Вильгельмъ Мейстеръ" интересуетъ его главнымъ образомъ потому, что тамъ отразилась „мирная революція": переходъ отъ классоваго господства стараго наслѣдственнаго дворянства къ свободѣ новѣйшей интеллектуальной аристократіи (стр. 363). „Фаустъ" привлекаетъ его не столько, какъ высокопоэтическое произведеніе, сколько какъ „полное воплощеніе новѣйшаго представленія о личности въ ея связи съ окружающими общественными условіями" (стр. 370). Вторая часть „Фауста", по опредѣленію Франке,—„прославленіе личнаго развитія, санкціонированнаго преданностью коллективнымъ задачамъ (стр. 550). Все это, конечно, вполнѣ вѣрно,—и все же какъ мало все это исчерпываетъ истинную суть дѣла, какимъ холодомъ вѣетъ отъ подобныхъ опредѣленій, нерѣдко оставляющихъ въ тѣни то, что всего ближе и дороже для насъ въ художественномъ произведеніи...

Касаясь Шиллера, авторъ по поводу „Мессинской невѣсты" и „Вильгельма Телля" выступаетъ съ довольно странными выходками противъ эстетики и ея требованій: онъ соглашается съ тѣмъ, что съ чисто художественной, эстетической точки зрѣнія многое въ этихъ двухъ пьесахъ должно быть признано не вполнѣ удовлетворительнымъ, ошибочнымъ, произвольнымъ, но отказывается придавать этому какое-либо значеніе. „Какое дѣло непредубѣжденной публикѣ", говоритъ онъ по поводу *Мессинской невѣсты*,—до того, удачно или нѣтъ подражалъ Шиллеръ въ этой драмѣ софокловскому „Эдипу"? Какое ей дѣло до того, говорятъ ли и дѣйствуютъ ли главные персонажи этой драмы сообразно ихъ средневѣковой обстановкѣ или же скорѣе—на манеръ греческихъ героевъ? хорошо ли было сдѣлать нравственнымъ фономъ этой драмы смѣшеніе различныхъ религіозныхъ вѣрованій?" Подобные риторическіе вопросы (мы выписали только часть ихъ) производятъ, нужно сознаться, довольно своеобразное впечатлѣніе въ устахъ *историка литературы*...

Нѣкоторыя оцѣнки и характеристики, попадающіяся у Франке, нуждаются въ оговоркахъ или должны быть признаны слишкомъ краткими. Сюда относится, напр., не въ мѣру строгая оцѣнка „Гёца фонъ Берлихингена" или упоминаніе о „вяломъ сентиментализмѣ" Вертера. Тѣ нѣсколько строкъ, которыя посвящены въ книгѣ Грильпарцеру, едва ли могутъ дать какое-либо понятіе объ авторѣ „Сафо" и „Прародительницы". Въ отдѣлѣ, посвященномъ Гейне, попадаются наряду съ признаніемъ его таланта, такіе приговоры, которые могли высказываться когда-то, въ пылу полемики, исходя изъ чисто партійной точки зрѣнія, но давно отжили свой вѣкъ... „При всѣхъ своихъ благородныхъ стремленіяхъ и симпатіяхъ, онъ къ концу жизни сдѣлался ренегатомъ въ религіозномъ, политическомъ

Digitized by Google

и даже художественномъ отношеніи". „Обладая величайшимъ послѣ Гете лирическимъ талантомъ, онъ едва ли создалъ хоть одну поэму, которая проникала бы въ глубину природы и человѣческой души". „Будетъ ли преувеличеніемъ сказать, что изъ всѣхъ современныхъ ему писателей Гейне представляетъ наиболѣе печальный примѣръ интеллектуальной дегенераціи, вызванной политическими принципами эпохи реставраціи" (стр. 537). „Ужъ сколько разъ твердили міру", что все это невѣрно или неточно, но подобныя сужденія все же продолжаютъ высказываться даже очень компетентными, повидимому, людьми!..

Въ коренной переработкѣ нуждается послѣдняя часть книги Франке, посвященная новѣйшему періоду нѣмецкой литературы. Никакого понятія объ этомъ періодѣ читатель получить не можетъ. Достаточно сказать, что о Ницше и его философіи авторъ говоритъ на протяженіи какихъ-нибудь 20-ти строкъ, потому что характеристика этой философіи окончательно нарушила бы цѣльность картины торжества „коллективизма", которое грезится Франке въ ближайшемъ будущемъ. Тутъ же *на нѣсколькихъ страницахъ* анализируется пьеса Эриста Вильденбруха „Король Генрихъ", которую авторъ старается представить выдающимся, небывалымъ произведеніемъ... Изъ современныхъ нѣмецкихъ писателей авторъ выбираетъ, какъ наиболѣе типичныхъ, всего четырехъ: Зудермана, Гауптмана, Вильденбруха и Гальбе. Произвольность такого выбора сразу бросается въ глаза. О новыхъ теченіяхъ въ области современной нѣмецкой поэзіи, столь богатой и разнообразной, о творчествѣ наиболѣе крупныхъ романистовъ — ни слова! При такихъ условіяхъ не можетъ быть и рѣчи о полной и справедливой характеристикѣ... Вообще книгу Франке, какъ она ни любопытна, можно рекомендовать только лицамъ, уже знакомымъ; хоть въ общихъ чертахъ, съ исторіей нѣмецкой литературы, прочитавшимъ нѣкоторыя другія сочиненія по тому же вопросу, способнымъ поэтому разобраться въ оцѣнкахъ и приговорахъ автора и отличить дѣйствительно справедливое и мѣткое—отъ парадоксальнаго и односторонняго.

Ю. Веселовскій.

1) Н. Энгельгардтъ. Очеркъ исторіи русской цензуры въ связи съ развитіемъ печати (1703—1903). Спб. 1904. 2) М. Лемке. Очерки по исторіи русской цензуры и журналистики XIX столѣтія. Спб. 1904.

Книга г. Энгельгардта вызвана отпразднованнымъ въ прошломъ году двухсотлѣтіемъ нашей печати. Подобно „Исторіи русской литературы" того же автора, она отличается обиліемъ фактическихъ ошибокъ, противорѣчій, непріятною хлесткостью тона и странными полемическими выходками. Первоначальная исторія нашей періодической печати передана съ большими недоразумѣніями. Журналъ нашъ будто бы зародился во второй половинѣ XVIII вѣка, хотя первыя его попытки относятся къ 20 и 30-мъ годамъ этого вѣка. Сатирическую журналистику 60-хъ годовъ „развилъ поощрительный починъ" Екатерины Великой, хотя именно она и тормозила болѣе всего развитіе журнальной сатиры. Дальше оказывается, что она создала первый русскій журналъ. Это—„Всякая Всячина", самый слабый изъ сатирическихъ журналовъ 1769 г.

Появленіе цензуры объясняется только слабостью общественной потребности на книгу, газету и журналъ. „Нельзя учредить цензуру сапогъ, булокъ, панталонъ, ибо безъ всего этого публика не можетъ обойтись. А безъ газеты, журнала, безъ книги и писателя совершенно легко обходится" (12). Полемика Писарева и Антоновича „скоро достигла лаконической силы заборныхъ надписей по своей выразительности" (20). „Хаосъ и ничтожество прессы 60-хъ годовъ" (ib.). „Въ такихъ органахъ, какъ „Вѣстникъ Европы", „Русское Богатство", „Русская Мысль", царили полное единодушіе безсодержательной прострации и маразма старости" (21—22).

Пускаясь въ краснорѣчіе, г. Энгельгардтъ договаривается до „утренняго тумана, радугою переливающагося, за которымъ, вопреки природѣ, восхода солнца не предполагается" (21). Слишкомъ часто цитируя стихи, онъ то и дѣло ихъ перевираетъ („Дней Александровыхъ *счастливое* начало", стр. 16) [1].

[1] Вообще ему на ссылки не везетъ—и „Сѣверный Архивъ" онъ упорно называетъ „Русскимъ Архивомъ".

Digitized by Google

Какъ патріотъ и вѣрный послѣдователь идей „Русскаго Собранія“, онъ можетъ, напр., разразиться такою тирадою: „Такой пробки не найдется, которою можно было бы закупорить древнюю стклянницу съ игристымъ виномъ тысячелѣтняго народнаго духа“. Философствуя, онъ договаривается до такихъ своеобразныхъ идей (23): Когда народный духъ „поникъ, упалъ, ушелъ въ подспудныя области... никакими декретами „свободы“ слова и совѣсти не насадишь! Ибо какъ дать свободу тому, чего нѣтъ? Какъ освободить совѣсть настолько безсовѣстнаго существа, что для него нѣтъ прошлаго, нѣтъ будущаго, а только „день мой—вѣкъ мой“, кабакъ—Шато, вино—Клико и дѣва Шантанъ“. Все это, конечно, достаточно характеризуетъ легкомысленный трудъ г. Энгельгардта.

„Очерки“ г. Лемке очень содержательны и интересны. Они основаны на внимательномъ изученіи богатаго печатнаго матеріала и отличаются живостью изложенія. Они посвящены эпохѣ обличительнаго жара (1857—1864 гг.), эпохѣ цензурнаго террора (1848—1855 гг.), русскому „Bureau de la presse“ (1859—1860 гг.) и Ѳ. Булгарину.

Г. Лемке приводитъ много болѣе характерныхъ выдержекъ изъ тогдашнихъ журналовъ и газетъ, воспоминаній современниковъ, офиціальныхъ документовъ, воспроизводитъ рядъ тогдашнихъ карикатуръ, что придаетъ особенную цѣну его труду.

Изслѣдованіе его касается наименѣе изученныхъ эпохъ изъ исторіи нашей цензуры и литературы и вноситъ въ ихъ пониманіе много новаго.

В. Каллашъ.

Проф. Д. Н. Овсянико-Куликовскій. Этюды о творчествѣ И. С. Тургенева. Изд. 2-ое, исправленное и дополненное. Спб. 1904.

Второе изданіе извѣстной книги проф. Д. Н. Овсянико-Куликовскаго отличается рядомъ небольшихъ поправокъ и дополненій въ текстѣ, новымъ введеніемъ и 2 приложеніями.

Во введеніи почтенный авторъ ставитъ въ тѣсную связь общій пессимизмъ Тургенева и въ частности его скептическое отношеніе къ вопросамъ русской національности съ западничествомъ и отчужденностью отъ народной стихіи, которые были наслѣдственными въ создавшемъ его помѣщичьемъ кругу. Это—черта классовой психологіи, которую г. Овсянико-Куликовскій иллюстрируетъ рядомъ очень удачно подобранныхъ примѣровъ. Въ самой постановкѣ вопроса много свѣжаго и своеобразнаго. Почтенный авторъ на этотъ разъ вышелъ изъ сферы болѣе обычныхъ для него психологическихъ характеристикъ на болѣе устойчивую почву общихъ культурныхъ сближеній и соображеній.

Въ первомъ приложеніи дано нѣсколько наиболѣе характерныхъ справокъ изъ критической литературы о Тургеневѣ; во второмъ—выясняется связь между нравственнымъ и религіознымъ началами въ человѣкѣ.

В. Каллашъ.

Пособіе для литературныхъ бесѣдъ и письменныхъ работъ. Ц. Балталона; изданіе 5-ое, значительно дополненное. М. 1904. Ц. 70 к.

Предыдущія изданія интересной и полезной книги г. Балталона были въ свое время отмѣчены въ различныхъ органахъ, привѣтствовавшихъ появленіе этого руководства, которымъ могутъ съ одинаковымъ успѣхомъ пользоваться, какъ лица, руководящія литературными бесѣдами для учащихся, такъ и всѣ, кто стремится къ самообразованію и хочетъ болѣе осмысленно и вдумчиво отнестись къ творчеству нашихъ лучшихъ писателей. Каждое изданіе „Пособія“ пополнялось вопросами и планами для изученія все новыхъ и новыхъ авторовъ и произведеній. Такъ, во второмъ изданіи прибавлены были: „Портретъ“, „Шинель“, „Тарасъ Бульба“, „Горе отъ ума“, „Обломовъ“, „Фаустъ“, „Тартюфъ“, „Донъ-Жуанъ“, „Мизантропъ“; въ третьемъ: „Старосвѣтскіе помѣщики“, „Преступленіе и наказаніе“, нѣкоторыя вещи Короленко, „Коріоланъ“; четвертое изданіе дополнено было вопросами и планами, относящимися къ творчеству Гомера, Софокла, гр. А. Толстого, Чехова, Тургенева. Наконецъ, новѣйшее, пятое, изданіе книги еще значительно расширено и дополнено, причемъ вниманіе автора привлекли

Digitized by Google

не только произведенія нашихъ выдающихся поэтовъ, романистовъ и драматурговъ, но также нѣкоторыя критическія статьи Бѣлинскаго, Добролюбова, Писарева. Въ настоящемъ своемъ видѣ „Пособіе“ г-на Балталона обнимаетъ до двухсотъ различныхъ литературныхъ произведеній, наравнѣ со многими критическими оцѣнками тѣхъ вещей, которыя могутъ быть прочитаны во время литературныхъ бесѣдъ и нуждаются въ правильномъ освѣщеніи. Не всѣ писатели, съ которыми мы здѣсь встрѣчаемся, имѣютъ, правда, въ настоящую минуту доступъ въ нашу среднюю школу, вслѣдствіе чего иныя части книги могутъ пригодиться только лицамъ, стремящимся къ самообразованію и саморазвитію. Иные изъ этихъ писателей, быть можетъ, дѣйствительно, не вполнѣ подходятъ къ уровню пониманія учениковъ и учениць средней школы; объ отсутствіи другихъ въ гимназической программѣ можно, наоборотъ, очень пожалѣть, — это относится, напр., къ западно-европейскимъ писателямъ, которые, не исключая и классиковъ, все еще проникаютъ въ стѣны нашей школы какъ бы контрабандою, между дѣломъ, случайно, не занимая особаго мѣста, не являясь предметомъ болѣе или менѣе обстоятельнаго курса... Быть можетъ, придетъ время, когда „вопросы и планы“ г-на Балталона, относящіеся къ Шекспиру, Гете, Мольеру (этотъ отдѣлъ слѣдовало бы еще расширить, прибавивъ, напр., Данта, Расина, Корнеля, Шиллера, Байрона и нѣкот. др.), послужатъ руководствомъ и для преподавателей гимназій. Въ началѣ книги мы находимъ обширную вступительную статью, также значительно дополненную для настоящаго изданія: „О литературныхъ бесѣдахъ“. Въ этой статьѣ можно найти немало здравыхъ мыслей, относящихся къ вопросу о преподаваніи словесности въ гимназіяхъ и его недостаткахъ, и горячую защиту самой идеи внѣшкольныхъ литературныхъ бесѣдъ, которую, начиная съ 1891 года настойчиво пропагандируетъ авторъ, ставящій выше всего заботу о развитіи учащихся и пробужденіи у нихъ живого интереса къ творчеству корифеевъ русской и западно-европейской словесности.

Ю. Веселовскій.

Труды юридическаго общества при Имп. Харьковскомъ университетѣ. Томъ I. Харьковъ, 1904.

Открывая торжественное засѣданіе перваго (и—увы!—послѣдняго) съѣзда русскихъ юристовъ, предсѣдатель московскаго юридическаго общества сказалъ: „Общій законъ для воздѣлыванія науки въ наше время — это общества и съѣзды“. Спеціально же въ правовой сферѣ примѣненіе этой глубокожизненной идеи должно быть особенно плодотворно въ виду универсальнаго характера права. Раскрывая основныя начала справедливости въ правовой жизни народа, общества и съѣзды юристовъ, несомнѣнно, являются однимъ изъ двигателей цивилизаціи. Но въ Россіи лишь освободительное движеніе 60-хъ годовъ сдѣлало возможной союзную научную работу. Основанныя раньше общества не жили, а лишь прозябали подъ ежеминутной угрозой катастрофъ. Въ частности же юридическія общества въ Россіи стали возможными лишь послѣ изданія судебныхъ уставовъ 20 ноября 1864 года, хотя и въ послѣдующее время эти общества не были застрахованы отъ катастрофъ въ родѣ той, которая, напр., постигла старѣйшее и славнѣйшее русское юридическое общество московское. Надо принять во вниманіе и непривычку русскихъ къ коллективной дѣятельности и къ непрерывности работы, къ ея преемственности и къ равномѣрности ея темпа. Такимъ образомъ къ концу XIX в. у насъ было лишь 9 юридическихъ обществъ. Поэтому нельзя не привѣтствовать утвержденія 3 ноября 1900 года устава харьковскаго юридическаго общества, тѣмъ болѣе, что оно поставило руководящими принципами своей дѣятельности принципы законности, свободы личности и самодѣятельности и задалось цѣлью выяснять по указаніямъ науки и опыта современныя потребности жизни и средства къ ихъ удовлетворенію. Членовъ-учредителей было 36, а къ 19 марта 1904 г. уже 219, при чемъ въ каждомъ собраніи ихъ участвовало въ среднемъ 25 (отъ 15 до 69). Засѣданій было по 1 апрѣля 1903 года 20 (съ 30 рѣчами и докладами). Образована и комиссія для обсужденія проекта гражданскаго уложенія [1]). Правда, уже въ первые года начинаетъ сказываться обычный рус-

[1]) Протоколъ засѣданія 3 февраля 1901 года (142—148) и отчеты о дѣятельности за 1901 и 1902 гг. (258—264).

Digitized by Google

скій индифферентизмъ членовъ къ общественнымъ дѣламъ. То и дѣло откладываются засѣданія (и даже годовыя, 185, 252) за неявкой членовъ (195), а одно не состоялось за неявкой докладчика (187). Не застраховано общество и отъ катастрофъ. Издательская дѣятельность его тоже пока очень скромна (двѣ [1]), хотя и очень содержательныхъ, но все же тоненькихъ книжки за четыре года). Но будемъ надѣяться, что юное общество благополучно минуетъ всѣ подводные камни и станетъ крѣпнуть и расти вширь и вглубь.

Переходя же въ частности къ лежащей предъ нами книжкѣ его „Трудовъ", замѣтимъ, что самая интересная въ ней статья г. Устинова объ идеѣ національнаго государства (20 — 44), о которой мы уже говорили въ апрѣльской книжкѣ „Научнаго Слова", и пренія по поводу ея (206 — 217). На стр. 44 — 87 г. Бѣлоконскій выступаетъ горячимъ защитникомъ мелкой земской единицы. Но въ преніяхъ по поводу его доклада (234—251) ему справедливо указывали, что для благосостоянія деревни нужна не мелкая земская единица, а поднятіе правового и культурнаго уровня деревни, что несвоевременно поднимать вопросъ о мелкой земской единицѣ, когда у насъ теперь почти ничего не осталось отъ бывшаго самоуправленія, и что при современномъ правопорядкѣ въ деревнѣ всякая мелкая организація исказится и подпадетъ подъ вліяніе мѣстныхъ административныхъ властей [2]). На стр. 87—111 г. Оршанскій пытается доказать, что наказаніе постепенно умираетъ въ объемѣ и силѣ не вслѣдствіе его ложности, а вслѣдствіе успѣшнаго выполненія имъ его исторической задачи воспитанія народа въ чувствѣ законности. Но въ преніяхъ по поводу этого доклада (188—194) г. Оршанскому справедливо указали на недостатокъ въ его работѣ положительнаго изученія предмета, на невѣрное пониманіе имъ абсолютныхъ теорій и теорій Фейербаха и на невѣрность его основного вывода. Г. же Миклашевскій указалъ г. Оршанскому на классовой характеръ института наказанія, являющагося лишь уголовной формой экономическаго властвованія меньшинства надъ большинствомъ (194). Что же касается взглядовъ г. Анциферова на экономическія нужды деревни (1 — 20, 162 — 170 и 223 — 227), то ничего нельзя сказать противъ предлагаемыхъ имъ уменьшенія податнаго бремени и организаціи и развитія мелкаго деревенскаго кредита, какъ задачи земства при помощи государственнаго банка и частныхъ лицъ. Только напрасно онъ мало обратилъ вниманія на недостаточную культурность и самодѣятельность нашего населенія. Интересны и характеристики такого достойнаго судебнаго дѣятеля, талантливаго писателя и первокласснаго оратора, какъ А. Ф. Кони (111—126), и такого блестящаго и многосторонняго профессора, какъ А. Н. Стояновъ (127—140).

Наконецъ, стр. 141—270 заняты протоколами и отчетами общества. Кое-чѣмъ изъ нихъ мы уже попользовались выше. Отмѣтимъ здѣсь, кромѣ того, какъ наиболѣе интересные, и доклады гг. Гредескула о необходимости для современнаго гражданскаго права ограждать интересы всѣхъ слабыхъ и безпомощныхъ (145—147), Левенстима о низкомъ уровнѣ развитія инородческаго населенія и о несоотвѣтствіи существа и формы присяги его воззрѣніямъ, какъ причинахъ лжесвидѣтельства въ судахъ на окраинахъ (151 — 156), Тютрюмова о кандидатахъ на судебныя должности (171 — 177) и Попова объ адвокатурѣ, какъ общественномъ служеніи (254—258), и пренія по нимъ.

Сергѣй Шумаковъ.

А. Я. Шпаковъ. Государство и церковь въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ въ Московскомъ государствѣ отъ флорентійской уніи до учрежденія патріаршества. Часть I. Кіевъ, 1904.

Печальны послѣдствія системы смѣшенія церкви съ государствомъ, зародившейся въ Россіи подъ вліяніемъ византійскаго принципа неразрывнаго единенія вселенской православной церкви и христіанской государственной власти (грамота

---

[1]) Вторая — „Годичное засѣданіе 1902 г.", дающая характеристики гг. Ковалевскаго и Чичерина, и докладъ г. Левенстима о ссылкѣ въ Сибирь.

[2]) Не можемъ не указать и на странность терминологіи г. Бѣлоконскаго. Такъ, напр., на стр. 85 институтъ земскихъ начальниковъ онъ называетъ „земскимъ институтомъ" (sic).

Digitized by Google

патріарха Антонія 1389 г.; стр. 165—171) и окончательно укрѣпившейся подъ вліяніемъ нѣмецкихъ территоріальныхъ воззрѣній на церковь [1]).

Не говоря уже о вліяніи этой системы въ области государственнаго, гражданскаго и уголовнаго права, самую церковь она сдѣлала внѣшнимъ учрежденіемъ государства безъ внутренняго содержанія и значенія нравственно-воспитательнаго установленія для народа. Поэтому нѣтъ нужды говорить о крупномъ не только научномъ, но и общественномъ интересѣ исторіи этого процесса и остается только привѣтствовать г. Шпакова, взявшаго одинъ изъ эпизодовъ ея (именно флорентійскую унію и ея послѣдствія) темой для магистерской диссертаціи.

Только до Петра I ни церковь, ни государство не одерживаютъ еще рѣшительной побѣды надъ другой стороной. То московскій государь выступаетъ въ почетной и отвѣтственной роли крѣпкаго блюстителя и охранителя православія и государство беретъ перевѣсъ надъ церковью и преслѣдуетъ религіозное воспитаніе подданныхъ и духовныя цѣли, то духовная власть беретъ перевѣсъ надъ свѣтской и на долгое время опредѣляетъ направленіе нашего законодательства [2]). Никоновскій папизмъ былъ только послѣдней отчаянной попыткой церкви повернуть побѣду на свою сторону, вызвавшей столь же рѣшительный отпоръ со стороны государства во времена Петра, руководящія бюрократическія начала церковной политики котораго живутъ и въ наши дни. Но г. Шпаковъ, слѣдуя за проф. Владимірскимъ-Будановымъ [3]), считаетъ XIV вѣкъ эпохой равновѣсія церкви и государства, XV и XVI вв. эпохой перевѣса государства надъ церковью, XVII в. эпохой перевѣса церкви надъ государствомъ (V) и такимъ образомъ дѣйствительность приноситъ въ жертву красивой схемѣ. Не вѣрно и то, что эпоха Грознаго—кульминаціонный пунктъ въ процессѣ подчиненія церкви государству (XXXIV). Только въ XVII в. сложилась окончательно традиціонная теорія подчиненія церкви государствомъ, вызвавшая противъ себя протестъ со стороны послѣдователей какъ никоновскаго папизма, такъ и теоріи отдѣленія церкви отъ государства. Напрасно также г. Шпаковъ останавливаетъ свое вниманіе главнымъ образомъ на внѣшнихъ послѣдствіяхъ процесса національзаціи русской церкви, измѣнившихъ отношенія Москвы къ Константинополю (181, 194, 221), а не на внутреннихъ, измѣнившихъ взаимныя отношенія церкви и государства въ Московской Руси, и, давая лишь сводку матеріала, избѣгаетъ дѣлать выводы и обобщенія (главный изъ нихъ тотъ, что только полное отдѣленіе церкви отъ государства можетъ уничтожить печальныя послѣдствія смѣшенія ихъ, какъ это видно на примѣрахъ Сѣверной Америки и Франціи).

Хорошо знакомъ г. Шпаковъ съ источниками и литературой предмета. Не совсѣмъ, впрочемъ. Такъ, прежде всего насъ изумило, какъ это г. Шпаковъ рѣшился писать исторію флорентійскаго собора (1—94), не ознакомившись съ подлинникомъ труда Сиропуло (27) и ватиканскими архивами. Затѣмъ на стр. 4, упоминая про рецензію на „Обзоръ“ проф. Владимірскаго-Буданова въ „Кіевлянинѣ“, г. Шпаковъ забываетъ упомянуть про лучшія рецензіи на него въ „Журналѣ М-ва Юстиціи“ и „Вѣстникѣ Права“. На стр. 114 г. Шпаковъ ничего не говоритъ о новыхъ матеріалахъ для житья Курбскаго въ Литвѣ и на Волыни, даваемыхъ „Книговѣдѣніемъ“ за 1894 г. Да и вообще рукописнымъ матеріаломъ г. Шпаковъ очень мало пользовался. Нѣтъ у него даже ссылокъ на литовскую метрику. Поражаетъ также у г. Шпакова неразборчивость его на авторитеты. Такъ, напримѣръ, на стр. 5 попалъ у него въ таковые Карамзинъ, на стр. 104—105 и многихъ другихъ г. Иловайскій и это тогда, когда на превосходные „Очерки по исторіи русской культуры“ г. Милюкова у г. Шпакова только двѣ ссылки (136 и 199). Часто также г. Шпаковъ грѣшитъ слѣпой вѣрой въ слова его учителей (главнымъ образомъ проф. Владимірскаго-Буданова, Голубинскаго и Павлова) безъ критическаго къ нимъ отношенія.

Но если для спеціалистовъ книга г. Шпакова не даетъ ничего новаго, то для большой публики будетъ далеко не лишнимъ живое и ясное изображеніе имъ

---

[1]) Горчаковъ. Церковное право. Спб., 1902. Стр. 350—351. Кстати удивило насъ, что у г. Шпакова только одна ссылка на эту крайне важную для него книгу, да и та не на новое изданіе ея, а на устарѣлое 1880—1881 гг. (171). См. также стр. 25 въ „Политикѣ“ Чичерина.

[2]) Сергѣевичъ. Русскія юридическія древности. Т. II. Спб., 1900. Стр. 556.

[3]) Владимірскій-Будановъ. Обзоръ исторіи русскаго права. Кіевъ, 1900. Стр. 169.

Digitized by Google

процесса національзаціи русской церкви, послѣдовавшей за флорентійской уніей и паденіемъ Константинополя,—процесса, прошедшаго въ общемъ очень послѣдовательно и твердо, несмотря на робость, нерѣшительность и осмотрительность московскаго правительства, особенно вначалѣ (202). Въ результатѣ этого процесса Москва стала считать себя третьимъ Римомъ и единственной хранительницей вселенскаго христіанства (XXII). Вмѣстѣ съ тѣмъ, при поддержкѣ іерусалимскаго патріархата (232), несмотря на противодѣйствіе константинопольскаго (236), если не de iure, то de facto русская церковь стала автокефальной (228) и въ то же время болѣе зависимою отъ государства, хотя о послѣднемъ, повторяемъ, г. Шпаковъ говоритъ очень скомканно и кратко (252—262).

С. Ш.

Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію „Научнаго Слова".

М. Коваленскій. Японія. Изд. журнала „Правда". М. 1904. Ц. 20 к.

Н. Abraham. Сборникъ элементарныхъ опытовъ по физикѣ. Перев. съ франц. подъ ред. Б. П. Вейнберга, прив.-доц. Новорос. унив. Часть I. Одесса. 1905. Ц. 1 р. 50 к.

S. A. Arrhenius. Физика неба. Перев. съ нѣм. подъ ред. А. Р. Орбинскаго, прив.-доц. Новорос. унив. Одесса. 1905. Ц. 2 р.

Н. Рожковъ. Учебникъ всеобщей исторіи для среднихъ учебныхъ заведеній и для самообразованія. Спб. 1904. Книгоиздательство М. В. Пирожкова. Ц. 1 р. 10 коп.

Педагогическій музей Кавказскаго учебнаго округа. Систематическій каталогъ. Выпускъ I. Тифлисъ. 1904.

А. Быкова. Разсказы изъ исторіи Франціи. Изд. С. Дороватовскаго и А. Чарушникова. Спб. 1903. Ц. 1 р.

Государственный строй и политическія партіи въ Зап. Европѣ и Сѣв.-Америк. Соед. Штатахъ. Томъ II. Изд. Н. Глаголева. Редакція Е. Смирнова. Спб. Ц. 2 р. 25 к.

Новости богословской литературы. Системат. указатель книгъ и журнальн. статей по наукамъ богословск., философск., юридическ., историч., по литературѣ и филологіи. Библіограф. журналъ, издаваемый библіотекар. .Моск. духовн. акад. К. М. Поповымъ. Годъ I (1904). Вып. 1—2. Сергіевъ посадъ. 1904.

В. О. Крижъ. Первое домашнее чтеніе сельскаго школьника. Вып. II. М. 1904.

Н. Рихтеръ. Вулканы. Музей прикладныхъ знаній (политехническій). М. 1904.

П. Дубницкій. Чѣмъ всѣ предметы похожи другъ на друга. Музей прикладныхъ знаній (политехническій). М. 1904.

С. К. Начало раскола. Музей прикладныхъ знаній (политехническій). М. 1904.

Труды покойнаго академика-скульптора Сергѣя Ивановича Иванова. Альбомъ. Выпускъ первый. Въ 10 фототипіяхъ, исполненныхъ О. Ренаръ. Текстъ съ критикой А. Фета. М. 1904.

К. Ціолковскій. Простое ученіе о воздушномъ кораблѣ и его построеніи. Калуга 1904.

О. Шрейнеръ. Грезы и сновидѣнія. Перев. съ седьмого англійск. изд. Ц. В. Изд. 2-ое, С. Дороватовскаго и А. Чарушникова. Спб. 1904. Ц. 40 к.

А. Бэнъ. Психологія. Перев. съ англ. прив.-доц. Казанск. университ. Вл. Н. Ивановскаго. Томъ II. Изд. магаз. „Книжное дѣло". 1905.

И. М. Астыревъ. Полное собраніе сочиненій. Въ волостныхъ писаряхъ. Очерки крестьянскаго самоуправленія. Т. I. Изд. третье магаз. „Книжное Дѣло". М. Ц. 1 р. 50 к.

С. Мельгуновъ. Изъ исторіи студенческихъ обществъ въ русскихъ университетахъ. Изд. журнала „Правда. М. 1904. Ц. 50 к.

Я. О. Кузнецовъ. Изъ переписки помѣщика съ крестьянами (XVIII в.). Изданіе Владимірск. учен. архивн. комиссіи губ. г. Владиміръ. 1904.

М. Лахтинъ. Большія операціи въ исторіи хирургіи. М. 1901.

„ Этюды по исторіи медицины. М. 1902.

„ Къ исторіи фармацевтической терапіи въ XVII столѣтіи. М. 1902.

„ Religion und Medicin als Factoren der Evolution. Separatabdruck aus der Wochenschrift „Das Wissen für Alle".

Digitized by Google

М. Лахтинъ. Какъ распознавались и лѣчились болѣзни въ Московск. государствѣ. (Изъ журнала „Хирургія“).

„ Заготовка лѣкарственныхъ травъ въ XVII в. (Изъ газ. „Практич. Врачъ“.)

„ Къ вопросу о карантинныхъ мѣропріятіяхъ въ Россіи въ XVII столѣтіи. (Изъ „Сибирск. Врач. Вѣдом.“. Красноярскъ. 1903).

„ Публика и медицина. (Изъ газ. „Практич. Врачъ“.)

„ Вспомогательныя средства преподаванія и изученія исторіи медицины въ Западной Европѣ. М. 1903.

Амбулаторные листки (55). Изданіе книжной фирмы „Сизяковъ и К°“.

О холерѣ. (Составлено по брошюрѣ д-ра С. И. Сычугова.) Листокъ № 12. О-во русск. врачей въ память Н. И. Пирогова. Комис. по распростран. педагогическ. знаній въ народѣ.

Н. О. Еленевскій. Основныя начала страхованія жизни въ общедоступномъ изложеніи. Спб. 1904.

В. Богучарскій. Изъ прошлаго русскаго общества. Съ 6 портретами, № 4. Книгоиздательство М. В. Пирожкова. С.-Пб. 1904. Ц. 2 р.

Генри Джоржъ. Избранныя рѣчи и статьи. Перев. съ англійск. С. Д. Николаева. Съ портретомъ Генри Джоржа и его біографіей, составленной переводчикомъ. Изданіе „Посредника“. М. 1905. Ц. 2 р. 50 к.

А. С. Пругавинъ. Монастырскія тюрьмы въ борьбѣ съ сектантствомъ. Съ критическими замѣчаніями духовнаго цензора. Изданіе „Посредника“. М. 1905. Ц. 60 к.

Ч. Файфъ. Исторія Европы XIX в. Перев. со втор. англійск. изданія М. В. Лучицкой. Подъ ред. проф. И. В. Лучицкаго. Изданіе 2-е М. В. Пирожкова. С.-Пб. 1904. Ц. 5 р. 50 к.

Ѳ. Зѣлинскій, проф. С.-Петерб. универ. Изъ жизни идей. Научно-популярныя статьи. С.-Пб. 1905. Ц. 1 р. 25 к.

А. Генкель. Тридцать простѣйшихъ опытовъ по физіологіи растеній. Изданіе общеобразоват. курсовъ. С.-Пб. 1904. Ц. 30 к.

Его же. Краткій очеркъ внѣшней морфологіи (органографіи) цвѣтковыхъ растеній. Второе, вновь написанное изданіе. С.-Пб. 1904. Ц. 30 к.

Проф. И. Г. Оршанскій. Спиритизмъ и телепатія. Харковъ. 1904. Рѣчь, читанная на торжественномъ актѣ Харьковск. университета.

К. Каутскій. Изъ исторіи общественныхъ ученій. Библіотека „Общественной пользы“. С.-Пб. 1905.

Ганесъ Корнеліусъ. Введеніе въ философію. Перев. съ нѣм. Г. А Котляра. Подъ ред. и съ предисл. проф. Н. И. Ланге. М. 1905.

Е. Милицына. Разсказы. М. 1905.

А. Борнеякъ. Курсъ палеонтологіи. М. 1905. Изданіе М. и С. Сабашниковыхъ.

Программы домашнихъ чтеній на 2-й годъ систематическаго курса. Изданіе 3-е, исправленное и дополненное. М. 1904. Комиссія по организаціи домашняго чтенія.

Земледѣліе, промышленность и ремесла. Съ англійск. перевелъ А. Н. Коншинъ. Изданіе 2-е „Посредника“.

Избранныя мысли Джона Рёскина. Переводъ Л. П. Никифорова. Выпускъ 3-й. Изданіе „Посредника“.

А. Л. Миропольскій. Вѣдьма. Лѣствица. К-во „Грифъ“. М. 1905.

И. Штефманъ. Запятая. Синтаксическая сказка. Одесса. 1904.

Гр. Сергѣй Толстой. О составѣ крестьянскаго сословія. Изданіе журнала „Русская Мысль“. М. 1904.

П. А. Некрасовъ. Московская философско-математическая школа и ея основатели. М. 1904.

В. С. Лебедевъ. Территорія и населеніе врачебныхъ районовъ Моск. губерніи. М. 1904.

Проф. В. А. Косинскій. Къ вопросу о мѣрахъ къ развитію производительныхъ силъ Россіи. Одесса. 1904.

Ф. Индриксонъ. Нѣсколько работъ по физикѣ для учениковъ средней школы. С.-Пб. 1905.

Три бесѣды о современномъ значеніи философіи. Казань. 1904.

Проф. Ф. Содди. Радіоактивность. Перев. съ англ. Ф. Н. Индриксонъ. С.-Пб. 1905.

Digitized by Google

С. Комаровъ. Японскіе студенты. Изданіе С. П. Серебровскаго. М. 1905.

Карлъ Гарейсъ. Германское торговое право. Выпускъ первый. М. 1893. Выпускъ второй. М. 1895. Выпускъ третій и послѣдній. М. 1903. Перев. Н. И. Ржондковскій. Подъ ред. А. Г. Гусакова и Н. О. Нерсесова.

Кн. О. Трубецкая. Кн. В. А. Черкасскій и его участіе въ разрѣшеніи крестьянскаго вопроса. Томъ I., кн. 2-я. М. 1904.

К. К. Арсеньевъ. Законодательство о печати. (Великія реформы шестидесятыхъ годовъ въ ихъ прошломъ и настоящемъ. I.) С.-Пб. 1905.

І. В. Гессенъ. Судебная реформа. (Великія реформы шестидесятыхъ годовъ въ ихъ прошломъ и настоящемъ. II.) С.-Пб. 1905.

І. Эструпъ. Изслѣдованіе о 1001 ночи. Перев. съ датск. Т. Ланге. М. 1905. Труды по востоковѣдѣнію. Выпускъ VIII.

Н. А. Гредескулъ. Марксизмъ и идеализмъ. Публичная лекція. Харьковъ. 1905.

А. А. Ивановскій. Объ антропологическомъ составѣ населенія Россіи. Труды антропологическаго отдѣла. Томъ XXII. М. 1904.

Сводъ свѣдѣній о финансовыхъ результатахъ и главныхъ оборотахъ по казенной продажѣ питей за 1903. С.-Пб. 1904.

Саратов. Областная
БИБЛІОТЕКА
Периодика.

Digitized by Google

Засѣданія ученыхъ обществъ при Московскомъ университетѣ.

Императорское Общество любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи.

Этнографическій отдѣлъ.

30 сентября 1904 г.—сообщенія: *Вс. Ѳ. Миллеръ*: Неизданныя историческія пѣсни объ Иванѣ Грозномъ. *Н. Н. Соколовъ:* Изъ лѣтнихъ діалектологическихъ разысканій. *Д. Н. Ушаковъ* и *Д. И. Арапчіевъ*: Отчетъ о лѣтнихъ поѣздкахъ.

7 октября—сообщенія: *В. И. Рѣзановъ*: Новыя наслоенія въ русской пѣснѣ. Доложилъ Н. А. Янчукъ.)

Отдѣленіе физическихъ наукъ.

1 октября — сообщенія: *Н. Е. Жуковскій*: Петербургскій конгрессъ по научному воздухоплаванію. *В. Д. Зерновъ*: Сравненіе метода абсолютнаго опредѣленія силы звуковыхъ колебаній. *А. Н. Щукаревъ*; Изслѣдованіе газообразныхъ жидкихъ системъ.

Географическое отдѣленіе.

9 октября—сообщенія: *Д. Н. Анучинъ*: Памяти проф. Ф. Ратцеля. *С. Н. Соколовъ*: Поѣздка въ Повѣнецкій уѣздъ, Олонецкой губерніи. *Ѳ. С. Красильниковъ*: Изъ поѣздки по Южному Уралу. Яман-тау и Симскія пещеры.

Зоологическое отдѣленіе.

10 октября—сообщенія: *Б. К. Гиндце:* Строеніе хитиннаго скелета у Tineola biselliella. Студ. *А. д. Удальцовъ*: Naididae Глубокаго озера и его окрестностей.

15-го октября годичное засѣданіе Императорскаго Общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи.

Предметы засѣданія.

Отчетъ о дѣятельности Общества, его отдѣловъ, отдѣленій и комиссій за истекшій годъ и провозглашеніе именъ лицъ, избранныхъ въ почетные члены и удостоенныхъ присужденія премій и медалей Общества.

В. К. Церасскій: Памяти Ѳ. А. Бредихина. *Д. Н. Анучинъ* и *Н. Е. Жуковскій:* О научныхъ заслугахъ вице-адмирала С. О. Макарова. *П. Н. Лебедевъ*: Эѳиръ и матерія. *Д. Н. Анучинъ* и *Е. Э. Линева*: Фонографъ въ примѣненіи къ этнографіи (фонограммы пѣсенъ и шаманскихъ заклинаній въ Якутской области).

Императорское Московское Общество испытателей природы.

16 сентября — сообщеніе *А. Сперанскаго*: „Ураганъ въ Москвѣ 16 іюня сего года".

3 октября—годичное засѣданіе. Рѣчь *П. К. Штернберга*: Памяти Ѳ. А. Бредихина. Сообщеніе *проф. Н. А. Умова*: Матерія по современнымъ физическимъ ученіямъ.

Digitized by Google

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

1905 годъ. **популярно-научный иллюстрированный журналъ** **III-й годъ.**

Научное Слово

издающійся при содѣйствіи нѣкоторыхъ профессоровъ Московскаго университета. Ближайшее участіе въ редакціи журнала принимаютъ: **проф. Н. А. Умовъ, проф. В. О. Ключевскій, прив.-доц. М. М. Богословскій, проф. П. И. Новгородцевъ, проф. Л. М. Лопатинъ, проф. кн. С. Н. Трубецкой.**

Въ ближайшихъ книгахъ предположено напечатать между прочимъ слѣдующія статьи: I. ОТДѢЛЪ ЕСТЕСТВОЗНАНІЯ: **прив.-доц. Н. П. Кастеринъ**, „Жидкій воздухъ"; **проф. Э. Е. Лейстъ**, „Полярныя сіянія и магнитныя возмущенія"; **проф. И. И. Мечниковъ**, Этюдъ по біологіи; **проф. Б. К. Млодзѣевскій**, „О безконечно малыхъ"; **проф. Н. А. Умовъ**, „Эволюція атома". II. ОТДѢЛЪ ИСТОРИЧЕСКІЙ: **А. В. Бауперъ**, „О символизмѣ"; **академикъ Александръ Всеволовскій**, „Петрарка" **проф. И. М. Гревсъ**, „Очеркъ флорентійской культуры"; **проф. В. О. Ключевскій**, „Очеркъ изъ исторіи Московскаго государства"; **Н. В. Сперанскій**, „Вѣдьмы и вѣдовство"; **проф. Д. М. Петрушевскій**, „Очерки изъ исторіи средневѣковаго общества и государства"; III. ОТДѢЛЪ ОБЩЕСТВЕННО-ЮРИДИЧЕСКІЙ: **проф. В. М. Хвостовъ**, „Женскій вопросъ съ точки зрѣнія нравственной философіи"; „Проектъ новаго гражданскаго уложенія" **прив.-доц. Н. В. Давыдовъ**, „Женщина передъ уголовнымъ судомъ". IV. ОТДѢЛЪ ФИЛОСОФСКІЙ: **проф. П. И. Новгородцевъ**, „О принципѣ морали".

Въ текстѣ журнала помѣщаются чертежи, карты, рисунки, портреты и снимки съ различныхъ произведеній искусства. Журналъ выходитъ ежемѣсячно, за исключеніемъ іюня и іюля, книгами въ размѣрѣ отъ 8 до 10 печатныхъ листовъ.

Подписная цѣна за десять книгъ: безъ доставки въ Москвѣ на годъ 5 р. 50 к., на полгода 2 р. 75 к., съ доставкой и пересылкой во всѣ города Россіи на годъ 6 р., на полгода 3 р.; за границу 8 р. Для учащихся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ годовая цѣна уменьшается на 1 руб.

Комплекты 1903 г. разошлись. Отдѣльные №№ (1, 3—10) продаются отдѣльно по 60 к. каждый. ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА на **1904** г. Подписка принимается въ Москвѣ, въ конторѣ редакціи (**Воздвиженка, Ваганьковскій пер., д. Куманина**) и въ конторѣ Н. Печковской (Петровскія линіи). Гг. иногородныхъ просятъ обращаться непосредственно въ контору редакціи.

Новая книга: **И. И. Мечниковъ—„Этюды о природѣ человѣка"**. Съ портретомъ автора и 20 рисунками. Изданіе редакціи журнала „Научное Слово". Цѣна въ папкѣ безъ пересылки 2 р. 50 к. При покупкѣ въ редакціи „Научнаго Слова" учащіеся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ пользуются скидкой въ 30%, книгопродавцы въ 20%, другія лица въ 10%, а иногородніе не платятъ за пересылку.

Новая книга: **М. М. Покровскій—Очерки по сравнительной исторіи литературы.** Выпускъ I. Романъ Дидоны и Энея въ „Энеидѣ" Виргилія и его римскіе подражатели. Изданіе редакц. журн. „Научное Слово". Ц. 60 к., для учащихся въ высшихъ учебн. завед. и книгопродавцевъ, ц. 40 к.

Издатель прив.-доц. **Г. К. Рахмановъ.** Редакторъ проф. **Н. А. Умовъ.**

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

This book should be returned to the Library on or before the last date stamped below.

A fine is incurred by retaining it beyond the specified time.

Please return promptly.

DOOK DUE-WID

MAR 17 1980

67 34706

Digitized by Google

Digitized by Google